

Глава XI. НОЯБРЬ 1920 – АВГУСТ 1921

На рассвете, 26-го ноября 1920 г. в момент выхода из печати «Положения о Вольном Совете», Гуляйполе напоминало Запорожскую Сечь, блокированную неприятелем. Улицы были загромождены обозами, пехотинцы торопили крестьян-подводчиков, пулеметные тачанки летели за село, откуда слышалась стрельба и где рыскала разведка, выдвигая дозоры на возвышенности. Наскоро сформированная конница толпилась у обоза артснабжения, получая седла, сабли, присланные из Харькова — все готовились к встречному бою. Правительственные красные войска медленно, но грозно, колоннами подходили со всех сторон, за пять верст рассыпаясь в цепи.

Пехотный полк Савонова и батальон телеграфной связи Дерменжи, будучи застигнуты врасплох красными войсками на ст. Пологи, спешно отступили на д. Шагарово. Сипливый, бежавший с Глазуновым из Б. Токмака с русскими орудиями, прикрывал отступление полка, не имевшего обоза. Из Гуляйполя на встречу были высланы подводы, которые, подобрав цепи, доставили их в село.

Пехотный полк Клерфмана, стоящий в Малой Токмачке, ночью подвергся налету 42-й стрелковой дивизии красных. Не имея собственного обоза и достаточного охранения, он был окружен и без выстрела капитулировал. Клерфман с полковой конницей (три сотни) пробился через цепи и прибыл в Гуляйполе, по дороге опрокинув красный батальон курсантов. Он рассказывал: «Красные командиры из пулеметов расстреливали пленных, полк целиком погиб».

После мы узнали, что расстреляли около тысячи повстанцев, остальные спрятались в крестьянских хатах, рассеялись.

Положение наше было убийственно-отчаянным. Со станции к Гуляйполю подходила Петроградская бригада курсантов, с Полог — 42-я дивизия, с Федоровки — Богучарская бригада, с Покровской — Интернациональная кавалерийская бригада и со стороны Успеновки и Туркеновки — кавалерийские войска. С каждой минутой кольцо войск становилось прочнее. К тому же, среди наших частей, а их было 1 000 сабель, 2 000 штыков при 16-ти орудиях и 150-ти пулеметах, находился подозрительный красный кавдивизион, самовольно прибывший из Шагарово.

В это же утро Гуляйполе обстреляла артиллерийским огнем Интернациональная кавбригада и повела наступление, но была выбита с окраины. Вокруг населенного пункта разгорелись упорные бои. Село несколько раз переходило из рук в руки. Обе стороны несли тяжелые потери[1038]. Однако кольцо сжималось, и мы, подавленные событиями разрыва договора и

коварством красных, оставив в Гуляйполе склады с оружием, потянулись на Успеновку. Подозрительному кавдивизиону дано было боевое задание — опрокинуть с пути части красной бригады.

В полутора верстах от села началась атака. Подозрительный дивизион бросился первым и проявил себя сверх ожидания. Кавбригада будучи охвачена с флангов, побежала на Н. Успеновку, преследуемая нашей, с позволения сказать, армией. Первый бой, таким образом, был выигран. Кавбригада на изморенных лошадях была настигнута в с. Б. Янисоль и почти целиком капитулировала.

Красная же пехота, заняв Гуляйполе, была отвлечена обысками, арестовывая оставшихся мужчин. Естественно, от нас она отстала на расстояние двухдневного перехода. Это дало возможность прийти в себя, реорганизовать части.

27-го ноября командюж Фрунзе приказывал командарму 4[1039]. «Мне непонятно, почему вы отложили операцию на утро 27 ноября тогда, как это следовало сделать согласно моему приказанию в ночь с 25 на 26 ноября. Начтыла приступил к операции с рассветом 26-го, и успешно развивая действия, овладел к вечеру 26-го ноября М. Токмачкой и Пологами и подошел вплотную к Гуляй-Полю. Приказываю действовать со всей решительностью и беспощадностью. Всех, без исключения, махновцев как добровольно сдавшихся, так и захватываемых в плен, арестовать и передать в распоряжение Особого отдела»[1040].

И тогда же директива Армиям Южного фронта от 27-го, искажая даты и факты, гласила: «Ввиду отказа Махно выполнить требования Реввоенсовета фронта о расформировании его частей и открытого вооруженного выступления против нас, части фронта с утра 26 ноября приступили к активным действиям против махновских банд.

Приказываю:

Первое. Борьбу вести со всей решительностью и беспощадностью, ставя задачей полное истребление банд и уничтожение очагов бандитизма.

Второе. По занятии районов расположения махновских отрядов провести беспощадное разоружение всего населения.

Третье. В случае выхода каких-либо частей противника из-под наших ударов вести конными частями безостановочное преследование, не стесняясь никакими границами и имея в виду полное уничтожение всех остатков шаек.

Четвертое. Для окончательного восстановления порядка и создания органов революционной власти распоряжением соответствующих Ревсоварм во всех районах, захваченных бандитизмом, назначаю следующие тыловые районы 4-й армии: р. Днепр, р. Плоская Осокоровка, Славгород, Чаплино, Андреевка, р. Сухие Ялы, ст. Доля, г. Мелитополь — все включительно для 4-й армии. Р. Плоская Осокоровка – Славгород включительно, Синельниково исключительно, Дмитриевское, Петропавловка, ст. Чаплино — для фронтового отряда.

2-й Конной армии продолжить движение и сосредоточиться в районе Цареконстантиновка, Туркеновка, ст. Волноваха. Штарм 2-й Конной — Волноваха. В указанном районе немедленной приступить к ликвидации банд и разоружению населения...»[1041].

А 29-го ноября Мартыненко докладывал на заседании Екатеринославского губкома о своей последней поездке в «царство Махно». В протоколе говорилось: «...Бывшее объединение с Махно имело различные последствия. С одной стороны, то, что красноармейцы раньше, идя на фронт, чувствовали, что в тылу все расстраивается, в этом отношении соединение нас с Махно имело свои хорошие стороны. Затем союз с Махно произвел сдвиг в крестьянской массе. Крестьяне как бы поняли необходимость тесного фронта всего трудового элемента против Врангеля. Благодаря союзу Махно с нами, начался также процесс размежевания среди самих банд. Армия Махно состояла из 2-х отрядов 12 тыс. человек... Среди махновцев можно найти кого угодно: в социальном и национальном отношении. В бою они великолепны, и в этом отношении имели влияние на красные части. Махновцам был прочитан доклад о Советской власти (более ответственным работникам). Всего было проведено два совещания, где удалось выяснить физиономию этой массы. Среди них много революционных элементов, боровшихся с петлюровцами, Григорьевым, но все они совершенно неразвитые. Если бы партийные организации уделили много внимания на политическую работу среди махновцев, то результаты были бы самые хорошие...

Т. Ворошилов, ссылаясь на разговор с Харьковом, сообщает следующее: приказ, данный Махно, о том, чтобы разоружить банды, не был исполнен. Махно направился к Бердянску, с ним 300 сабель, все боеспособные ушли с ним. Крымские махновцы двигаются ему навстречу. Рассчитывая наши силы, можно сказать, что через две недели можно ликвидировать махновцев»[1042].

Тогда же 29-го ноября мы находились в с. Константиновка, что верст 40 юго-западнее Юзово (Донецк), где заседал Совет Революционных Повстанцев Украины (махновцев) совместно с членами Штаба и ответственным командным составом.

В протоколе № 7 значилось:

«Слушали: 1. Доклад тов. Белаша о полнении членов штаба.

2. Избрание начальника штаба.

3. Доизбрание членов Совета и утверждение тт. П. Рыбина и Марина членами Совета.

4. О дальнейших задачах Рев. Повстанч. Армии Украины (махновцев).

5. Конструирование следственной комиссии для разбора дел контрмахновского движения.

Постановили:

1. а) Заседание признало необходимым расширить состав членов штаба и дополнить к членам штаба тт. Белашу и Щусю еще трех членов. б) Большинством голосов из присутствующих 21-го избраны нижеследующие тт.: Дерменжи — единогласно, т. Кузьменко

— 11 за, 10 воздержались, т. Зверев — 10 за, 11 воздержались.

Примечание. Ввиду того, что тов. Зверев не получил большинства голосов из присутствующих, заседание постановило т. Зверева считать временным членом штаба.

2. Ввиду того, что тов. Гавриленко находится в Крыму, тов. Белаша заседание утверждает Начальником Штаба Рев. Повст. Армии Украины (махновцев), а тов. Гавриленко считать полевым начальн. штаба.

3. Ввиду отсутствия членов Совета, заседание постановило доизбрать членов Совета. а) Утверждается т. Василевский в члены совета, как кандидат. б) тов. Буеренко избирается в члены совета — 11 за, 1 против, 8 воздержалось. в) тт. Рыбин и Марин утверждаются единогласно.

4. а) Временно по силе возможности уклоняться от боев и заняться энергично организацией армии и объединения повстанческих отрядов, а также стараться связаться с отрядом тов. Вдовиченко. б) Организация армии и других заданий, связанных с армией, возлагается на штаб армии. в) Заседание выражает пожелания командному составу, чтобы каждая боевая часть выделила несколько артиллерийских лошадей и направила их в артиллерию в распоряжение инспектора артиллерии. г) Снабдить пехотные полки по два пулемета. д) Имеющийся по частям излишек пулеметов сдать немедленно командиру пулеметного полка.

5. Вопрос снимается с обсуждения и переносится на очередное заседание совета.

Председатель Совета. Секретарь П. Рыбин»[1043].

На следующем заседании там же в с. Константиновке от 30 ноября 1920 г. в протокол № 8 записали:

«Слушали:

1. Конструирование комиссии для расследования дел контрмахновского движения,

2. Ассигновка денежных средств для Культотдела.

Постановили:

1. В комиссию избраны тт. Василевский, Карташев и Галина Андреевна (Кузьменко — А. Б.)

2. Выдать Культотделу 500 000 руб. аванс.

Председатель Совета. Секретарь П. Рыбин»[1044].

Работало и красное командование.

В Москве, на заседании РВС Республики под председательством Троцкого трудились над задачей военной власти на Украине.

В протокол № 124 записали:

«1 декабря 1920 г.

Слушали: О задачах военной власти на Украине (Фрунзе, Лебедев).

Постановили: 1. Впредь до ликвидации Махно и украинского бандитизма вообще Южному фронту сосредоточить на этой задаче целиком и полностью свое внимание, не отвлекаясь от нее для общеорганизационных задач и вопросов...»[1045].

А на следующий день, 2-го декабря, начальник тылового района 4-й армии издал приказ № 1 о введении осадного положения в Мелитопольском, Бердянском, Александровском и Мариупольском уездах.

В нем говорилось:

««Могучим ударом Красной Армии разбит и уничтожен барон Врангель.

Трудящиеся Украины могли бы, наконец, приступить к мирному труду, хозяйственному строительству, но на пути к мирной трудовой жизни встали бандитские шайки Махно, терроризирующие мирное население и разрушающие органы Советской власти.

Пьяные бандиты, разнузданные громилы и разбойники продолжают предательскую гнусную работу.

Они разрушают народное хозяйство, убивают бойцов Красной Армии, вырезают мирных жителей, губят и без того небогатое хозяйство республики.

Несмотря на заключенный договор с Советской властью, Махно отказался выполнить приказ Революционного Военного Совета Юго-Западного фронта о расформировании своих частей и слиянии их с частями Красной Армии, но поднял вооруженную борьбу против Советской власти.

Карающая рука рабочих и крестьян в последний раз обрушится на банды и беспощадно истребит их раз и навсегда.

В боях в районе Гуляй-Поля уничтожены главные силы Махно, но и теперь преследование остатков шаяк продолжается. Проводится тщательная очистка районов от оставшихся бандитов. В связи с этим:

1. Уезды Мелитопольский, Бердянский, Александровский и Мариупольский объявляю на осадном положении.
2. Появление на улице или выезд из города, села или деревни позже 24 часов воспрещается.
3. Лица, захваченные после указанного времени без надлежащего разрешения, будут немедленно расстреливаться без суда и следствия.

4. Уличенные в укрытии и оказании помощи махновцам подлежат немедленному расстрелу.
5. Нарушение приказов по тыловому району 4-й армии будет караться расстрелом.

В развитии сего приказываю:

1. Всем знающим о месте пребывания махновцев, под страхом расстрела доносить об этом ближайшему начальнику воинской части.
2. Немедленно выдавать всех махновцев, состоящих или бывших в отрядах Махно.
3. Сдать немедленно оружие, вне зависимости от того имеются ли на него удостоверения или разрешения.
4. Сдать немедленно кавалерийское снаряжение, седла... Начальник тылового района IV-й армии Грюнштейн...»[1046].

Ожидая данных глубокой разведки и контрразведки, мы переживали за судьбу нашей Крымской группы и всех повстанческих отрядов на Украине, стремились ближайшие отряды собрать в один кулак. К тому же в Гришинском районе крупных войсковых красных частей было немного, да и те поведением не походили на военных, остерегались нападать. Лишь иногда были бои местного значения, обыкновенно оканчивающиеся артиллерийской перестрелкой.

А вообще было всякое. Например, и такое печальное недоразумение.

В ответ на занятие Гуляйполя красными Махно издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «...Отдельная Интернациональная кавалерийская бригада, состоящая из бусурманов и москалей, с невиданной дерзостью напала 26 ноября сего года на Гуляй-Поле... И причинила войскам народно-революционной армии громадный урон...

Приказываю избегать столкновения с нею... Командиров, комиссаров и бусурманов в плен не брать...»[1047].

И вот разведка доложила, что появилась бригада «бусурманов».

Происшедшее описывает красный командир, участник боев, так называемой северной группы, образованной специально для борьбы с махновцами.

«...Штаб группы сначала был в Синельникове, потом перешел на ст. Межевая – Чаплино. В состав группы входили: Сводная Заволжская отд. бригада. Киргизская отд. бригада, 19-я бригада “Внус”, отряд т. Покуса (два полка “Внус”), бронесилы и некоторые другие части, занимавшие район Синельниково – Павлодар – Гришино – ст. Дон. Ввиду такой разбросанности, связи между частями не было да и со штабом связь была ненадежной, что конечно отражалось на своевременности ориентировки и ее достоверности в смысле взаимной проверки. Быстрота же переброски махновских отрядов и стремительность их движения при почти полной враждебности населения по отношению красноармейских частей еще более увеличивало остроту недостатка связи. С самого начала операций, то есть выдвигений частей к ст. Синельниково, приходилось идти вслепую по незнакомой местности, зная лишь, что мы замыкаем кольцо окружения махновских банд, но где, именно

в данный момент, находятся эти банды точно не знали ни штаб, ни мы — строевые части.

Идея оперативного окружения не могла быть осуществлена уже по одному тому, что физически почти невозможно было связать части и захватить ими, сжимая кольцо банды, быстро с изумительной ловкостью и гибкостью ускользавшей из этого кольца. Если бы окружение и удалось, то неодинаковый качественно состав красноармейских частей, в особенности, слабый комсостав, обеспечивал махновцам легкость его прорыва даже при незначительной смелости и силе.

Стратегическое окружение было более целесообразным, зато требовало и больших сил, а значит громоздкости и тяжеловесности, благодаря чему также не могли служить гарантией уничтожения банд в ближайшее время. Махновцы при своей чрезвычайной приспособленности, легкости, громадным связям с местным населением и прекрасному знакомству с местностью могли в любой момент рассеяться по населенным пунктам, рассыпаться по всему району окружения, пробраться небольшими кучками вплоть до одиночек за его черту, чтобы вновь слиться в компактной массе для налетов, скажем, хотя бы в северной части Полтавщины или в районе Старобельск – Беловодск или Теплинского леса Изюмо-Славянского района.

Однако идея окружения была положена высшим командованием в основу операции против Махно. Части передвигались, сосредоточивались и вновь разбрасывались в каком-либо районе предполагаемого окружения, люди и лошади выматывались, а Махно разгуливал в этом районе, как ему хотелось, вынюхивал, нацеливался и вдруг делал, где нужно было по его соображениям, стремительный наскок, брал какую-либо бригаду или полк в плен, отнимал обозы, патроны, орудия и т. п. и выскакивал из кольца на простор. Не потрепанный и ослабленный, но, наоборот, усиленный и вновь снабженный всеми видами боевого довольствия — оружием, патронами, снаряжением, обозом и людьми, “гулял” он после таких набегов с высоко поднятой головой, твердо убежденный в своем превосходстве — моральном и материальном, он еще глубже врастал своими корнями победителя и “освободителя” в кулацко-шовинистическую гущу украинского повстанчества и безалаберной толпы уголовщины всякого ранга... Так было в районе Верхн. Токмака – Пологи – Конские Раздоры – Мариуполь – Бердянск. Он выкатился оттуда и очутился в районе Волноваха – Доля – Ново-Михайловка – Константиновка между речками Катлагач и Волчья.

К тому же отряды Махно в это время еще не все были в сборе и шли к намеченным им пунктам с разных сторон. Отряд Бровы шел из Павлоградского района через Синельниково и Гуляйполе, отряд Лебеда из-под Славянска через ст. Демурино на Б. Янисоль до линии р. Мокрые Ялы к верховьям р. Гайчулы: из Крыма махновские отряды прорвались в направлении к Гуляйполю, из Бердянского района они стремились также на север, словом, можно было ожидать налетов со стороны махновцев тех, которые уже были в окружении, хотя бы и стратегическом, и тех, которые шли на соединение с окруженными, это, конечно, еще более ослабляло и делало нецелесообразной осуществление идеи окружения. Весь район Екатеринослав – Синельниково – Гришино – Доля – Волноваха – Мариуполь – Бердянск – Мелитополь был насыщен бандами различной величины и разных качеств, шпионы и разведчики повстанцев-махновцев были в каждом селе, в каждом хуторе, шныряли всюду и

езде, то под видом нищих, то красноармейцев, ищущих свои части, или рабочих с шахт, покупающих на уголь хлеб, то раскаявшихся дезертиров, даже бывших коммунистов, обиженных женщин — вдов и сирот, ищущих “защиты и правового суда” и т. п. Вот почему штаб махновцев всегда располагал самыми точными, тщательно проверенными и своевременными сведениями о всех красноармейских частях, их составе, продвижении, группировках и различных даже моральных свойствах, то есть противник обладал тем, чего у нас почти не было. 29-го ноября из штаба сев. группы было получено приказание очистить район южнее Синельниково от банд. Задача была возложена на Сводн. Заволжскую и Киргизскую бригады, объединенные под одним командованием.

По сведениям отряд Бровы, силой около 400 чел., расположился в с. Григорьевке (Кривой Рог), что 60 в. ю.-вост. ст. Синельниково, и там пьянствует. Решено было сделать налет на Григорьевку, для чего было назначено два эскадрона Заволжских гусар и 2 эскадрона киргиз, которые отправились и в результате... ноль: повстанцы выскочили из Григорьевки, приблизительно, за час до прихода нашей кавалерии, относительно которой нужно сказать, что она была не на высоте своего положения. Комсостав был слаб, вял, совершенно неинициативен и не обладал почти никаким опытом партизанской войны на Украине. Красноармейцы же были мало сбиты и втянуты и, благодаря влившимся недавно пополнениям, представляли в большей части сырой, не закаленный состав. Неудача Григорьевской операции объясняется еще тем, что командир отряда по своей крайней осторожности, граничащей с неумением, задержал отряд версты за три от Григорьевки, выслав один взвод в качестве разведки, что отчасти подхлестнуло бандитов к стремительному выступлению из села, и они ушли, таким образом, безнаказанно преследуемые нашей кавалерией.

Дня через три после этого гусарский полк Заволжской Сводной бригады был выброшен в Гавриловку, что 12 вер. южнее ст. Демурино, где по сведениям нашей разведки группировались части отрядов Бровы и Лебеда. Гусары въехали в село вечером с мерами предосторожности двумя дорогами, хотя крестьяне, попадавшие им навстречу, все в один голос заявляли, что в селе нет никаких солдат: “Нема никого”. Когда колонна придвинулась к самой церкви, со всех сторон открылась ружейная (точнее из “обрезов” или “кусаков”, как называют на Украине обрезные винтовки — специфическое оружие бандитов) и пулеметная стрельба. Цепи повстанцев оказались с флангов — по дворам и хатам, а в лоб били пулеметы из-за плетней и заборов, усаженных черешнями, что в сумерках не было заметно. Гусары в панике выкатились из села, потеряв часть обоза, несколько пулеметов и около двух десятков убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Когда за селом они быстро привели себя в порядок и в боевом строю снова повели наступление на Гавриловку, в ней уже никого не было, и до утра разведка не обнаружила присутствие где-либо в окрестностях на 15 вер. ни одного бандита. Гавриловка была занята вторично без единого выстрела. Повстанцы же, как после выяснилось, балками, без дорог, прошли на рысях в ночь до 30 верст в направлении на Большую Мнхайловку (Дибровский лес).

Чтобы, хотя до некоторой степени осуществить идею окружения, командованию, за недостатком сил, приходилось дробить бригады и дивизии, растягивая их частями по значительному кругу, в сущности удар наносился растопыренными пальцами, тогда, как Махно в пунктах своего налета действовал компактными массами...

Точных сведений о Махно, о Брове и о Лебеде не было; связи с другими частями Красной Армии также: когда, где, сколько, что делает — вопросы казались праздными и совершенно открытыми. Все было благополучно “На Шипке все спокойно”...

3-го декабря Кирбригада с утра выстроилась в Комарь для движения на Богатырь. Вся улица была занята колонной, сторожевые заставы были уже сняты, авангард стоял на окраине села, и комбриг со штабом, находясь в голове колонны, ожидал вытягивания хвоста. Конечно, все это было преступным разгильдяйством со стороны комсостава и т. п., но расплата выпала на долю красноармейцев.

В момент такого выжидания, без всяких мер охранения и разведки, вдруг по Комарю был открыт с трех сторон пулеметный, ружейный и артиллерийский огонь. Комарь расположен на берегу реки: с северо-восточной, восточной и юго-восточной стороны его окаймляют небольшие горные увалы, за которыми и скрывалась махновская группа в 1, 1/2, 3 вер. от самого села. Минут через 10 после обстрела Махновская кавалерия бросилась в атаку, имея впереди пулеметы на тачанках с расстрелом вперед, вправо, влево. Около 10 пулеметов влетели карьером в улицу, на которой вытянулась колонна, расстреливая в упор сидящих на лошадях и подводах красноармейцев. За пулеметами скакали кавалеристы, которые довершили работу пулеметов шашками. Комарь был охвачен полукольцом махновской кавалерией, поэтому выбраться из села было почти невозможно. Все это было произведено среди бела дня так быстро и неожиданно, что киргизы в панике не произвели ни одного выстрела, ни один из командиров не попытался установить хоть какой-нибудь порядок, чтобы дать отпор; и командиры, и джигиты, красноармейцы бросились врассыпную, преимущественно спасаясь к реке, единственной стороне села, незаметной махновцам и не обстреливаемой ими. Получился затор, и в какие-нибудь 20–30 минут Кирбригады не существовало. Успели выскочить человек сто с 2–3 пулеметами, остальное досталось махновцам, то есть: конная батарея целиком, 8 пулеметов на тачанках, все патроны, обоз и т. д. Зарублено было до 150 человек (махновцы рубили без пощады, сгоняя красноармейцев в кучки, трупы были страшно изуродованы), около 200 было раздето донага и загнано в один большой дом под замок, часть взята была с собой.

В это время к Комарю подходил из Ново-Павловки батальон стрелков, но верст за 5–6 до села встретил бегущих навстречу очумелых джигитов, от которых не мог добиться никакого толку, кроме слов “массая Махно”, которая изрубила всю бригаду. Разведка донесла, что действительно махновцы заняли Комарь, что их очень много, бригада порублена и т. д. Командир не решился двигаться в наступление тотчас же, не надеясь на свои силы, но махновцы уже заметили пехоту. Спешно рассортировав имущество Кирбригады и пленных, они также стремительно выкатились из Комаря по направлению Янисоль. Впоследствии оказалось, что разведчики-махновцы ночевали в Комаре вместе с Кирбригадой и ночью с возами выехали из села и предупредили свои части, находившиеся в Богатыре. На заре они подошли к Комарю и, пользуясь отсутствием разведки и охранения, ударили в лоб Кирбригады.

Здесь был сам “батько” Махно с отрядом до 4 000 чел. при 8 орудиях...

К вечеру 4 и 5 XII стали возвращаться пленные Кирбригады от махновцев из б. Янисоль и др. мест. По их словам, их в это время прибыло до 50 человек, атаку на Комарь делала так называемая 2-я группа махновцев-повстанцев, состоящая из 3-х кавполков, одного пехотного, комендантского эскадрона, сотни “бацько”Махно (“Чертова сотня”), 2-х батарей и отдела снабжения. Всего от 3 500 до 4 000 чел. Пехотный полк состоит большей частью из дезертиров-украинцев, но есть алтайцы, семипалатинцы и др. сибиряки. Пехотный полк считается менее надежным боевым элементом. Вооружены все хорошо, крутят папиросы, сахару вволю, есть спирт и самогонка, патронов много, пулеметов до 25 шт., настроение превосходное. Где находится 1-я группа — неизвестно, однако махновцы, по их словам, ожидают в скором времени соединения с ней, а также и с группой уже прорвавшейся из Крыма к Гуляй-Полю. Сейчас 2-я группа движется к Гуляй-Полю на соединение, прежде всего с пулеметными полками. Отрядов Бровы и Лебеда пока у них нет, но они также скоро сольются в громадную единицу “повстанческую Украинскую армию махновцев”...

В этот же день на Комарь стали выходить партии бывших в плену у Махно красноармейцев 125 бригады, потрепанной им в районе Гуляй Поля. По их словам, бригада была почти разгромлена — взято махновцами 2 орудия, почти весь обоз, пленных до 2 000 чел., пулеметы и т. д.

Получалось впечатление, что Махно всюду и везде бьет, что нет ему отпора, что он неуловим и, следовательно, борьба с ним нашими силами невозможна. Разгром Кирбригады, помимо всего, совершенно деморализовал дух бойцов, они потеряли абсолютно веру в свои силы, в свое умение, и страх перед лихой рубкой “повстанцев”подавил их настолько, что они оказались неспособными выехать в разведку днем на одну версту от села на ровной местности. Такое настроение передавалось и другим кавалеристам...»[1048].

Мы же 5-го декабря 1920 г. находились в с. Б. Янисоль, там же приняли решение направить войска для взятия Гуляйполя, где пополниться боеприпасами и людьми, поддержать повстанческие районы морально, а ВРСовету Повстанческой (махновцев) находиться в с. Федоровке, ждать Крымскую группу и подхода повстанцев после операции в Гуляйполе, а затем провести реорганизацию в войсках.

На рассвете 6-го декабря после сильной артподготовки повстанцы атаковали Гуляйполе, в котором находились полки 42-й дивизии. 373-й полк после упорного четырехчасового боя был почти весь изрублен или пленен. Тяжелые потери понес и 374-й полк. За день боев 125 я бригада, в которую входили эти полки, потеряла 1 400 человек. В бою участвовали бронепоезда красных. Бой продолжался до 4-х часов дня[1049].

Что касается Крымской группы, то до 10-го ноября с ней существовала достаточно прочная связь при помощи конных курьеров, полевой почты, а также секретных сотрудников, которых посылали с пакетами.

После 10-го ноября наша полевая связь прекратила свое существование из-за отдаленности, разрушения ее соввластью, а частично была отозвана ввиду начавшейся телеграфной связи. Числа 16-го прервалась и телеграфная связь.

Крымская группа Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев) несла гарнизонную службу в г. Евпатории и его окрестностях, в том числе и по берегу Черного моря.

23-го ноября штабу Крымской группы был вручен приказ командюж Фрунзе № 00149/пш, в котором, в частности, говорилось:

«...Все части бывшей повстанческой армии, находящиеся в Крыму, немедленно ввести в состав 4-й армии, Реввоенсовету которой поручается их переформирование...»[1050]. На что общее собрание командиров и штаба группы ответило отказом, мотивируя его тем, что в мирное время группа подчиняется штабу в Гуляйполе и что этим приказом нарушается пункт 1-й военного соглашения.

В ответ на это 24-го ноября в штаб командюж, находящийся в г. Мелитополь, были вызваны ком. группы С. Каретников и нач. штаба П. Гавриленко. Они долго колебались, а потом решили ехать, приняв меры предосторожности и оставив вместо себя тт. Марченко и Тарановского.

По прибытию в г. Мелитополь они были арестованы вместе с ранеными: командирами Осипенко и Вильгельмом, а также другими повстанцами, ехавшими на лечение в Гуляйполе. Несколько дней спустя они были расстреляны при активном участии командования Сводной дивизии курсантов.

В это же время, 25-го ноября, Полештадив красной сводной курсантов прибыл в г. Мелитополь, где находился в то время штаб тыла 4-й армии, в оперподчинение которого дивизия переходила.

«Начтыла 4-й армии т. Грюнштейн немедленно по прибытии Полештадива сообщил Начдиву, что в городе находится махновский отряд силою от 60 до 100 сабель, служивший связью между штабом махновской армии в селе Гуляй-Поле и так называемой Полевой его армией, действующей в Крыму, что мелитопольский гарнизон ненадежен и что штаб тыла армии не чувствует себя в полной безопасности; на основании вышеизложенного начтыларм настаивал на ускорении прибытия головных частей дивизии в Мелитополь для ликвидации банды в ночь с 25 на 26 ноября. Начдив назначил для выполнения этой задачи 7-ой стрелковый полк. Командиру полка было послано на автомобиле приказание не останавливать полк на ночлег в д. Н. Даниловка, а продвинуть его к ночи в г. Мелитополь, совершив безостановочный 60-верстный марш, самому же командиру прибыть на автомобиле в Полиштадив за получением указаний.

Комполка засветло приезжает в Мелитополь, выясняет с представителем особого отдела силы и расположение банды (по сведениям особого отдела численность ее доходила до 400 сабель), разрабатывает план окружения ее и к часу 26-го ноября встречает свой подошедший полк, с которым окружает предместье Мелитополя — Песчаное, где, по сведениям особого отдела, находилась банда.

После окружения производится облава, продолжающаяся до 6 часов и не дающая никаких результатов. По сведениям местных жителей банда еще утром 25 ноября ушла из

Песчаного; напасть на ее след не удалось. На чем эта маленькая операция и кончилась.

Представитель особого отдела был искренне удивлен, узнав, что банды не было в Песчаном уже в тот момент, когда он впервые сообщил о ней Штадиву сводной...»[1051].

В ночь на 26-е ноября Крымская группа в районе Евпатории была окружена красными войсками, дороги также были перекрыты войсками. Повстанцам-махновцам был объявлен ультиматум с требованием сложить оружие — войска заняли боевые позиции.

Тогда же было совещание командиров и штабов, на котором ультиматум красных был отвергнут, как оскорбительный, и были избраны: А. С. Марченко вместо арестованного С. Каретникова, а Тарановский вместо П. Гавриленко.

Повстанцы готовились к прорыву и глубокому рейду из Крыма на соединение с Азовской группой и главным штабом.

Рассыпав пулеметы по линии обороны, повстанцы, дабы красным дивизиям показать силу сопротивления, дали в воздух салют из всех пулеметов. Красные войска были деморализованы и по фронту прорыва, не оказав сопротивления, сдались в плен.

Только здесь, прочитав приказы Фрунзе, повстанцы оценили свое положение. Но выбор был сделан.

Оставив пленных у города, Крымская группа форсированным маршем поднимается к Перекопу, чтобы выйти на простор.

В справке Оперотдела штаба командующего всеми вооруженными силами на Украине Фрунзе говорилось:

«Снявшись, в ответ на наше предложение о сдаче оружия, с позиций, занимавшихся махновцами на берегу Черного моря, отряд Каретникова около 4 часов 27 ноября пошел на север и днем того же числа пробился через расположение 7 кавдивизии у Н. Лезы, захватив в плен большую часть 2 кавбригады. Продолжая движение на север, махновцы провели ряд боев в течение дня и вечера 28 ноября, во время которых ими захвачены часть 155 бригады 52 дивизии и батальон 4 латышского полка...»[1052].

9-ю кавдивизию повстанцы не атаковали, а, сойдясь с красными бойцами, стали брататься и это был ответ на приказ Фрунзе. Дивизия в бой не вступила[1053].

В донесении красные потом напишут по этому поводу:

«Вследствие быстроты и неожиданности развернувшихся событий и неподготовленности, ввиду этого в политическом отношении красноармейского состава начало было неудачным. Красноармейцы, не разбиравшиеся в анархо-бандитских идеях... не проявили достаточной твердости и упорства в борьбе с тем, с кем они еще несколько дней шли рука об руку»[1054].

Крымская группа повстанцев двигалась западнее шоссе Симферополь – Перекоп колонной в три версты длиной. Ее преследовала 5-я кавалерийская дивизия. У селения Айбар в 23 часа 27-го ноября она была атакована повстанцами и вынуждена была ретироваться.

После боя 28-го ноября у деревни Воинка с частями 3-го конного корпуса повстанцы вышли к ст. Юшунь, где встретились с 1-й стрелковой дивизией[1055] и, пройдя между озерами, вышли к Литовскому полуострову, имея целью выйти из Крыма тем же путем, что и вошли в него. Но в Сиваше оказалось много воды, что помешало переправиться через него вброд. Поэтому часть повстанцев решила переправляться через Сиваш вброд, а основная группа направилась к Перекопу.

В приказе от 27-го ноября Фрунзе писал:

«По донесению командарма 6 махновский отряд Каретникова в составе пулеметного и конного полков проскочил через заградительную цепь наших войск и двигается в направлении Перекопа. Имеется основание предполагать, что не позднее завтрашнего дня отряду удастся выбраться из Крыма. Одним из наиболее вероятных направлений его дальнейшего движения является район Гуляй-Поле...»[1056].

Группа же в 2 часа ночи 29-го ноября вышла к Перекопу, где, предъявив армейский пропуск и пароль, под видом 46-й красной дивизии сблизилась с заставой 1-й стрелковой дивизии, сбита ее и вышла на оперативный простор.

Хочу обратить внимание читателя, что красная пропаганда делает ударение на грабительских, пьяных и погромных качествах повстанцев.

Но, очевидно, Крымская группа махновцев мало чем отличалась от регулярных войск красных, раз прошла через порядки 6-й армии, не вызвав к себе подозрения «коврами, перинами, винными запасами, наличием женщин и т. п.».

Пройдя Перекопский вал и произведя короткий отдых юго-восточнее Перво-Константиновки, группа ночью прошла через Строгановку в северо-восточном направлении и за день, с незначительными боями, достигла района Агайман, где остановилась на ночевку, а утром 30-го атаковала в с. Нижние Серогозы кавполк сводной дивизии курсантов и выбила его из селения, освободив дорогу на северо-восток.

В справке оперативного отдела штаба Фрунзе говорилось:

«Из Крыма отряд Каретникова выходит в составе, примерно, 1 000 сабель, 300 тачанок с пехотой и пулеметами, 4 орудий и после ряда мелких боев 1 декабря занимает Тимошевку, где забирает (в) плен 370 полк 42 дивизии.

Встреченный частями 1 Конармии после упорных боев, во время которых у противника отбивается 370 полк, захватываются 4 орудия, почти весь обоз, до 200 пулеметов, 700 лошадей, 800 пленных и 17 000 винтпатронов и уничтожается свыше 800 бандитов, отряд Каретникова двумя группами прорывается через желдорогу в одной версте севернее ст. Федоровка...»[1057].

Об обстановке и положении в Мелитопольском уезде в бюллетене ЦК КП(б)У говорилось следующее:

«...Особенно неблагополучной по бандитизму является Балковская волость, где Ревком все время находятся под ружьем. Всей волости ежедневно угрожают налеты бандитов с плавень.

За ней следует Веселянская волость, где бродят группы бандитов, которые разгоняют ревкомы. В некоторых пунктах волости милиция перебита бандитами. В с. Хитровке в конце декабря жизнь совершенно замерла, мужчины разбежались. Бандит Дубинин (махновец), нападавший на волость, отличался своими жестокостями. Волость разорена, хлеба нет.

После того, как в районе Тимошевки и Веселого было расстреляно 700 махновцев, прорвавшихся из Крыма под видом красноармейской дивизии и около 1 000 было отогнано до Б. Токмака и там частью уничтожены, частью рассеяны, отдельные спасшиеся бандиты укрылись на хуторах и притаились. Они бродят между селами и хуторами, но вооруженных налетов не совершают. Стычки с красноармейскими частями носят для них оборонительный характер...»[1058].

Что касается Крымской группы, то нехватка корма лошадям и переутомление бойцов, прошедших с боями за 5 дней около 300 верст, привели к тому, что группа к серьезному, маневренному бою была не способна.

На шум боя со всех сторон, перенасыщенного войсками противника, спешили красные войска: 4-й Кавдивизии 1-й Конармии, Сводной дивизии курсантов, 2-й Дондивизии, 42-й дивизии и другие.

Махновцы устали и лениво поворачивались в бою под Тимошевкой.

У красных был громадный перевес сил и отдохнувшие воинские части, их не остановил даже пулеметный огонь обороняющихся.

Потеряв командование, бежавшее впереди, остатки группы на совершенно измороженных лошадях пробивались в разные стороны, используя тактику рассредоточения и деления на мелкие отряды.

К началу боевых действий против красных во главе всей махновской организации стоял Совет Революционных Повстанцев Украины. С лета 1920 года в него вошли: Махно, Белаш, Куриленко, Каретников, Калашников, затем екатеринославский анархист Марин и секретарь П. Рыбин. Председателем Совета был Н. Махно, товарищем председателя — В. Белаш.

Совет являлся высшим руководящим органом в военном и политическом отношениях. Он имел три отдела: 1-й — оперативный, 2-й — организационный, 3-й — культурно-просветительный.

Совету, или вернее его оперативному отделу, подчинялись все штабы: шторм и штаполка, все крупные операции, налеты, рейды задумывались оперативным отделом Совета, который

состоял из В. Белаша и Н. Махно. Оперативный отдел Совета основывался на агентурных данных, поступающих от сочувствующего нам местного крестьянства, а также на показаниях пленных красноармейцев и перебежчиков, относительно сил, состава и расположения красных частей, разрабатывал различные тактические операции, сообразно с обстановкой.

Хотя оперативный отдел являлся частью Совета, он фактически был совершенно независимым от остального состава Совета, так как проводил все операции совершенно самостоятельно и не выносил свои планы на пленум Совета, как это делали отделы: организационный и культурно-просветительный.

Оперативный отдел Совета свои планы передавал, соблюдая централизацию, штарму, который в свою очередь давал дальнейшие указания и распоряжения штабам групп. Последние отдавали соответствующие приказания штабам полков. Но такой порядок практиковался только во время стратегических операций, которые не сопровождались боями, то есть во время передвижений и перемещений из одного района в другой. Во время же боев и столкновений картина резко изменялась.

Совет или штарма всегда выделяли уполномоченного, которому поручалось ведение операций по выработанному плану, с подчинением ему всех сил Повстанческой Армии. Уполномоченный действовал, сообразуясь с внешними объективными условиями, на свой страх и риск. В большинстве случаев уполномоченным был сам Махно, иногда Белаш или Петренко.

В организационный отдел были избраны тт. Куриленко и Каретников. Функции этого отдела были следующие: отдел на заседании с участием оперотдела по времени вырабатывал штат групп, полков, рот, эскадронов и взводов, а также был контролером в армии в административно-хозяйственном отношении. Выработанный штат и план внутренней организации армии организационным отделом выносился на обсуждение пленума Совета, после чего всесторонне обсуждался и утверждался заседанием Совета. Организационный отдел после утверждения планов Советом издавал письменное распоряжение штарму, и последний в своих приказах осведомлял полки.

После отдачи распоряжения по частям организационный отдел имел право в любое время контролировать все штабы и части армии, за невыполнение отданных распоряжений привлекать к ответственности по своему усмотрению, как-то: выговор, смещение на низшую должность и т. п. Кроме того, организационному отделу подчинялась комиссия противомахновских дел, председателем которой был Василевский.

В задачу этой комиссии входило: по справедливости вести дела следствия и карать лиц другого лагеря, то есть антимахновцев. Все взятые в плен красноармейцы и командиры должны были пройти через эту комиссию, работавшую в тесном контакте с членами культпросвета.

Культурно-просветительный отдел Совета был совершенно самостоятельным в своих активных действиях. Члены этого отдела, или так называемые «духовные силы» старались

как можно больше провести митингов, выпустить листовок, газет и т. п., придерживаясь анархических идей.

Председателем этого отдела был Марин, «набатовец», который работал в тесном контакте с другими отделами Совета. Все отделы имели свои штаты и сотрудников.

Штаб Повстанческой Армии состоял из: командарма Махно, наштарма — Белаша (он же начальник оперотдела Совета по выборам). Кроме того, были члены штарма: Шусь, Дерменжи, Данилов, Зверев, Фитц, Кузьменко (брат Галины Андреевны, жены Махно) и адъютант Клейман.

Штаб Азовской группы состоял из командира Вдовиченко, нач. штаба Миронова и трех членов штаба. В состав группы входили: 1 кавполк — 500 сабель, 1 пехотный полк — 400 штыков. При полках пулеметные команды по 12-13 пулеметов и одна 3-х дюймовая полубатарея. В группе был отдельный отряд в два полка пехоты, до 1 500 штыков и 1 кавполк — 400 сабель.

Штаб Крымской группы состоял из командира Марченко, нач. штаба Тарановского (впоследствии начштарма), члены: Филь и еще два человека. Кроме того, имелись территориальные части самообороны — это крестьяне, вооруженные винтовками и другим оружием, которые к рейдам не привлекались, а оставались в своих селах и деревнях, неся охрану своего района. Было множество самостоятельных отрядов махновской ориентации, о существовании которых мы только предполагали, но в данный период штаб повстанцев не ставил за цель создание крупных военных единиц.

Все это имелось на 25-е ноября — до начала военных действий.

Особых приемов борьбы в это время не было, придерживались старых. Охрана — высылка застав, дозор. Распоряжения исходили от дежурного по гарнизону. Кроме того, штарм имел свою армейскую конную разведку, которая по приказу штарма вела разведку по главным магистралям, откуда ожидался подход красных частей. Разведка ходила на 10-15 верст и собирала сведения от местных крестьян. На походе конная разведка шла впереди по назначенному в приказе маршруту и высылала передовой отряд в 1/8 своей численности, который в свою очередь делился на передовые и боковые дозоры. Боковые дозоры от дороги, по которой проходит армия, уходят на 4-5 верст, а ночью на 1-2 версты. Таким образом сведения дозоров и наблюдательных постов давали возможность, хотя и не полной, ориентировки. В бою охранение частей и обоза было разное. Во время боя вся дежурная разведка и контрразведка несли разведывательную службу, не вступая в бой, обеспечивая своими наблюдениями тыл и фланги обоза, высылая разведку на дальние горизонты и исполняя приказания штарма в этом направлении. Заставы по приказу штарма выставлялись самостоятельно каждой ночью, то есть полком в указанном штармом направлении, каждая застава имела своего начальника и его помощника, которые были в распоряжении дежурного по гарнизону и его двух помощников. Кроме того, в распоряжении дежурного по расположению поступала кавалерия дежурного полка, которую он, сообразуясь с постами, высылал по несколько кавалеристов (10-20 человек) в распоряжение каждого начальника заставы. Во время неожиданного подхода красных частей дежурный по

расположению выходил на позицию со своей частью и задерживал наступление до подхода отдыхающих частей Армии.

На подходе дежурный по гарнизону со всеми помощниками и дежурной частью всегда составлял арьергард, прикрывающий хвост или тыл движущихся частей. Дежурный в последнем случае, пользуясь топографическими условиями, по возможности, задерживает наседавшую часть противника, обстреливая ее из пулеметов, спешиваясь и располагаясь цепью и тем дает возможность главным силам уйти вне досягаемости выстрела.

Отдельные группы войск Армии и отряды неукоснительно руководствовались подобными принципами управления.

Выглядело это, например, так:

«ПРИКАЗ № 5 ПО ПОВСТАНЧЕСКОЙ ЗАПОРОЖСКОЙ ГРУППЕ ВОЙСК УКРАИНЫ ИМЕНИ БАТЬКИ МАХНО на 5-е декабря 1920 года.

§ 1 Дежурным по штабу назначается тов. Божко. Дежурным по расположению войсковой группы назначается тов. Быковец.

§ 2 Дежурной ротой назначается 2-я рота от 1-го пехотного полка, дежурным кавалерийского полка назначается на экстренный вызов 1-й эскадрон.

§ 3 Всем командирам полков, ротным, взводным, а также и отделенным приказываю, чтобы не было беспорядка и чтобы каждый повстанец вел себя честно и благородно.

§ 4 Всем командирам полками, ротами, взводами, а также отделенным смотреть за порядком всех повстанцев, на которых неоднократно доносятся жалобы о грабежах мирных жителей, а также на разувание мирных жителей,

§ 5 Всем командирам полков, а также эскадронам смотреть строго-настрого за передвижением их частей, наблюдать порядок и неразъезжать каждому кавалеристу в отдельности, как это повторяется, кто куда вздумает, туда и едет.

§ 6 Всем командирам полков, рот, эскадронов и отдельных командиров приказываю штабам группы вести все свои роты, команды, эскадроны и полки в таком порядке, чтобы всякий командир мог руководить вверенными ему частями, и все бойцы могли видеть своих непосредственных командиров.

§ 7 Командиру 1-го кавалерийского полка предлагаю сейчас же с получением настоящего параграфа выслать 8 человек, как штабными кавалеристами, разведчиками в штабной взвод.

§ 8 Приказываю всем повстанцам при встрече с красными частями и забрании их в плен не заниматься карманной выгрузкой, а вести себя перед красноармейцами честно и не снимать с них золотых колец, так как это все недопустимо и является позором для социальной революции.

§ 9 Приказываю всем командирам полков, эскадронным и ротным и всем повстанцам команды при отобраении у красноармейцев денег или вещей немедленно предоставлять в штаб группы, но не оставлять у себя. За невыполнение этого виновные будут привлекаться к суду военного времени и присекаться вплоть до расстрела.

§ 10 Командиром пехотного повстанческого полка назначается тов. Буковцев, которому вменяется в обязанность немедленно принять полк и донести о принятии его.

§ 11 Всем командирам как-то: кавалерийского, пехотного, начальнику хозяйственной части, коменданту, начальнику пулеметной команды — предоставить точный список наличия лошадей, людей, а также сбруи, тачанок и бричек.

§ 12 Прочсть этот приказ во всех полках, эскадронах, ротах, командах по всей повстанческой группе.

Командир группы Скомский.

Начальник штаба Тарасенко.

С подлинным верно адъютант Божко.»[1059].

На следующий день вновь:

«ПРИКАЗ № 6 ПО ПОВСТАНЧЕСКОЙ ЗАПОРОЖСКОЙ ГРУППЕ ВОЙСК УКРАИНЫ ИМЕНИ БАТЬКИ МАХНО на 6-е декабря 1920 года.

§ 1 Дежурным по штабу группы назначается тов. Подкова. Дежурным по расположению войск назначается тов. Чернышев.

§ 2 Дежурным на экстренный вызов назначается 1-й эскадрон; с пехотного полка назначается на экстренный вызов 2-я рота.

§ 3 Заведующим культпросветом при группе назначается тов. Жук, которому вменяется в обязанности приступить к своим обязанностям.

§ 4 Всем командирам полков выслать в штаб группы всех специалистов, умеющих обращаться с бомбами казацкого, а также другими взрывчатыми видами, а также и специалистов, занимающихся по канцелярской части, на писарей.

§ 5 Предлагаю начальнику хозяйственной части смотреть строго-настрога за своим обозом, а также за лошадьми, так так доносятся слухи, что брички меняются на самогон, а также и лошади деваются неизвестно где, а потому всем повстанцам стыд и позор носить революционное звание повстанца, а начальнику хозяйственной части отвечать за все по военному революционному времени.

§ 6 Всем командирам полков прочсть этот приказ во всех ротах, эскадронах.

Командир группы Скомский.

Начальник штаба Тарасенко.

С подлинным верно адъютант Божко.»[1060].

По прибытии в село шторм в своем предписании указывает частям, где нужно выставить заставы, сборный пункт, назначает дежурного по расположению и армейский сигнал. Тревожный сигнал — по три учащенных удара в церковный колокол, а спокойный — по одному медленному удару.

В случае неожиданного подхода красных частей и невозможности шторму известить части о выступлении, дежурный по расположению с разрешения шторма дает тревожный сигнал, тогда все части спешат на сборный пункт, где командарм или шторм отдает дальнейшие распоряжения письменно или словесно. Если же выезд спокойный, то части в указанное время являются на сборный пункт и, получая приказ, отправляются в путь.

Походное движение армии было разное. В большинстве случаев впереди идет разведка, шторм, один кавполк при одном орудии и пулеметном батальоне, составляющие авангард, затем идут кавчасти, без обоза, орудия, пулеметный полк, общий (состоящий из обоза всех частей) обоз под руководством коменданта шторма и комендантов частей, затем лазарет и дежурная часть, то есть арьергард.

При подходе красных пехотных частей к месту расположения армия повстанцев под руководством назначенного лица или самого Махно разворачивается, в большинстве случаев веером, огибая фланги красных частей, и если топографические условия допускают скрытый подход, ударяют лавой или тучей в тыл или фланг, высылая часть своего состава на обозы противника. Причем это делают основные силы, предназначенные для главного удара, выставляя против фронта пехоты редкую конную цепь или так называемые кучки, сабель по 10–20, задача которых удерживать за собой занятую позицию и приковать к себе внимание пехоты противника, обеспечив успех главного тылового или флангового удара.

В бою с кавалерийскими частями повстанцы вели совсем иной порядок боя. Здесь быстрота и натиск решали все. Махновцы действовали на манер казачьих войск. Командиры махновских частей для достижения поставленных целей жертвовали сами своей жизнью, увлекая за собой бойцов.

В бою с конницей противника повстанцы группировали эскадронные и взводные колонны, стараясь выделить из своей части небольшие группы, которые кучками нападали и резали фронт красных, сосредоточивая главный удар точно в лоб красной коннице.

Во время атаки в конном строю старались принять на себя первую атаку красной конницы и, в зависимости от обстоятельств, кроме клинков, применяли и личное огнестрельное оружие, звук выстрела пугал лошадей красноармейцев и они рвались в стороны.

В других случаях в первые ряды атакующих повстанцев выходили пулеметчики — «люисисты» на лошадях, которые сбивали любые атаки противника, заставляя его

останавливаться и бежать назад или в стороны, и тем предоставляя широкую инициативу повстанцам в преследовании сбитой с атаки кавалерии противника.

Успешно применялся прием имитации встречной атаки в конном строю, где за кавалеристами-повстанцами следовали пулеметные тачанки. При сближении с противником кавалерия повстанцев расступалась вправо и влево, а атакующий противник попадал под убийственный огонь пулеметов.

Использовалась тактика вовлечения войск противника в длительные преследования по местностям, где не было ни лошадей, ни фуража. Измученные безуспешным преследованием части противника останавливались на отдых, и тут повстанцы наносили удар. Или увлекали преследователей в удобные балки, которые становились для них ловушками. Для преследователей использовались засады и т. п.

Кроме быстроты и натиска, использовали все доступные способы и боевые средства с целью посеять в рядах противника панику и потом решать вопрос ударом.

Во время рейдов иногда приходилось делать переходы в 80–100 верст в сутки, которые были возможны благодаря замене уставших лошадей на свежих.

При разработке маршрута определялись деревни, лежащие на пути движения, в которые заранее высылались разведчики и квартирьеры. Эти разведчики через сочувствующее население подготавливали все необходимое. И когда повстанцы приближались к такому населенному пункту, то там уже держали наготове тачанки с лошадьми, продовольствием и фуражем. В зависимости от обстоятельств, такая замена происходила без остановки движения.

Наши боевые успехи противник приписывал офицерам, якобы находящимся в рядах повстанцев. Но ни руководителей, ни даже бойцов, офицеров старой армии не было. Были повстанцы, произведенные в офицеры во время Керенского за боевые отличия, из коих руководителями были следующие: Петренко, Тарановский и Вдовиченко — прапорщики, Гавриленко — штабс-капитан. Кроме этих офицеров, вышедших из крестьянских низов, других офицеров в армии никогда не было.

Способы добычи средств войны были разные. Был и такой, о котором говорил в своем докладе председатель Совнаркома Украины Раковский: «...Мы имеем, например, сведения, что в сентябре, когда Махно находился в Донецкой губернии, он снабжался из Луганского патронного завода. По нашим сведениям он там получил около полутора миллионов патронов...»[1061].

Тем временем, выполняя указания Москвы, Фрунзе усердствовал:

«...5 декабря 1920 г. г. Харьков.

Южному фронту поставлена задача в кратчайший срок окончательно ликвидировать махновщину, дабы можно было приступить к советскому строительству и проведению продовольственной кампании.

Я решил концентрическим наступлением с северо-запада, севера и востока прижать остатки махновских отрядов к Азовскому морю и беспощадно уничтожить.

Приказываю:

...Третье. Командарму 1-й Конной продолжать ликвидацию бандитизма в районе армии на правом берегу Днепра. 4-й кавдивизии и ближайшим к Новомосковскому Району другим частям Конной армии срочно ликвидировать все повстанческие отряды и банды в Новомосковском и Павлоградском районах. Во исполнение этой задачи широко охватить указанный район с севера, востока и юго-востока, концентрическим наступлением прижать банды к Днепру и уничтожить...

Шестое. В частичных-столкновениях с махновцами до вечера 10 декабря действовать так, чтобы отнюдь не удалять их от Гуляйпольского района: необходимо, чтобы к этому времени возможно больше махновских отрядов оказалось внутри нашего кольца.

Седьмое. 11 декабря всем частям быть готовыми начать концентрическое наступление для самого беспощадного истребления махновщины. Для этого нужна группировка наших частей в несколько линий, в шахматном порядке, дабы не могли больше иметь места случаи прорыва отдельных махновских отрядов. При суживании кольца нашего расположения, при наступлении увеличить глубину группировки наших частей путем образования резервов...

Девятое. Обращаю внимание командармов и начальников групп на необходимость быстрых и решительных действий и, считаясь с огромной государственной важностью возложенной на нас задачи, проявить всю энергию для успешного ее разрешения.

Командюж и член РВС М. Фрунзе.»[1062].

Шестого декабря в селе Старый Керменчик (Старомлиновка) заседал Совет. Единогласно было принято решение: объединить разбросанные силы повстанчества, сохранив их до весны. Зима, по климатическим условиям, считалась неблагоприятной, отчего повстанцы сидели по домам.

После заседания Совета собрался многолюдный митинг. В это время на горизонте появилась долгожданная колонна верховых и тачанок. Два разведчика скакали к нам в село.

— Идет Крымская группа! — пронеслось по толпе.

Крымская группа — основная гвардейская сила армии, отчего штарм, узнав, что она вышла из Крыма, ждал ее с нетерпением.

Так, колонной, под ликование всех присутствовавших, они вошли в село. Из всей Крымской группы уцелели 25 пулеметных тачанок и около двух с половиной сот всадников во главе с Марченком и Тарановским. Только они прибыли в армию и остались в строю. Остальные погибли, а частично рассеялись по селам и хуторам, спасаясь от красных. И какое было разочарование и уныние, когда Марченко рассказал подробности и итог боевой истории Крымской группы, на которую так надеялись. Все, от рядового бойца до командира,

почувствовали себя на краю гибели. Но подошедший красный отряд привел нас в боевое состояние. Повстанцы приняли бой, в результате которого красный отряд был разбит наголову.

После боя войска вышли на с. Федоровку (Чубаревка), в которой продолжили заседание Совета, где обсудили создавшуюся обстановку и линию поведения. Второй протокол заседания этого дня гласил:

«Протокол № 9 заседания Совета Революционного Повстанчества Украины (махновцев) от 6-го декабря 1920 г. с. Федоровка.

Слушали: 1. Доклад Махно об организации военных частей. 1. а) Ввиду объединения а) некоторых повстанческих отрядов, Совет постановил предложить тов. Марченко взять на себя командование кавалерийской группой, а тов. Петренко — пехотной группой, б) Тов. Клерфона привлечь к контрольно-организационной работе с правом присутствовать на заседаниях Совета.

Председатель Совета. Секретарь П. Рыбин»[1063]

В это время 8 декабря командвойск ВНУС Р. Эйдеман телеграфировал Предеовнаркому В. И. Ленину копию ЦК КП(б)У:

«Краткая ориентировка положения на внутреннем фронте Украины по состоянию на 7 декабря 1920 г.

...В Екатеринославской губернии за последнее время отмечается появление целого ряда отрядов 100–300 человек махновской окраски: в районе Михайловки (30 вр. юго-западнее Екатеринослава) во главе с Литвиненко, д. Хандалеевка (20 вр. севернее Павлограда) во главе с бандитом Брова, в д. Николаевка (40 вр. юго-восточнее Павлограда) во главе с Пушкаревым, и др.

Главные силы банды Махно оперируют в Александровской губернии, одна группа во главе с Махно в районе Керменчик (140 вр. восточнее Гуляй-Поля), другая группа во главе с Удовиченко (Подковы и Тарасенко) в районе станицы Новоспасовское (20 вр. севернее Бердянска) и третья группа в районе Малая Белозерка (55 вр. севернее Мелитополя). Последняя группа силою до 3 полков была разбита 4.XII частями 4 кавдивизии 1 конармии, причем у бандитов было отбито 17 тачанок с пулеметами, 9 орудий и много другого имущества. У первой группы банды Махно, оперировавшей в районе Екатериновки (35 вр. севернее станции Волноваха) частями 2 кавдивизии было взято в бою 150 пленных махновцев и 1 орудие. Преследование махновских банд продолжается»[1064].

Сводка информационного отдела ЦК КП(б)У о партийной работе в Александровской губернии от 9-го декабря сообщала:

«...Большая часть губернии находится в сфере действия и влияния махновцев. Пропаганда Махно ведется преимущественно в тех районах, где мало наших политработников и нет

нужных военных сил. Таково положение в районах — Гуляйпольском, Ореховском и почти по всему Александровскому уезду, где рассыпаны штабы Махно. Эти штабы рассылают агитаторов, разгоняют волревкомы, организуя вместо них вольные советы, запрещают населению выполнять Советскую разверстку и снабжать красные части, вербуют добровольцев в партизанские отряды.

Бандиты убивают членов ревкомов, политработников, продагентов и даже сестер милосердия и раздевают красноармейцев. Население терроризировано. Среди крестьянства в некоторых местах чувствуется разочарование в махновщине и тяготение к созданию Советских органов власти. Но расслоение деревни еще не проведено. Бедняки и середняки подавлены и запуганы...

В Б. Токмакской организации насчитывается всего 15 членов партии, в Бердянске — 60 и в Мелитопольской — 75. Слабость сил не дает возможности наладить работу в деревне, которая там, особенно, необходима... Деятельность райревкомов очень слаба вследствие недостаточности связи с местами и отсутствия ответственных работников...»[1065].

Главная сила большевиков — войска, в это время тщательно готовилась к приведению к покорности края, и Фрунзе приказывал Южфронту:

«10 декабря 1920 г.

По последним данным, Махно, разделившись на несколько отрядов, 6–7 декабря из района с. Керманчик оттянулся на юг в район Цареконстантиновка, намереваясь, по-видимому, объединить действующие здесь самостоятельно банды.

Приказываю:

Первое. Выполняя прежнюю задачу окружения полного истребления бандитов. Действующим группам сузить кольцо охвата и не позднее вечера 12 декабря прочно занять линию...

Второе. С утра 13 декабря всеми силами перейти в общее наступление, беспощадно уничтожая все шайки. К 16 декабря в полосе наступления до Азовского побережья не должно остаться ни одного бандита.

Третье. Наступление вести согласованно, плечом к плечу с соседом, не оставляя промежутков без огневой связи. Учитывая подвижность противника, иметь в тылу достаточные резервы и по мере продвижения увеличивать боевой порядок в глубину. Ни в коем случае не занимать линейного построения сплошной слабой цепью.

Четвертое. Тщательно организовать связь и по фронту и в глубину. Разведку вести непрерывно, широко используя и все наличные авиасредства.

Пятое. По мере продвижения частей пройденные районы самым тщательным образом контролировать специально выделенными тыловыми отрядами и уничтожать всех оставшихся и укрывшихся бандитов.

Шестое. С уходом частей 4-й армии и 2-го конкорпуса с линии Марфополье – Новопетриковка на юг, северной группе, оставляя фронтовой резерв, занять район Туркеновка, с. Керменчик, Новопетриковка, Красноселка, образовав вторую линию заграждения с севера. Тщательно очистить указанный район от остатков шаек и быть готовым при необходимости, по усмотрению командгруппы, ударить в любом направлении по шайкам противника...

Восьмое. Командарму 1-й Конной не позднее 16 декабря закончить ликвидацию бандитов в районе Новомосковка и Константинограда...»[1066].

Повстанцы же во исполнение постановления Совета РПАУ (махновцев) движутся в Бердянский район на соединение с отрядом Вдовиченко. На рассвете 10-го декабря они бросаются в атаку на стоящую в с. Цареконстантиновке (Куйбышево) маршевую кавбригаду 2-го конкорпуса (бывшая 2-я Конармия), в состав которой входило много ингушей. «...Часть ее перешла на махновскую сторону, несколько человек комсостава погибло, а большая часть бригады в панике бежала 80 верст и была остановлена и повернута назад в районе ст. Большой Токмак...»[1067].

Тогда же повстанцами был «захвачен сборный обоз конармии, большое количество обмундирования, патронов и первый эскадрон, убиты начхоз, военком 21 дивизии и пять красноармейцев.

В районе Гайчур бандой ограблен обоз 337 полка...»[1068].

7-го декабря в станице Новоспасовской повстанческая группа Вдовиченко взяла в плен два эскадрона 3-го кавполка. 9-го числа части 4-й кавдивизии имели бой у с. Кочерыжки с отрядом Бровы, состоявшей из 300 пехотинцев на подводах и тачанках и четырех эскадронов кавалерии. 22-го у с. Марьевка особая кавбригада под командованием Новотного вела бой с отрядом повстанцев в 700 штыков и 500 сабель. В районе с. Перещепино происходили стычки с отрядом Матвиенко, насчитывавшим 500 бойцов[1069].

Тем временем основное ядро повстанцев из Гуляйполя двигалось на соединение со штармом и группой Вдовиченко. Вечером достигнув с. Поповки (Смирново), разбивают кавбригаду красных. 11-го декабря в с. Новоспасовке (с. Осипенко) штамм присоединяет группу Вдовиченко.

Красные войска стремились прижать повстанцев-махновцев к Азовскому морю, как они выражались «загнать в мешок», и когда повстанцы оказались в с. Новоспасовке, то командование посчитало, что участь махновцев в этой ловушке уже решена.

Но махновцы после боя со 2-й спешенной кавбригадой у ст. Петровская, где один из кавполков поднял мятеж и перешел на сторону повстанцев, на рассвете 12-го атакуют город Бердянск, в котором захватывают штаб 2-й запасной бригады во главе с командиром, 2 орудия, 6 пулеметов и почти целиком 3-й кавполк[1070].

Вот как это описал защитник города:

«...События происходили в Бердянске Запорожской губ., в городке, расположенном на берегу Азовского моря, среди махновских гнезд и представляющем из себя тупик. Железная дорога, ведущая на ст. Пологи, и две из трех грунтовых дорог проходимы только для махновцев.

Вот в этот-то тупик 12 декабря 1920 года и явился Махно со своей бандой в четыре-пять тысяч человек...

Из войсковых частей в Бердянске находилась небольшая часть спешенной кавбригады, которая имела убийственно-жалкий вид и, к несчастью, батарею 3-х дюймовых орудий, которые потом достались Махно и из которых он разрушил здания и опорные пункты 12 декабря.

Спешенная кавбригада по приказу должна была вечером 11-го декабря выйти из Бердянска и занять Николаевку и Дмитриевку, так что при подсчете сил ее не брали в расчет. Следовательно, в распоряжении Бердянска оставались: местный батальон и червонная сотня Уездвоенкомата в количестве до 300 человек (полумахновский элемент), несколько продармейцев, красноармейцы Чека и организация КПУ численностью до 300 человек. Вот и все вооруженные силы, которые должны были вступить в бой с 5-ю тысячной бандой...

В задачу осаждаемых бердянцев входило продержаться 2-3 часа, а затем, дескать, помощь будет дана извне, и Махно будет закупорен в бердянском мешке. Однако, в действительности, получилось другое.

В 24 часа 11 декабря связь с Ново-Спасовкой была прервана, и Бердянск получил лаконичное уведомление Вдовиченко: "Иду на Вы". Зная тактику Махно, который делает налеты преимущественно на рассвете и никогда не остается ночевать в местах налета, бердянские коммунисты принялись за последнюю подготовку: занимали опорные пункты, строили баррикады, делали перегруппировки и подвозили патроны.

Около 6-ти часов 12 декабря раздались первые выстрелы, сняты были наши заставы, и Махно ворвался в город, одновременно ведя оцепление с 3-х сторон, распространяясь по окраинам. Главные силы Махно с восточного спуска шли по Воронцовской улице на площадь и по Итальянской — в направлении Чека, где и столкнулись с первым опорным пунктом на почте. Одновременно с первым пунктом банда продвигалась дальше к Чека и вступила в бой со вторым пунктом, расположенным в этом учреждении.

Бой длился очень недолго. Как с почты, так и с Чека бойцы вышли на площадь и соединились там с бойцами 3-го пункта Упродкома, который был оставлен без боя, и составили наскоро отряд, которому пришлось обороняться с двух сторон от нападающего противника. Махновцы, заняв указанные пункты, шли по пятам на площадь, а другая колонна махновцев, шедшая на Бердянск другой дорогой, спускалась по кладбищенскому спуску и тоже вошла в соприкосновение с отрядом.

Здесь бой принял ожесточенную форму. Махновцы бросились в атаку, отряд отбил ее. Повторно — опять отбил, и так несколько раз, до тех пор, пока с флангов не вмешалась кавалерия. Правда, тут оказала маленькую помощь батарея спешенной кавбригады, которая

вечером почему-то не ушла. Кавалерия сначала бросилась на батарею, перебила прислугу и затем врезалась в отряд, который в это время был прижат к предместью “Лизки”. Началась рубка и бой прикладами. Бойцы бились отчаянно, но к 9-ти часам отряда уже не было, на его месте лежало до 80-ти изуродованных трупов. Спаслись очень немногие.

Так закончился бой на западной окраине Бердянска, и Махно спокойно расположил свои силы на площади...»[1071].

Совет повстанцев намеревался в городе размножить листовку «Черная измена большевиков», отпечатанную в штабной полевой типографии. Но рабочие разбежались по домам, и типографии были пусты, печатать было некому. Задерживаться в городе штаб не решался, ввиду концентрации красных войск у с. Андреевки и округе. Собственно, в этом не было нужды. Маневр удался, нужно было возвращаться и продолжать развивать операцию по выходу из окружения.

В 14 час. повстанцы начали спокойный выход из города и уже к 20 часам покойно отдыхали в Новоспасовке.

А вот в справке оперативного отдела штаба Фрунзе наглядно показано, как можно фальсифицировать факты и поражение выдать за победу. В ней говорилось:

«...13 декабря 2 конкорпус выбивает противника из Бердянска, отбив батарею, захватив знамя азовской группы махновцев и изрубив до 500 махновцев, и вынуждает противника к отходу в северо-западном направлении. 14 декабря Махно загоняется в Андреевку, где и окружается нашими частями...»[1072].

К этому времени повстанцы насчитывали в своих рядах свыше 3 500 сабель, 500 штыков, 16 орудий и около 500 пулеметов. Под вечер 13-го декабря, ставя своей целью разбить группу красных войск, выделенную командованием для ликвидации махновщины, повстанцы вышли по старой дороге к северу. Ночью заняли с. Андреевку, вокруг которого были сконцентрированы красные войска. Ночь прошла напряженно.

Наступило раннее туманное утро 14-го декабря. Со всех сторон в село летели снаряды, поражая обоз и хаты. Затем части 42-й дивизии перешли в атаку с северо-востока, Сводная дивизия курсантов с северо-запада и запада, части 2-й стрелковой дивизии бросились с юга, с востока подходили части 2-го конкорпуса.

В операции под Андреевкой со стороны красных принимали участие также 2-я Дондивизия, 3-я Киевская бригада курсантов, 5-я, 7-я и 9-я кавдивизии, Интеркавбригада и другие части.

Положение повстанцев оказалось тяжелым. Но опыт и ответственность момента мобилизовали решительность и способность.

Минуты — и пулеметный полк, сосредоточивший огонь на участке в полверсты, обратил красных в бегство. Бригада 42-й дивизии успела отбежать полверсты за село, где капитулировала перед конницей.

Таким же путем была взята в плен и наступающая с юга 4-я бригада 2-й Донской дивизии[1073].

В результате красные были разбиты, отступив от села и оставив в плену две бригады. Армия маховцев снова втянулась в Андреевку, где стояла до вечера, подсчитывая трофеи и отдыхая, особенно в этом нуждалась кавалерия.

Вечером красные дивизии вновь окружили село и начали обстрел из орудий и пулеметов.

Вот как описали события в с. Андреевке сами красные:

«14 декабря прошлого года в дер. Андреевке Бердянского уезда произошло событие, представляющее собой убедительное доказательство того, что успехи Махно, его популярность и неуловимость в движениях надо объяснять не столько личными качествами “батяки” — сколько соображениями иного порядка, а именно: особенностями партизанской тактики, несовершенством боевых аппаратов Красной Армии и тем глубоким безразличием и апатией, с которыми действующие войсковые части исполняют возложенные на них поручения.

Андреевская история, сделавшаяся впоследствии предметом расследования трибунала, представляет большой интерес как в смысле соотношения сил враждующих сторон, так и в отношении шагов, предпринимаемых красным командованием в целях поимки Махно, следовательно — со стороны стратегической. Финал же этой истории еще раз доказал, что подавляющий перевес в людском составе и технических средствах не обуславливает победы вообще, и победы над партизанами, в особенности.

Эта стратегическая мораль, и ранее ободрявшая Махно, теперь окончательно утвердила его в тех предположениях, что никакое окружение не страшно...

14 декабря 1920 года в деревне Андреевка при счастливейших обстоятельствах представлялся великолепный случай раз навсегда покончить с популярнейшим вождем украинских бандитов...

Командующий 4-й армией оперприказами за №№ 31, 32, 33 дал всем ответственным участникам операции детальнейшую ориентировку в положении дел, дополнив эти приказы многочисленными приказаниями, адресованными Начдивам и Комбригам, в коих он всесторонне осветил задачи каждой части. Немудрено поэтому, что в руководящих командных кругах 4-й армии были твердо убеждены в том, что при создавшейся обстановке Махно и его партизанская армия обречены были на капитуляцию...

Наметив местом решительной схватки Андреевку, противник ничем не проявлял своих намерений и, держась пассивно, вводил в заблуждение наши разведывательные органы. Таким образом, ночь на 13-е декабря, да и самый день в расположении частей прошли спокойно. Полки без боя, даже без соприкосновения с противником, занимали указанные им пункты, с каждым шагом вперед сгущая цепь окружения. Только к ночи 13-го декабря выяснилось, что части противника, занимавшие Бердянск, в полдень 13-го покинули его и потянулись на север в район Новоспасской...

В то время, когда наши части совершили заключительные этапы своего наступательного движения, в стане врага вполне осознана была грозящая ему опасность. Махно и Вдовиченко, создавшие, как результат своего объединения, довольно внушительный бронированный кулак, решили ударить им в одном направлении — именно в северном, положив в основании успеха суворовский принцип — быстроту и натиск. В полдень 13 декабря, как говорилось выше, ими оставлен был Бердянск, а 3-4 часа спустя главные силы Махно перекочевали в ст. Новоспасовскую. Но в этой последней Махно задержался ровно настолько, сколько требовалось, чтобы отдать необходимые распоряжения, обеспечивающие дальнейшее движение. С этой целью в Новоспасовке им был выделен арьергард и боковые отряды, которые играли роль завес и должны были скрывать движение основных масс так называемой партизанской армии. Приняв, таким образом, ряд предохранительных мер, Махно вечером 13 декабря быстро двинулся на север — в Андреевну.

Этот отлив махновцев из Бердянского района через Новоспасовскую в северном направлении не был нами своевременно замечен, почему и предполагалось до самого утра 14 декабря, что операция по окружению и уничтожению махновцев будет протекать в районе ст. Новоспасовской. Ясно не представляя себе, в каком именно пункте должна произойти развязка, все, впрочем, считали совершенно очевидным, что решительная схватка не за горами и до момента боя остается всего несколько часов. Поэтому Командующий 4 армией оперприказанием за № 0147 в 2 часа 30 мин. 14 декабря спешно отдает распоряжение, которым вносится в боевой порядок некоторые изменения, а именно, дивизии 3 конного корпуса размещаются за левыми флангами действующих пехотных дивизий. Таким образом, был внесен последний корректив в расположение частей, а место нахождения ядра повстанцев еще не было установлено...

Посмотрим теперь, как протекала операция на участке 42 стрелковой дивизии, принявшей на себя первые удары махновцев в Андреевском сражении.

В 2 часа 126-ая бригада вступила в бой с махновцами, наступавшими от Андреевки на линию хут. Дубовик и хут. без названия, что в 6 верстах восточнее хут. Дубовик. Для поддержки 126-й бригады из села Берестовое выступила 125-ая бригада, а из Белоцерковки для удара по Андреевке с северо-востока была брошена 3-я запкавбригада. 124-ая бригада занимала линию Алексеевка – Ланцевы – Бельманка, поддерживала 126 бригаду, будучи готова в случае нужды немедленно влиться в ее цепи. Ожесточенный бой длился в течение 5-ти часов. Около 8 часов противник, подтянувший в Андреевну главные силы своей конницы, усилил наступление, стараясь прорваться на северо-запад, однако части 42 стрелковой дивизии отбили стремительные атаки противника и при поддержке 9 кавдивизии сами перешли в контратаку. Первая бригада 9 кавдивизии брошена была со стороны д. Поповка и вторая бригада — со стороны Салтычья. Махновцы не выдержали контратаки, и цепи их хлынули назад в Андреевку. Под давлением наших частей с севера, северо-запада и северо-востока противник бросился на юг, но там его встретили штыки 2-й бригады курсантов, прочно занявшей южную оконечность деревни; тогда махновцы устремились снова на север и, сгруппировавшись в центре села, упорно оборонялись до наступления темноты.

Испробовав, таким образом, путем последовательных атак прочность окружения. Махно убедился, что единственным возможным для него по-прежнему остается прорыв на север, так как части 1-й и 2-й бригад курсантов, занявшие западную и южную окраины деревни, наглухо захлопнули все выходы из нее. Но прежде чем предпринять последнюю решительную атаку, Махно решил путем демонстративных движений усыпить бдительность окруживших его частей. С этой целью повстанцы после неудачных атак северо-запада и юга перед вечером 14 декабря стали стягиваться на юго-восток деревни, и передовые отряды демонстративно даже вышли из нее, направляясь на юго-восток. Новое движение противника было замечено начдивом 42, который принял его за чистую монету и решил, что наступил наиболее удобный момент для смены измученной 126 бригады резервной 124 бригадой, свежие части которой должны были совершать в погоне за противником форсированный марш на юго-восток. Но если начдив 42 следил за Махно, то последний еще более внимательно наблюдал за начдивом и путем, очевидно, агентурных сведений узнал, что предстоит смена частей 42 стрелковой дивизии. С наступлением темноты произошла и сама смена бригад. Предполагая, что новая бригада недостаточно прочно укрепилась на новых позициях, Махно, едва только последние ряды ее заняли указанные им участки, свернув свою банду в единый ударный кулак, обрушил ее на части 124 бригады, смял их и устремился вслед уходящим полкам 126-ой бригады. Повергнув их в панику, противник сделал свое дело и, вырвавшись из западни, ринулся на дер. Поповку, где в то время расположена была 2 бригада 9 кавдивизии, смял ее и форсированным маршем двинулся дальше на северо-запад на Конские Раздоры...»[1074].

В результате прорыва четвертая часть 126 бригады была изрублена повстанцами, а 1 265 бойцов попали в плен. То же самое произошло со 2-й бригадой 9-й кавдивизии[1075].

Красными же «...в результате операции по д. Андреевке было захвачено 500 голов скота, 50 лошадей и отбито 1 000 пленных красноармейцев, разоруженной махновцами 4 бригады 2 дивизии...»[1076].

На успех махновцев немедленно отреагировал командвойск Украины Фрунзе. Он 15 декабря телеграфировал Реввоенсовету 4-й армии, председателю ревтрибунала и начальнику особого отдела Южного фронта:

«Прорыв на север главных сил Махно, окруженных вплотную нашими войсками в д. Андреевка, удался исключительно благодаря преступному отношению к сторожевой службе бригад 42-й стрелковой и 9-й кавалерийской дивизий. Проявленная в исключительно ответственный боевой момент небрежность не может быть оправдана ни туманом, ни усталостью частей. Все жертвы и доблесть других частей в дневном бою свелись к нулю.

Верный успех и полная ликвидация Махно были преступно сорваны частями, забывшими свои обязанности в боевой обстановке.

Приказываю РВСовету 4-й армии немедленно произвести строжайшее расследование всех обстоятельств прорыва противника, назначив для этого особую комиссию. Всех начальников, независимо от их служебного положения, и их военкомов, виновных в неприятии соответствующих мер и халатном отношении к своим обязанностям, предать

суду Ревтрибунала.

Ревтрибуналу и Особому отделу фронта предлагается срочно командировать своих представителей в комиссию по расследованию указанного случая.

Результаты расследования комиссии срочно донести.

Командвойск Укр. М. Фрунзе. Член Реввоенсовета С. Гусев»[1077].

Повстанцы же в это время с боем заняли с. Конские Раздоры, где были сосредоточены обозы 2-го разряда 42-й, 5-й, 7-й, 9-й и других красных дивизий. Все они попали к махновцам, а спустя некоторое время были розданы крестьянам.

15-го декабря армия заняла с. Федоровку (Чубаревку Пологовского района), где расположились на отдых и ночевку. Здесь был бой, подробности которого описал М. Рыбаков (с позиции понимания этого боя красными), участник этого боя, красный командир:

«...Точных сведений о противнике не было. Штаб молчал. Конные разъезды уходили до 30 вр. от места расположения частей и ничего существенного не давали, если не считать нелепых провокационных слухов о чуть ли не 100 000 армии Махно, оперирующей теперь к югу от Гуляй-Поля у Черного моря. 15/XII к Керменчику подошел отряд Покуса и, согласно опер, приказа сев. группы Заволжская, сводно-киргизская, 19-я Внус и Богучарская бригады вместе с отрядом Покуса были объединены под одним командованием. Тогда же было получено сведение, что Махно окружен красноармейскими частями в районе Поповка - Андреевна, поэтому нашим частям приказывалось выдвинуться южнее на фронт Воскресенка — Гайчур - Темрюк, составив вторую линию окружения в помощь первой для полного уничтожения банд. В 18 часов бригады выступили из Керменчика на ст. Приют, где от нашей разведки были получены сведения, что Махно сегодня занял с. Федоровку (23 вр. юго-вост. Гуляй-Поля) и сейчас находится там. Это сведение, совершенно неожиданное, аннулировало как задачу, возложенную на нас, так и самый приказ о передвижении. Во-вторых, стало ясно, что окружение снова потерпело крах, что Махно прорвал его безнаказанно, как и раньше. Ввиду того, что наши уже начали движение во исполнение приказа сев. группы, но еще не смогли далеко уйти, решено было подтягиванием приостановить выполнение этого приказа и вопреки ему повести наступление на Федоровку. Можно было собрать к Федоровке все бригады, кроме 19, которая маршировала из Петровское на кол. Кайзердорф. По сведениям разведки, у Махно должно было быть в районе Федоровки от 5 000 до 7 000 чел. при 100 с лишним пулеметах и 12-15 орудиях. Мы же рассчитывали на 4 500 шт. и около 1 000 сабель при таком же, приблизительно, количестве орудий и немного меньшем пулеметов, не принимая во внимание 19-ю бригаду. Учитывая обыкновенное преувеличение сил противника нашими разведчиками и тем более местным населением, мы с достаточною достоверностью полагали количественное превосходство на своей стороне. Правда, часть наших боевых единиц была уже бита и тем самым деморализована в известной мере, но, с другой стороны, уклониться от боя сейчас, дать бандам проскочить на север, где, мы знали, частей Красной Армии нет, было невозможно, командование поэтому решило повести немедленно наступление на Федоровку, атакуя ее с востока и сев.-востока Заволжской и Киргизской бригадами, с

северо-запада и запада Богучарской, имевшей 4 полка (один кавполк), отряд Покуса оставить в резерве, а 19-й бригадой, если она успеет, запереть банду с юга. Командование полагало зажать банды в узкое огневое кольцо для уничтожения или, в крайнем случае, ввиду экспромта предлагаемой операции, не дав им уйти на север, опрокинуть их снова на юг от Федоровки на красноармейские части, составлявшие первую линию окружения района Поповка – Андреевка. Какие именно части на юге, где они сейчас, а что делают в данное время, — не было известно, так как связи у группы ни с кем не было. Было лишь известно о том, что богучарцы сейчас в движении на Марфополь – сев. колонии Межирич, отряд Покуса в Святодуховке, а 19-я бригада в районе Нов. Каракуба. Для координирования действий ком. группы лично направился в район богучарцев и отряда Покуса, приказы были своевременно разосланы всем, и группы Заволжской и Киргизской бригад двинулись из Приюта на Федоровку через кол. Блюменфельд. Таким образом, опыт стратегического окружения был сдан в архив, и на сцену выступило тактическое окружение.

Верст за 6–8 от кол. Блюменфельд, что в 7 вер. сев.-вост. Федоровки, стали видны в западном направлении отблески орудийных выстрелов, но звуки стрельбы заглушались, благодаря сильному сев.-вост. ветру. После выяснилось, что часть махновцев, заняв Федоровку, хотела расположиться в кол. Межирич, где столкнулась с кавполком богучарцев. Завязался бой, в результате которого махновцы отошли снова к Федоровке, а богучарцы заняли кол. Межирич и расположились там на ночлег.

Высланной конной разведкой заволжцев из Блюменфельда в 3 час. 16/XII был приведен захваченный ими в плен махновец (они сняли без единого выстрела махновский караул на восточной окраине Федоровки, порубив всех на месте и оставив одного в качестве контрольного). Он показал, что в Федоровке сейчас главные силы Махно — до 5 000 чел. при 8–10 орудиях и 100 пулеметах, что сам Махно со штабом стоит около церкви, а большая часть группируется в западной и северо-западной частях села, что с вост. стороны Федоровки заставы очень редки, охрана же несется больше “хoxлами”, чем самими повстанцами...

С севера и востока Федоровка обрамлялась рядом холмов различной высоты пересеченных балками; наибольшей высотой, командующей в районе Федоровки было место под названием могила Пина, в 3 вер. к востоку от Федоровки. Ряд более низких “могил” шел за самым селом с севера. Местность, таким образом, способствовала скрытому подходу к селу, но для действий кавалерии и передвижений артиллерии была невыгодна, тем более, что было много пашен с мерзлыми пластами. Само село прорезано несколькими глубокими оврагами, разбросано на взгорье и у р. Гайчур покрыто перелесьями, садами и небольшими огородами с черешневым кустарником, что усложняло действие пехоты и требовало ее усиления, и в момент уличных боев, даже при полном использовании всех наших сил мы не могли бы справиться с противником, если он захочет укрепиться и упорно обороняться. Высоты же, расположенные к югу от Федоровки, могли быть отличной позицией для повстанцев на случай их отступления из села, тем более, что балки Лозовенька, Широкая и др. великолепно могли служить укрытием для продвижения на юг и местом накапливания...

В 5 час. 16/XII заволжцы заняли положение, как показано на схеме № 1, причем оказалось, что богучарцы еще не подошли, почему заволжцы удлиннили фронт, заняв цепями дорогу,

идушую мимо трех мельниц на Красноселку, выдвинув к сев.-зап. от этой дороги конных разведчиков в количестве 60 сабель при 2-х взводах пулеметов. Через 1/2 часа по этой дороге вышли цепи 3-го сводного Богучарского полка, который еще не развернулся весь и шел сзади в сомкнутых колоннах с обозом вместе. По установлении связи с богучарцами был открыт артиллерийский огонь, цепи двинулись в село и в течение 1/2 часа не встретили никого со стороны противника. Артиллерия с частого огня перешла на редкий и казалось в селе нет никаких махновцев. Полный резерв подошел к самой Федоровке и двинулся по северной окраине села в направлении двух мельниц. Артогонь был прекращен. Гусарский эскадрон, занявший д. Крутую, донес на рассвете, что махновцы “большими кучами” выскакивают из северо-западной части села и что там нет никаких наших частей, связь ни с кем не удалось установить. Это донесение было, как снег на голову, и перепутывало все карты. Действительно, как потом и выяснилось, артогонь произвел панику и, благодаря ему, махновцы стремительно бросились по дороге на кол. Межерич и мимо западного кладбища (малого), группируясь в районе балки, именно потому, что эта часть за селом пустовала: ни кавполки, ни 1-й и 2-й сводполки богучарцев не прибыл к Федоровке, несмотря на приказ и на близость расстояния между ними и Федоровкой (верст 6–7). Таким образом, в самом начале операции окружение было сорвано.

Вырвавшись из Федоровки, часть махновцев стремительно бросилась на встретившийся им 3-й сводполк богучарцев, вытянувшийся по дороге на Красноселку, атаковала его с тыла и фланга и смяла, захватив целиком в плен. Красноармейцы побросали винтовки, комсостав разбежался, частью был изрублен: передовые части богучарцев (около 2-х рот) не знали еще о судьбе своего полка и подходили в это время к цепям заволжцев... Так начался бой около 7 час. 16/XII.

Правый фланг цепей заволжских стрелков также вступил в бой и продвигался к площади села, левый, не имея никого перед собой, спешил на выстрелы к церкви, обойдя почти все село до Крутой. Махновцы успели привести себя в порядок, уста; новили семь орудий по обе стороны большой западной балки и открыли сильный огонь по нашим цепям, резервам и батареям, но огонь был судорожный, бессистемный и совершенно бесцельный. В северо-западной части Федоровки и у площади началась сильнейшая трескотня пулеметов и винтовок — махновцы бросились в атаку, но снова были отбиты стрелками при помощи пулеметов и ручных бомб. Левый фланг (2-й батальон) заволжских стрелков вышел к площади и успел захватить часть махновского обоза со снарядами, патронами, гвоздями, обмундированием, сахаром, хлебом и пр. и четыре орудия, ради которых махновцы предприняли еще две атаки, но безуспешно.

В это время с юго-западной стороны по направлению к д. Крутая приближались лавой эскадрона два кавалерии. Высланная навстречу разведка от Заволжского полка была обстреляна пулеметным и ружейным огнем. Лава назойливо и упорно продвигалась к Федоровке и была уже, приблизительно, в одной версте. Вторично выдвинута была для отражения часть гусар Заволжской, обстрелянных пулеметным огнем. Под натиском противника гусары отступили к р. Гайчур, тогда было приказано 2-м конногорным орудиям открыть огонь по кавалерии, которая очень быстро, минут через 10, усккала и скрылась за высотой, что по дороге в Воскресенку в двух верстах от д. Крутая[1078]. Подобная демонстрация со стороны, откуда совершенно не ожидали противника, усложняла и

запутывала обстановку, связывая левый фланг и не давая возможности использовать гусар в другом месте для атаки или сосредоточения всей кавалерии на случай отражения махновцев. Последние же, оставив около полка кавалерии с пулеметами в западной части села, остальными силами выбросились на восток от начала западной балки и одновременно повели стремительные атаки на правый фланг заволжцев и их батареи.

Окружив 3-й сводполк богучарцев и забрав остатки его — передовые цепи, они вышли в тыл и фланг заволжцам в районе северного кладбища, выдвигая уступом назад к востоку сильную колонну не менее кавполка. Энергично веденной компактной массой кавалерии атакой махновцы сняли с тыла и фланга 1-й б-он Заволжских стрелков, две роты его уже стали было бросать оружие. Киргизбригада, деморализованная еще в Комарь, при одном виде атакующих махновцев, в панике бросилась к востоку и лишь выстрелами своих же частей была остановлена и собрана отчасти в районе могилы Пина. Таким образом, правый фланг Заволжской был совершенно обнажен, чем и воспользовались махновцы для нанесения окончательного удара и освобождения своих орудий. Густыми колоннами (тремя) повстанцы ринулись из-за балки в атаку на стрелков 1-го и 3-го б-онов Заволжского. За колоннами кавалерии шли цепи пехоты. В каких-нибудь пять минут махновцы смяли стрелков у северного кладбища, около трех рот. Здесь, между прочим, героически погиб командир 8-й роты, т. Михайлов Тимофей, окруженный со всех сторон махновцами, который на требование сдать оружие ответил выстрелами из нагана и убил 5 бандитов. Последней пулей он хотел убить себя, но лишь ранил, так как одновременно был сшиблен с ног пулей какого-то махновца и, уже убитый, был изрублен ими на куски.

Положение создалось такое, что думать о проведении в жизнь первого начального плана было невозможно. Было ясно, что весь бой ложится только на один стрелковый полк Заволжской сводной бригады гусар. Фронт перевернулся, правый фланг стрелков сдал свои позиции. Бросить гусар на место Кирбригады было невозможно, так как можно ожидать нового выдвижения противника с юга в тыл левому флангу цепей, и тогда дело было бы совершенно проиграно. Воспользоваться резервом бригад также не предоставлялось возможным, так как он уже вступил в бой у могилы Пина, отражая бешенные атаки махновцев. Всего ими было отражено четыре атаки, во время которых кавалерия противника доходила иногда до 50-60 шагов перед цепями... Артиллерия продолжала обстрел пр-ка и его колонн. Это было около 11 час...

Быстро отброшенная пехотой повстанческая кавалерия не успела увести с собой пленных, и 1-й б-он был спасен. Он тотчас же оправился, винтовки вновь были схвачены красноармейцами и, увлекаемые стрелками 2-го б-на, все вместе бросились вперед. Атака стрелков была настолько энергична и могуча при умелом использовании пулеметного огня, что, приблизительно, через 45 мин. все пространство между сев. окраиной Федоровки и началом большой балки было очищено от махновцев, которые даже не успели во время своего поспешного бегства взять с собой пулеметы, пленных богучарцев, часть подвод с патронами, лошадей и т. п. Стрелки отбили у махновцев до 500 чел. 3-го сводполка богучарского и до 100 чел. красноармейцев 42 дивизии. Махновская артиллерия тотчас же замолчала, поспешно снялась с позиции и двинулась под прикрытием на север вдоль дороги на Красноселку... Преследование продолжалось около 7 верст, но безрезультатно, так как лошади у гусар измотались, конногорная батарея застряла в пашне, некоторые тачанки с

пулеметами поломались, благодаря мерзлой пашне. В 15 час. бой закончился. Было взято У махновцев черное знамя с надписью “Угнетенные на угнетателей”.

Как раз к концу преследования к Федоровне подошел 30-й кавполк 5-й див. с бронемашинами (его-то эскадроны и были обстреляны нашей артиллерией), шедший из Конских Раздоров за Махно. Он продолжал преследование...

Эта неудачная операция — неудачная лишь благодаря совершенной неподготовленности ее, показала: 1) трудность окружения Махно с частями мало обученными и мало воспитанными в политическом и боевом отношениях; 2) превосходство хорошей пехоты над кавалерией, атакующей первую в конном строю и 3) необходимость изменения способов борьбы с Махно...»[1079].

Прорвавшись через второе кольцо окружения и ослабив в боях своих преследователей, повстанцы продвигались на еврейскую колонию Ново-Златополь – с. Большая Янисоль (Великая Новоселка).

17-го декабря на нас со всех сторон набросилась красная конница. Маневрируя у колонии Ново-Златополь, мы ушли на с. Большая Янисоль и дальше на с. Константинополь – Андреевку, которые и заняли.

В оперативной сводке Донгубисполкома о состоянии губернии говорилось:

«...Юзовский район.

16 декабря в село Старомихайловку прибыли части 3-й Богучарской бригады и Конармии, отступившие под давлением махновских банд. Обозы их прибыли в Юзовку 18 декабря, во главе с начхозом команды, который сообщил, что село Андреевка, что 45 верст к западу от Юзовки, занято противником.

Одна группа противника двинулась на Солнцево, что 15 верст северо-восточней Андреевки, а другая движется к Максимильяновке, что 15 верст юго-восточней Андреевки.

Численность групп не выяснена.

От остальных районов сведений не поступало.

По сообщению штадива в Донецкой губернии находятся банды: Терезова — Старобельский район; Каменюки и Антовича — Луганский район.

Донецкий губвоенкомиссар — Кричевцов»[1080].

Следом за нами двигались красные части, подкрепленные тремя бронемашинами, батареями и пулеметами. По общему количеству бойцов армия махновцев уступала красным дивизиям, примерно, в десять раз.

Село Константинополь и район были, буквально, насыщены красными частями: махновцы зашли в западню.

Здесь был 4-х часовый бой, в результате которого бронемшины изранили до 40 процентов лошадей. На счастье, красная конница не предпринимала атаки, и махновцы свободно оставили село и рекою ушли на юго-восток на с. Константиновку в сопровождении 3-го конкорпуса Каширина. Здесь их встретила пехота, которая, отступив на близкий горизонт, обстреливала из орудий, не давая покоя.

Ввиду израсходования снарядов, штормом были взорваны четыре орудия, после чего вышли на с. Павловку. Но и здесь нас встретила пехота и кавалерия, устроившая прочную позицию. И махновцы, не принимая боя, покатили по маршруту с. с. Петровское – Новая Каракуба (Красная Поляна), преследуемые конницей и бронемашинами.

18-го декабря махновцы, подменив лошадей и оторвавшись от преследования 3-го конкорпуса, через с. Новая Каракуба вышли на линию, наметившегося прорыва из окружения.

Продвигаясь в направлении с. Крейцево у хутора Самуйленков, нам встретился обоз 2-го разряда артдивизиона и Петроградской бригады Сводной дивизии курсантов, которые были атакованы и взяты в плен[1081]. Не принимая боя, мы продолжали движение на запад и 19-го декабря подходили к х. Левуцкому, в котором оказался запьянствовавший здесь штаб 2-й Петроградской бригады Сводной дивизии курсантов, охраняемый комендантской ротой. С незначительным сопротивлением штаб капитулировал, и лично Махно и Щусем захваченные командиры были допрошены, им предъявили обвинения в убийстве командиров повстанческой Крымской группы С. Каретникова, начштаба группы П. Гавриленко, раненых командиров и бойцов, которых курсанты расстреляли в г. Мелитополе. В том, что курсантами проводились карательные меры в с. Андреевке, после ухода из него махновцев 14-го декабря[1082] и т. д.

Комбриг Мартынов, военкомбриг Дгебуадзе, наштабриг Матвеев и Главинспектор ВУЗ Крыма Семенов были казнены. Из комендантской роты никто не пострадал.

Повстанцы продолжали развивать операцию по выходу из окружения, двигаясь в юго-западном направлении.

Командир в красной Интеркавбригаде, непосредственный участник этих событий т. Стрельбицкий, так описал этот эпизод в своей документальной повести:

«...Борьба с бандитизмом становилась все ожесточеннее. В ней уже участвовало с нашей стороны не менее шести кавалерийских и шести пехотных дивизий. Действия противника теперь носили иной характер. Махно уже не стремился создавать крупные соединения, в пятнадцать-двадцать тысяч бандитов. Ныне Махно объединил конницу в пять-шесть тысяч бандитов и пехоту на повозках с большим количеством пулеметов. Захватывая артиллерию у красных, атаман применял и ее. Командиры батарей и артиллеристы у него всегда были в резерве.

Этой группой, как кулаком, Махно наносил удары по небольшим гарнизонам. Когда район его действий окружали красноармейские части, он, пользуясь отличной разведкой, прорывался через заслоны менее стойких или обессиливших частей Красной Армии. Если же пробиться не удавалось, он распускал своих бандитов по деревням, а сам с небольшой группой атаманов и “волчьей сотней” ловким маневром проскакивал через наши войска...

Пришлось и нашему командованию несколько менять тактику действий. Новое заключалось в том, что район, в котором появлялась основная банда во главе с Махно, окружался на значительном удалении. Затем, приближаясь к центру, сужали кольцо пехотными и кавалерийскими дивизиями, а также бронепоездами. Внутри кольца входили кавалерийские соединения, и начинались бои. При такой системе противнику было трудно прорваться через наши заслоны, и он нес большие потери.

Наша высокоманевренная Интеркавбригада обычно действовала в кольце вместе с кавалерийскими дивизиями. Ясно, что банда, зажата в окружении диаметром в 200–250 верст, смело маневрировала и решительно нападала, когда предоставлялась такая возможность.

По приказу Каширина наша бригада двумя колоннами решительно двинулась на Федоровку. По данным разведки, в селе не было ни противника, ни наших. Холодно. Сильный ветер поднимал с земли черную пыль и сухой снег, выпавший накануне. Глаза застилала сплошная пелена. Усталые лошади с трудом тянули пушки и пулеметные тачанки.

Левее нашей небольшой колонны шли главные силы бригады. А справа к селу Федоровка должна была подходить бригада 5-й Кубанской кавдивизии. Когда до села оставалось не более десяти километров, справа послышался перестук колес. Сквозь мглу мы разглядели очертания какой-то колонны,двигающейся в противоположном направлении. Командир эскадронов Габор решил, что это наши соседи сбились с пути, и с тремя венграми помчался туда...

Слева, далеко впереди, раздались пулеметные очереди. Я сразу определил:

— Это наши главные силы с кем-то вступили в бой.

— Значит, в Федоровке противник, да еще с тяжелой гаубичной батареей! — быстро проговорил Куц.

Ветер ослабевал, улучшилась видимость. Вдали показалось село и скачущий оттуда наш разъезд. Командир его, Габиш, четко доложил:

— В Федоровке стреляет захваченная махновцами тяжелая батарея! На окраине села небольшие группы бандитов строчат из пулеметов по разъездам и нашим главным силам.

Раздался взрыв тяжелого снаряда...

Вскоре наша бригада смяла охранение махновцев на окраине села и захватила тяжелую гаубичную батарею.

Что же случилось? Банда Махно, около трех тысяч конников, трижды пыталась вырваться из окружения. Получив сведения о маршруте нашей бригады, бандиты совершили марш в село Федоровке. Прихватив с собою тяжелую гаубичную батарею какой-то пехотной дивизии, махновцы инсценировали оборону села. Пользуясь плохой видимостью, они прошли мимо нас в обратном направлении и выскочили из кольца...»[1083].

Увеличив скорость движения, повстанцы прошли хутор Гусева, южнее села Межирич, продвигаясь на с. Новоселица и дальше на с. Крейцево, что в 20 верстах юго-западнее Гуляйполя, где и расположились на отдых.

Позже командующий войсками внутренней службы Украины Р. Эйдеман напишет:

«...Предпринятое в декабре частями 4-й и 2-й Конной армии и Харьковского военного округа стратегическое окружение Махно в Гуляйпольском районе завершилось, вернее — почти завершилось, тактическим окружением его основного ядра: и все же Махно выходит из этого окружения почти нерасстроенным, во всяком случае, значительно менее расстроенным, чем целый ряд наших частей...»[1084].

Красные в статье «Махно и его тактика» писали по этому поводу:

«Афоризм, что “война не вся ещё заключается в книгах, и в правильно устроенной голове надо отдать предпочтение пред сильно начинённой”, как нельзя более подходит к командарму “Повстанческой” — Нестору Махно.

Нельзя, конечно, допустить, что он шел путем Наполеона, который, открывая секрет своих побед, говорил: “Мои действия приписывают моему таланту, а я всегда поступал в согласии с великими полководцами и их словами”; нельзя также допустить, что он следовал наставлению Суворова, говорившего: “читай Александра, Ганнибала, Юлия Цезаря или Бонапартия”.

Здесь мы, несомненно, имеем дело с “правильно устроенной” головой, и, — что особенно интересно, — все его тактические “благоразумные решения” неизбежно подтверждали непреложность и незыблемость основных законов тактики. Рассмотрев ряд наиболее ярких моментов его борьбы, мы должны придти к этому выводу. Махно отлично учел значение моральной силы бойца, и первое, что он постарался сделать, это влить в нашу Красную Армию смертельный яд разложения. Он спешит своей тактикой отделить тело от головы и сердца; он широко оповещает амнистию красноармейцам и беспощадную расправу с командирами и комиссарами. Среди своих же бандитов он всячески поднимает дух и обеспечивает себе успех своеобразной моральной подготовкой бойца перед боем: пьянством, безнаказанными грабежами.

Махно отлично учитывает значение личного обаяния полководца и, не задумываясь, бросает на весы военного равновесия последний резерв — самого себя. Из всех рискованных положений он лично выводит свои войска. Также отлично он учитывает и все элементы обстановки. 18-19 декабря 1920 года, когда вьюга и морозы, казалось, делали невозможным какие-либо операции, когда в двух шагах люди не могли различать человека от лошади, именно в эту ночь Махно делает беспримерный 80-тиверстный переход, и как коршун

налетает на штаб Петроградской бригады. Каждый кустик, бугорок, овражек — все учтено, все взвешено им. Разведка, связь и охранение отлично налажены в его армии. Он отлично знает не только наши слабые части, но и отлично учитывает удельный вес командиров.

Ударом на Бердянск он разметал спешенную кавбригаду; прорываясь из Андреевки, он наносит удар частям наиболее слабой IV дивизии, которая получает в нашей армии название “отдел снабжения Махно”, у Токмака настигает наши маршевые кавэскадроны и бьет смело и отчетливо, ибо отлично учитывает качества комбрига, называющего 3-х верстную карту 3-х дюймовкой.

Не плох Махно и в организации походного движения и своего тыла. Быстроту разворачивания глубины колонны, движением обоза в четыре ряда компактной массой, окруженной кольцом кавалерии. Марш-маневры его поразительны по скорости и смелости. В организации тыла Махно удивительно метко уловил суворовские заветы: “Идешь в бой — умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации”. Тыла у Махно нет, все его органы снабжения там, где он. Принцип самоснабжения обеспечивает ему в каждом пункте все необходимое. Демонстрирует он лихо, просто и определенно: “Ударь вправо, уходи влево, — бьет на Бердянск, а уходит на Гуляй-Поле”.

На одном месте более дня или ночи не остается, чтобы не быть основательно окруженным. В случае неудачи отходит врассыпную. Прорывается из Крыма мелкими партиями в разных пунктах, а точка сбора одна, Гуляй-Поле. Как образцовый партизан, не обременяет себя пленными, и под Андреевкой бросает нам 1 200 красноармейцев Н-ой дивизии. Также решительно разделяется он со своими хвостами — обозами и в нужную минуту бросает эту приманку нашей кавалерии, а сам, тем временем, уходит быстро и далеко.

Партизан Махно поистине отчаянный и предприимчивый. Первый раз Махно дает себя окружить у Бердянска и тем заставляет стягивать к югу наши войска: добыча заманчива, перегруппировываемся энергично, но Махно находит, что еще недостаточно оттянул наши войска к югу, и у Андреевки дает еще раз окружить себя. Здесь, когда стягиваются почти все наши части и когда он удостоверяется, что путь на север очищен — молниеносным ударом вырывается из кольца, оставив наши войска в недоумении у разбитого корыта. Через несколько дней он уже переправляется у Александровска через Днепр, а через неделю – другую уже маневрирует у Белгорода.

А мы часто забывали основные истины военной науки и за это терпели неудачи...»[1085].

Примерно в это время В. И. Ленин пишет заместителю Льва Троцкого — Эфраиму Скланскому:

«Надо ежедневно в хвост и в гриву гнать (и бить и драть) Главкома и Фрунзе, чтобы добились и поймали Антонова и Махно»[1086].

Совершенствуя методы борьбы с повстанчеством, большевики пришли к выводу, что:

«...Занятие того или иного пункта, ранее занятого бандитами, считалось уже за крупный успех. Вообще военные действия этого периода можно уподобить борьбе льва с тучей

комаров; удар лапы льва либо рассеивал тучу без особого вреда для нее, либо приходился впустую, а туча собиралась в другом месте. Постепенно начало создаваться представление, что кроме очистки тех или иных районов от бандитов, необходимо еще обеспечить эти районы за собой. Но как, какими силами и с какой целью?

Так постепенно родилась идея оккупации, как меры соответствующей и закрепляющей достигнутые успехи...»[1087].

Так ознаменовались первые сражения махновцев с Красной Армией после Врангеля. Так махновцы имели успех и частичное поражение.

Но где же попутчики повстанцев: Миронов, Маслаков и 30-я дивизия. Что с ними? От Маслакова прибыла агентура, которая сообщила: бригада готова на выступление, однако Маслаков пока что поджидает момента. Он вербует командиров других дивизий, надеясь склонить их на свою сторону. Ему обещают. Но так как 1-я Конная армия сейчас разбросана по Таврии в районе Екатеринослава, то ему не удастся установить связи, — это и есть причина задержки. С 30-й дивизией дело обстояло хуже. Агентура сообщила, что более активные сторонники выступления арестованы еще до взятия Крыма. Их место заняли коммунисты. Все же, как только она соприкоснется с махновцами, без боя перейдет на их сторону. От Миронова агентура не возвращалась и судьбу ее штаба не знал. Это заставило снарядить к Миронову начштаба бывш. 2-го Азовского корпуса, а ныне начштаба Азовской группы Вдовиченко, который отбыл по назначению.

Так надежда на восстание в Красных Армиях рушилась, и махновщина была предоставлена собственным силам.

Характеризуя обстановку на Украине в период 1920 г. В. И. Ленин говорил: «...там кипит война, и Красной Армии приходится бороться против банд, которыми она кишит...»[1088].

Вопрос устранения повстанчества на Украине, важнейшем продовольственном, энергетическом и металлургическом районе, имел огромное значение для всей страны. Как отмечалось в постановлении Совета Труда и Оборона от 6 декабря 1920 г., подписанном В. И. Лениным, «...очищение Украины от бандитизма и, тем самым, обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни и смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей Советской Федерации и ее международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую и самостоятельную стратегическую задачу...»[1089].

Для того чтобы ускорить и облегчить ликвидацию повстанчества на Украине, Пленум ЦК РКП(б) 7 декабря 1920 г. принял специальное постановление. Оно известно под названием «Политические директивы ЦК РКП(б) Центральному Комитету КП(б) Украины».

В целях полной ликвидации всех проявлений политического повстанчества на Украине ЦК КП(б) рекомендовал: 1) уничтожить живую силу действующих банд; 2) разоружить кулачество; 3) всемерно укрепить аппарат Советской власти на местах.

В этих директивах говорилось: «Наряду с реорганизацией армии перед советскими военными и партийными органами на Украине стоит задача срочной и окончательной ликвидации бандитизма: анархо-махновского, националистическо-петлюровского и уголовного не только путем уничтожения живых сил оперирующих теперь банд, но и предупреждением возможности возникновения бандитизма в будущем, именно систематическим обезоруживанием деревни, обезоруживанием его кулацкого элемента и усилением местного гражданского и военного советского аппарата Украины...»[1090].

8-го декабря 1920 г. Председатель Совнаркома Раковский, Командующий войсками Фрунзе, секретарь ЦК КПУ Молотов утвердили так называемую «Краткую инструкцию по борьбе с бандитизмом на Украине». В этом документе говорилось следующее:

«Ликвидация бандитизма и создание устойчивой Советской власти на Украине является в данный момент основной боевой задачей советских, гражданских, военных и партийных организаций на Украине.

1. Для борьбы с бандитизмом необходимо прежде всего, вооруженная сила в виде солидных дисциплинированных воинских частей, способных внушить страх и уважение, привыкшим к бесконечной смене властей и питающей их мелкобуржуазной стихии...

18. Приказы о сдаче всего оружия, как правило, цели не достигают...

20. Не следует думать, что в одну операцию можно выкачать все оружие. При назначении количества, подлежащего выдаче, не разрываться и указывать действительно возможное к выполнению, но требование доводить до конца, не останавливаясь перед расстрелом взятых в обеспечение заложников.

21. Если оружие в указанном числе все же не будет выдано в полной мере, должно заменять контрибуцию оружием и другими видами контрибуций, например, лошадь, корову или свинью, за не сданную винтовку, ударяя по карману, опять-таки, наиболее зажиточную часть населения.

В случае обнаружения при обыске оружия, не сданного при подобной операции, независимо от того, выполнен ли наряд на винтовки или нет, виновных в сокрытии расстреливать...

26. В случаях надобности в районах и местностях, наиболее охваченных бандитизмом или освобожденных от банд и восстаний, но являющимися очагами бандитского движения, на местное население возлагается ответственность под круговой порукой кулацких слоев за какое бы то ни было волнение или выступление против Советской власти, за нападение на отдельных красноармейцев или агентов Советской власти, а также за малейшее зло, причиненное представителям местных комитетов незаможных селян и вообще лицам, оказавшим содействие Советской власти в борьбе с бандитами и кулаками.

27. В этих случаях взятые из кулацких слоев заложники или определенная часть связанных круговой порукой кулаков платятся головой за гибель агентов Советской власти или лиц, стоящих под ее защитой. Точно так же, те же зажиточные слои несут ответственность за несвоевременное предупреждение о появлении в их районе банд, уход банды, части их

односельчан или в случае, если в их селе укрывается тот или иной заведомый бандит или просто подозрительные лица без определенных занятий, особенно, не местного происхождения.

28. В случае явно выраженной враждебности населения в какой-либо местности, укрывательство или упорной выдачи бандитов и повстанцев, на местное кулацкое население могут налагаться те или иные кары, такими могут быть: А) контрибуция продуктами и продовольствием; Б) контрибуция скотом; В) контрибуция предметами обмундирования (белье, теплая одежда, сапоги, подушки, одеяла и т. п.); Г) производство выселения и изъятия семейств главарей и зачинщиков восстания с конфискацией всего их имущества и передача последнего бедноте; Д) в крайних случаях уничтожение (поджог или разрушение домов заведомых бандитов и главарей), но ни в коем случае не сжигание или уничтожение артиллерией вне боя всего селения или отдельных кварталов...

31. Все полученное от контрибуций, поскольку оно не распределяется между местным беднейшим населением, подлежит строгому учету и сдается: обмундирование и снаряжение — в отдел снабжения дивизии, в крайнем случае, полка, продовольствие — особенно скоропортящиеся продукты, могут быть сданы в отдел снабжения действующей части, с обязательным зачислением по приказу.

32. Независимо от того было ли предварительное предупреждение и возложение ответственности на кулаков за безопасность советских агентов и особенно представителей организационной бедноты (местных членов комнезаможей), следует жестоко расправляться с кулачем в каждом случае покушения на жизнь этих проводников Советской власти в глухой деревне.

33. Кулаки и бандиты должны на опыте убедиться, что агенты Советской власти и организованная беднота находятся под защитой всего аппарата Советской власти и трогать их невыгодно...

40. Не мешает воспользоваться и услугами наиболее дальновидной части атаманов, хотя бы авантюристов, понимающих безнадежность дальнейшей борьбы с крепнущим советским аппаратом и готовых ценой услуг Советской власти в борьбе с нераскаянными врагами заслужить прощение прежних грехов...

50. Вся эта агитация словом и делом должна немедленно же организационно закрепляться созданием комитетов незаможных селян, которые объявляются везде и всюду под особым покровительством Советской власти, так что жизнь каждого члена комнезаможа фактически гарантируется, по меньшей мере, десятком кулацких голов.

51. Только при наличии твердой опоры в селе в виде комнезаможей, противопоставивших себя всей остальной зажиточной массе, и прежде всего, кулачью, Советская власть не только сможет быть всегда наготове на случай готовящегося выступления банд, но сможет приступить к искоренению бандитизма в целом.

52. Вместе с тем, только всемерное расслоение деревни даст возможность на Украине создать на местах более или менее прочный и работоспособный советский аппарат,

являющийся в свою очередь необходимым условием для сведения к минимуму бандитизма и повстанчества...

55. Таким образом, борьба с бандитами и бандитизмом должна сопровождаться организационным закреплением достигаемых результатов так, чтобы за проходящим в районе военным кулаком везде оставались комнезаможки и нормально функционирующие советские и партийные органы»[1091].

Не желая иметь политических союзников, не желая достичь спокойствия политическим путем, большевики сеяли вражду расслоения крестьян, создавая образ врага в инакомыслящих, цепляя им ярлыки бандитов, кулаков мелкобуржуазных, контрреволюционеров и т. п., и для борьбы с ними заслали на Украину несметное количество регулярных войск, войск ЧК, спецслужб, бюрократов от власти и т. д. с широкими полномочиями.

Все находящиеся на Украине войска были озадачены созданием и поддержкой большевистской власти на селе, а так как текущую политику военного коммунизма мало кто понимал, но настойчиво отвергали, то пришлось большевикам в поисках социальной опоры для борьбы за власть на селе искать способ расслоения политически единой общины изнутри, бросив лозунг раскулачивания, то есть безвозмездного, поощряемого и разрешенного сверху, присвоения чужого имущества. Решение было принято — и это не ошибка, а закономерность. Ставка была сделана не на инициативного, самостоятельного, думающего труженика, а на элемент послушный, не интересующийся прошлым, не склонный к анализу происходящего, ни в чем не сомневающийся.

Председатель Совнаркома Украины Раковский говорил в своем докладе:

«...Мы бросили лозунг — “Бедняк, бери коня кулака, забирай его оружие и иди против банд!” И этот клич был услышан на Правобережьи и на Левобережьи; в особенности, в этом отношении отличалась Полтавская губерния.

По этому пути нужно идти и дальше — нужно усилить, организовать и вооружить комнезаможных. Красная Армия должна быть для них опорой. Во всех местах, где имеются бандитские гнезда, должны быть красноармейские гарнизоны. Реввоенсовет Республики постановил, что дислокация Красной Армии на Украине должна идти по карте бандитских гнезд. Но нам не хватило бы и миллионной армии, если бы нам нужно было для каждой деревни давать отряд — мы должны эти отряды создавать в самой деревне, они должны создаваться из крестьян. Создание такой революционной самообороны есть первое условие успешной борьбы с бандитизмом»[1092].

Войска приступили расслаивать село с помощью бедняков, создавая им льготные условия и вовлекая их в комитеты незаможных селян (КНС) и свои советы, которым и передавалась власть с многими обязанностями.

Такие представители власти, в основном, поддерживали свой авторитет не работой и учебой, способностью вести хозяйство, а только командованием и тесной связью с карательными органами. Сами они объясняли свой командный стиль несознательностью

населения, наличием контрреволюционных настроений у односельчан.

Брошенный большевиками лозунг «опоры на бедноту», на неустроенный, а порой и прямо деклассированный элемент крестьянства, рассматривался повстанцами как авантюра, а заявление В. И. Ленина что: «...поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10-20 лет будет жить в коммунистическом обществе...»[1093] и взятым на вооружение красными активистами села, вызвало недоумение и породило массу насмешек.

Такие представители власти делали все, чтобы не дать выхода политической активности трудовых масс крестьянства и в случае проявления таковой, рассматривали ее, как фактор кулацкой активности.

Но тем не менее продразверстка отнимала у крестьян не только излишки, но и лишала крестьян стимулов к увеличению производства, и привела к сокращению посевных площадей. Газета «Беднота» в связи с этим писала:

«Крестьянское земледелие постепенно превращается в самоедское хозяйство. Крестьяне-производители исчезают, вместо них появляются просто едоки. Едок производит ровно столько, сколько нужно ему самому...»[1094].

В 1920 г., неурожайном на Украине, продразверстка была главным способом получения продовольствия. Прошедшее в середине года Всероссийское продовольственное совещание в специальной резолюции «Разверстка как метод государственной заготовки» отметило: «Вся наша заготовительная работа должна быть настроена на обязательности сдачи излишков всех сельскохозяйственных продуктов в распоряжение государства в порядке государственной повинности. Заготовки важнейших продуктов на основе купли-продажи, или так называемого самотека, должны быть совершенно исключены...»[1095].

Там же подчеркивалось, что разверстка должна охватить все виды сель-хоззаготовок.

Насильственное отбирание у крестьян плодов их труда породило уверенность у многих ответственных партработников, что при дальнейшем совершенствовании разверстка и вся политика военного коммунизма могут стать основополагающими в социалистическом строительстве.

В селе же было твердое стремление: сей для себя, не более, все равно отберут. Очевидно поэтому зажиточного крестьянина превратили в политического козла отпущения и под маркой кулака боролись с ним, как с враждующим классом, хотя не было однозначного толкования, кто же такой «кулак», однако боролись с ним большевики довольно активно. Повстанцы считали, что большевиков не поддерживало большинство, как они заявляли, иначе зачем было столько войск и такие жестокие меры против махновцев.

В это время повстанцы насчитывали в своих рядах 10-15 тыс. штыков и сабель. Если же учесть и крупные отряды, не рейдировавшие с основным ядром, а находящиеся в базовых районах, то численность повстанцев-махновцев составляла 15-20 тыс. бойцов. В своем большинстве это была конница и пулеметчики на тачанках. Единица солидная, но, принимая во внимание частые бои в районах, насыщенных красными армиями, она заметно таяла.

Кроме того, бойцы были так утомлены, так пали духом, что, не будь красного террора, готовы были разойтись по домам. В армии их удерживала уже не столько идейная борьба с Соввластью, а несправедливость власти, репрессии и боязнь чека. И не будь этого, махновщина на другой день после врангелевщины прекратила бы свое существование. Батрацкая группа, ранее верящая в махновский «социализм», ныне почти вся ушла из махновщины и начала объединяться в комбеды. Остальные крестьянские группы (беднейшие, середняки и кулаки), всегда искавшие в махновщине защитника, также были разочарованы. Кроме того, кадровые повстанцы, видя свое бессилие и сомневаясь в сказочных идеалах анархии, роптали на Совет и штаб. Они, убедившись в несостоятельности Совета и штаба выполнить их волю, хотя бы защитить семьи от террора красных, начали покидать махновщину.

Как цельный военно-политический организм, махновщина заметно стала утрачивать свое значение на Екатеринославщине. Это сказалось рядом примеров.

На рассвете 20-го декабря повстанцы вышли из д. Крейцево в северном направлении и через с. Воздвиженку по долине реки Верхняя Терса достигли с. Заливное. Армия состояла, примерно, из 5 000 сабель и штыков. Многие разбежались по домам, унеся оружие, уведя лошадей, расхитив армейское имущество. По этому вопросу было заседание Совета, штаба и комсостава. Было решено временно выйти из Екатеринославщины для поисков союзников и продовольственной базы, так как врангелевские, советские войска, подразделения выбрали у населения все возможное, да и террор красных диктовал условия.

Кроме того, основная политическая цель рейда ставилась прежняя проповедь идеалов третьей Социальной революции.

Отвечая взаимностью к властническим государственным организациям, которые ставили целью полное физическое уничтожение политических конкурентов и создающие для этого соответствующие органы, повстанцы, естественно, стремились разрушить эти органы — своих гробовщиков. Поэтому намечается рейд через расположение 1-й Конармии и дальше на Херсонщину и Киевщину, где должны были быть старые махновские отряды.

21-го декабря повстанцы вышли из с. Заливное и через сс. Подгорное – Антоновку перешли желдорогу у с. Соленое, и далее через с. Терновое достигли Днепра, где должен был быть отряд Чалого. Оказалось, что накануне он был разбит буденновцами, и места его пребывания никто не знал. Обезоружив кавдивизион в с. Варваровке 22-го декабря, армия по льду спокойно, соблюдая саженную дистанцию между тачанками и рядами всадников, переходит р. Днепр на правый берег и устремляется на Киевщину через: Башмачка – Широкое – Тритузное – Письмечевое – Новопокровка – Павловка – Марьевка (Новомарьевка) – Любимовка – Васильевка – Сергеевка – Анновка – Петрово – Братолюбовка – Куцовка – Губовка – Компанеевка – Новоукраинка – Песчаный Брод – Иваньки – Бузовка – Пугачевка – Стадница – расстоянием более 500 верст.

Рейд сопровождался боями с частями 1-й Конармии 45-й дивизией, корпусом Червоных казаков и другими частями, в результате которых в с. Петрово кавбригада, а в с. Новоукраинка пехполк, капитулировали.

Как это было описал сам командарм 1-й Конной С. Буденный:

«...Уже почти месяц гонялись мы за Махно, а существенных результатов не достигли. Состояние крайней раздражительности охватывало меня. В течение десяти дней войска фронта разгромили многотысячную регулярную армию Врангеля с мощным вооружением, а здесь те же части фронта не могут справиться с какой-то бандитской шайкой. Нам было стыдно смотреть друг на друга, с трудом подходил я к аппарату, когда вызывал командующий.

Казалось, вот-вот Махно удастся поймать, но вместо победного рапорта поступали новые неприятные донесения.

28 декабря под видом частей Красной Армии махновцы вошли в Ново-Украинку. Махно приказал военкому обеспечить его подводами. Затем, окружив казармы 90-го стрелкового полка Красной Армии, махновцы открыли по нему пулеметный огонь. Полк был захвачен врасплох и не мог оказать организованного отпора. Разогнав органы местной власти, Махно ушел в Песчаный Брод, где и расположился на отдых.

Командование 2-й бригады 14-й кавдивизии решило окружить банду в Песчаном Броде, несмотря на то, что усталость бойцов и лошадей была безмерной. Махно знал, что против него действуют сильно утомленные длительными переходами части, и принял бой, но вел его не долго. После короткой перестрелки банды ушли в направлении Лысой Горы...»[1096].

Бывший комбриг в корпусе Червоного казачества И. Дубинский так описал те события:

«...Вооруженная борьба с махновской армией была не из легких. Наличие в ее рядах закаленного долголетней партизанской войной боевого ядра, а также активная поддержка кулачества укрепляли махновцев. Борьба усложнялась еще и тем, что махновцы добивались большой маневренности за счет постоянных реквизиций лошадей у крестьян. Резкие, совершенно неожиданные изменения маршрутов давали возможность бандитам уходить от преследования и появляться там, где их меньше всего оживали. Большое количество пулеметных тачанок — этого грозного оружия гражданской войны — обеспечивало махновцам возможность оказывать сильное сопротивление...

Надо сказать правду — махновцы в бою не представляли собой стада баранов. Это был крепкий противник, отважный и вероломный...»[1097].

Попадавшие на комиссию антимахновских дел административные лица (предисполкомы, члены Советов, милиция, комнезамы) в основном освобождались из-под ареста по мотивам «службы в силу необходимости». Херсонщина и Киевщина считались антибольшевистскими и население, принимая участие в Советском строительстве, сочувствовало и помогало махновщине. Кстати, в это время произошло событие, которое хоть как-то «узаконивало» нахождение и ведение боевых действий на Украине войсками РСФСР. 28-го декабря 1920 года РСФСР и УССР вступили между собой в военный и хозяйственный союз. Договор подписали: со стороны РСФСР — Ленин и Чичерин, со стороны УССР — Раковский[1098].

Мы же, продолжая рейд южнее г. Ставище Киевской губернии, вклинились в расположение корпуса Черновых казаков Примакова. Фактически первое знаменательное сражение с 8-й дивизией Червоных казаков произошло в селе Вузовке, в результате которого махновцы имели успех.

Продолжая рейд и двигаясь на запад, повстанцы 2-го января вновь имели бой с 8-й дивизией Червоных казаков.

Вот как описал его красный комбриг:

«...В поле впереди Пугачевки сошлись два стана — один под красными, другой под черными знаменами...

Под командой начдива Демичева полки червоных казаков, сверкая клинками и оглушая противника дружным “ура”, по зову голосистых труб, как на инспекторском смотре, бросаются в атаку, а махновцы с четкостью, свойственной частям регулярной армии, поворачивают, начинают маневрировать, обходить фланги. Тогда, опасаясь за свой тыл, обрывают атаку Червоные казаки...

В этом бою 2-й полк один из лучших в Червоном казачестве потерял не только ценную “зброю”. Смертью храбрых пали многие бойцы...

Перед схваткой с анархистами среди небольшой части отсталых казаков появились нездоровые разговоры: “Зачем мы воюем с Махно? И он же бьется за свободу.” Как выяснилось потом, махновцы-барвенковцы прислали тайное письмо землякам, которых было немало во 2-ом полку, с предложением не рубить друг друга в бою, но при одном условии: казаки должны связать и передать махновцам или же прикончить командира полка, большевика Потапенка...

От 2-го полка, получив боевое задание, ушло вперед подразделение Соколова. Вскоре сотник, стремившийся вступить в соприкосновение с противником, заметил группу всадников. Возглавлял ее усатый кавалерист в мохнатой бурке. Близорукий, в очках, Соколов поскакал вперед с рапортом. Стоял густой туман. Сотник сквозь очки видел только копьевидные вильгельмовские усы всадника, точно такие, как у Потапенко.

Осадив коня, Соколов успел лишь раскрыть рот, как усач — это был знаменитый махновский головорез Щусь — по-молодецки гаркнул: “Здоров командир!” Соколов все еще, принимая махновцев за Потапенку, подал ему руку. Щусь, изо всей силы потянув на себя всадника, стащил его с седла, после чего разрядил в него маузер.

Казаки — свидетели вероломного убийства — бросились догонять махновца, но Щусь уже был далеко...»[1099].

В районе сс. Стадница, Лукашовка Киевской губ. были получены агентурные сведения, что в районе Ольховца махновцев ожидают повстанческие отряды. Было решено идти на соединение. Для этого надо было спуститься на юго-восток через село Бучки, которое накануне проходили.

Червонные казаки, получив подкрепление, шли за нами на расстоянии видимости в село Бучки, изредка обстреливая из артиллерии. Но всякий раз как мы переходили в наступление, свертывали фронт и уходили в степь, изматывая себя и противника. Наконец игра надоела. Махновцы дали повод, но казаки не отставали. Подъезжая к с. Бучки, мы заметили стрелковую цепь, раскинувшуюся правее на возвышенном берегу реки. Вдруг навстречу из села выходит кавалькада верховых с красным знаменем. За ней в глубине улицы появилась огромная масса всадников. Махновцы оторопели.

— Какой части? — спросил Марченко.

— А вы кто такие будете? — вопросом на вопрос ответил здоровый детина.

— Мы 8-я червоноказачья дивизия, — ответил Марченко.

— А мы 14-я. Я комдив Пархоменко.

По сигналу Марченко конники, находящиеся во главе красной колонны, были мгновенно обезоружены. Это были красные командиры, на которых возлагался разгром повстанчества: командующий группой войск А. Богенгард, военком Г. Беляков, военкомдив Д. Сушкин, Комдив 14-й А. Пархоменко, начштаба 14-й В. Мурзин, начсвязи дивизии Сергеев и другие.

Оказывается, махновцы попали в кольцо. С Екатеринославщины их преследовали кавчасти 1-й Конармии: 6-я, 11-я и 14-я кавдивизии и особая бригада штарма. Подкормив лошадей, они выходили из села Бучки в погоню за махновцами, которые сами пришли к ним на изморенных лошадях. Был скоротечный бой.

Пулеметный полк, рассыпавшись цепью, ураганным огнем обстреливал улицы, и красные конники растерялись, смешались и частью застыли на месте, поднимая руки, а частью бросились из села к востоку. Успевшие выбежать в степь, соединились с червонными казаками, перестроились, заняли позиции, блокировали все выходы из села и перешли в атаку. Установив на возвышенностях пулеметы и орудия, они открыли ураганный огонь. Дорога, ведущая из села на юг через единственный дрянной мостик, также была под охраной красной конницы. Но, видя перед собой опасность, карлик делается великаном. Махновцы бросились на мост, смяли части красной 6-й дивизии и вышли из села. Однако, пройдя две версты, напали на пехполк. В результате боя махновцы, отбросив пехоту, вышли на простор.

Так ознаменовалось боевое крещение лихой буденновской конницы третьего января 1921 г. в селе Бучки.

Бой выиграли буденновцы и казаки, ибо мостик, под тяжестью скопившихся подвод, рухнул, преградив махновским обозам дорогу. Махновцы потеряли 6 орудий, 40 пулеметов, лазарет и весь обоз.

Понурились головы, на совершенно изморенных лошадях, они двигались через сс. Вузовку – Юстингород – Харьковку – Иваньки в район Ольховец (10 верст юго-западнее г. Звенигородка), на соединение с повстанцами. И какое было разочарование, когда узнали,

что небольшая группа местных петлюровцев, руководимая Мартыновским, просит выдать ей оружие, запас которого давно истощился. Махновцы повернули на с. Чижевку – Лисянку, разыскивая более крупные отряды повстанцев. Но их не было, если не считать небольших скрывающихся групп и одиночек. К последним неудачам присовокупилась неимоверная гололедица. Лошади окончательно подбились, а подковать их было негде. Это усугубило саморазложение.

В районе Корсуня артиллерийская верхушка Василий и Влас[1100] Шаровские, Сипливый, Карпенко[1101] и некоторые другие дезертировали.

Пройдя по маршруту сс. Лисянка – Почапинцы – Комаровка – Сидоровка – Биевцы – Ольховец – Ивановка, махновцы 6-го января достигли с. Межиричи, что в 12 верстах юго-западнее г. Канева. Армия, вместо бывших 5 000 человек, насчитывала всего около 3 000, при двухстах пулеметах почти без патронов, при 6-ти орудиях.

В селе Межиричи в штаб явились петлюровские атаманы: Пономаренко, Родченко, Рапчинский и Струк, умоляя снабдить оружием. Но штаб в просьбе отказал. Численность их отрядов не превышала несколько сот человек.

Значительных отрядов, таких как отряды Ващенко, Клименка, Рябинова и Калюжного, посланных сюда в 1919 г., не было. Их место заняли мелкие отряды, которые не способны были вести борьбу даже с милицейскими местными силами. Махновщина не желала их союза, что и подтвердилось на общем собрании комсостава 6-го января 1921 г. в с. Межиричи. Было решено навестить Полтавщину, особенно группу Христового, с которым прервалась связь 26. 11. 1920 г. И армия почти без патронов и снарядов 7-го января 1921 г. в 7-и верстах южнее г. Канева переходит реку Днепр на левый берег, предварительно засыпав путь по льду соломой и соблюдая дистанцию, и 8-го занимает с. Песчаное.

В приказе войскам 8-й стрелковой дивизии ВНУС и полтавскому губернскому боевому участку от 9-го января говорилось:

«По сообщению штадива 11, к 24 часам 8 января банда Махно численностью 2 000 – 3 000 сабель после боя в с. Песчаное, что 15 верст северо-западнее Золотоноши, отошла в восточном направлении... через хут. Мацуковка, что 5 верст восточнее с. Песчаное, и повернула в северо-восточном направлении на хут. Сеньковцы, что в 6 верстах северо-восточнее Мацуковки, и остановилась в м. Драбов, что 30 верст севернее Золотоноши...

Объявляю на военном положении гарнизоны Переяслава, Пирятина, Лубны и Миргорода...»[1102].

Чтобы скрыть истинное направление движения главных сил, повстанцы, как и всегда, из Мехедовки отправили отдельный отряд на сс. Овсюки – Лазорки, а главными силами двигались на Оржица – Хорол. В связи с этим начальник 8-й стрелковой дивизии ВНУС в приказе командиру 22-й стрелковой бригады писал из Полтавы:

«1. Банды Махно 9 января, перейдя железную дорогу Гребенка – Золотоноша в районе Мехедовка, что 23 версты северо-восточнее Золотоноши, под напором частей 7-й и 11-й

дивизий двинулись в северо-восточном направлении и к 18 часам разъезды банды достигли Овсюки, что 25 верст южнее Пирятина – ст. Лазорки. По не вполне проверенным сведениям, главные силы Махно подходят в район Лазорки.

2. Приказываю комбригу 22 т. Самойлову, учитывая специфическую особенность действий Махно — стремление маскировать истинное направление своего марша демонстративно глубоким охранением флангов — принять все меры энергичной и сильной разведки к выяснению направления движения главных сил Махно. Иметь возможность трех путей: первый на север в общем направлении через железную дорогу Гребенка – Лубны, второй на Лубны или немного южнее и третий на Хорол...»[1103].

Пройдя с. Песчаное, повстанцы встретили 8-ю дивизию червонных казаков, переброшенную с Киевщины по желдороге и выгрузившуюся между ст. Гребенка и г. Золотоноша. Но казаки, в обязанности которых входило неустанное преследование повстанцев, не особенно надоедали, и на следующий день остались позади на расстоянии суточного перехода.

Достигнув с. Оржицы, повстанцы двигались на восток к г. Хорол, где опять попали в окружение.

Вот как описал выход махновцев из окружения бывший комбриг в корпусе Червоного казачества:

«...Вскоре махновская черная рать попала в “мешок”. Тщательно задуманная ловушка была подготовлена для нее недалеко от Хорола. Путь банде преграждала крутая насыпь железной дороги. Перемахнуть через нее можно было только у переезда, вблизи которого курсировал бронепоезд.

С двух сторон охватывала врага советская конница. Разъезды 14-й буденновской дивизии нащупали основные силы махновцев. Приближался к полю боя сводный отряд Котовского. Казалось, что теперь уже бесшабашные головорезы батьки не устоят против натиска червонных казаков и буденновцев, стремившихся отомстить за своих любимцев — Пархоменко и Карачаева.

Очутившись в безвыходном, казалось бы, положении, Махно придумал коварный маневр. В его штабе нашлось удостоверение на имя командира взвода 84-го полка 14-й дивизии. С этим документом личный ординарец батьки помчался к бронепоезду. Предъявив документ, подвел командира к амбразуре. Показал на приближавшихся махновцев:

— Это наши. А там, — повел он пальцем в сторону буденновцев — махновцы. Кони наши вымотаны, к атаке не способны. Так что начдив просит вдарить ураганным... пока пройдем. За переездом станем... будем ждать Червонных казаков...

Простодушный командир бронепоезда попался на махновский трюк. И на сей раз анархо-бандиты вырвались из тщательно подготовленной для них западни...»[1104].

Выйдя из очередного окружения, мы приводили боевые части в порядок, и с целью повышения их боеспособности и поднятия их революционного авторитета в глазах населения предлагали:

«Приказ

Революционной Повстанческой Армии Украины (махновцев) № 23.

с. Бригадирово

11-го января 1921 года.

Административный.

§ 1. Всем командирам и начальникам команд, заведывающим и комендантам, а основании протокола от 8-го января с. г. чрезвычайного военного заседания Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев) и членов штарма, комсостава и других ответственных руководителей приказываю ввести революционную, братскую, разумную дисциплину.

§ 2. 1) Ни в коем случае не допускать праздношатающихся без дела повстанцев в своих частях. 2) Запретить выезд из строя кавалеристов. 3) Спешивать и обезоруживать кавалеристов, которые без дела шатаются не при своих частях, оружие и седла сдавать командиру той части, кавалерист которой обезоружен. 4) Ни в коем случае не разрешается командирам и повстанцам расстреливать, раздевать и бить арестованных без санкции комиссии противомахновских дел. 5) Ни в коем случае не допускать повстанцам самостоятельную менку лошадей, а руководствоваться приказом командарма за № 3. 6) Точно следить за повстанцами и по возможности вооружать их винтовками. 7) Ни в коем случае не упускать виновных без наказания.

§ 3. Заведывающему армейским лазаретом тов. Тесляк сдать свои полномочия тов. Глуховцу и не считаться заведывающим лазаретом (основание — словесное заявление Тесляка об увольнении от должности заведывающего). Тов. Глуховцу принять дела от старого зав. лазаретом и сделать перечистку повстанцам, которые не больные и не раненые, а находятся при лазарете. Выписывать аванс и по возможности оставлять больных и раненых в селах, деревнях и хуторах.

§ 4. Сотня при командарме с сего числа считается особым полком, командиром которого тов. Троян. Тов. Бойко утвержден членом Особого поручения при штаirme.

§ 5. Комгруппы Азовской привести кавполки в боевой порядок по своему усмотрению (в особенности Киевский кавполк).

§ 6. Кавгруппы кавалерийской привести кавполки в должный боевой порядок, стараясь, чтобы кавалеристы были вооружены винтовками.

§ 7. Комполка пулеметного Кожину привести полк в должный порядок, стараясь поставить все пулеметы на подводы.

§ 8. Помощником наштарма по оперативной части утверждается тов. Дерменжи.

§ 9. Коменданту штарма т. Домашенко иметь комендантской команды 15 человек пехотинцев на обывательских подводах до тех пор, пока будут подводы армейские, седла и лошади отправить командиру особого полка тов. Трояну.

§ 10. Т-щу Лысенко иметь при орудии нужное число прислуги и иметь в резерве на 2 орудия людей и лошадей.

§ 11. Т-щу Викторову немедленно начать формирование особого пехотного полка и считаться командиром полка.

§ 12. Всем командирам при движении выслать от частей квартиреров к т-щу Май-Бороде.

Подлинный, подписан командарм батько Махно.

Наштарм Белаш»[1105].

Повстанческая Армия в этот период состояла не только с головного, описываемого ядра войск. Ее отдельно выделенные отряды и отряды безвестные, именующие себя повстанческими, под знаменем «Третьей Социальной Революции» действовали на Левобережной Украине довольно активно. И несмотря на засилие красных войск, поддерживаемые населением, вели боевые действия.

Так в приказе Фрунзе командованию Донецкой трудовой армии от 13 января 1921 г. говорилось:

«№ 060/сек 193/оп, г. Харьков.

Целый ряд экспедиций, предпринятых в районах Старобельска и Славянска против бандов Каменюка и Колесникова, проведенных без достаточной энергии и связанности, не дали конечных результатов. Неоднократно рассеиваемые и несшие потери банды все же успели организовать вновь. По последним сведениям, банда Каменюка была в районе Шурово – Ямполь (северо-восточнее г. Славянска), банда Колесникова занимала район Золотой Колодец – Степановка, к северу от ст. Гришино.

С передачей в ваше подчинение частей Сводной бригады ВКУС (бывшей 7-й дивизии ВКУС) командвойск Украины приказал принять самые энергичные и настойчивые меры к полному уничтожению указанных банд...»[1106].

Гор. Александровск 16-го января сообщал:

«Губернской чрезвычайной комиссией при содействии отрядов Красной Армии поймано и расстреляно 35 бандитов-махновцев. Между ними — целый ряд известных на юге атаманов, головорезов, наводивших панику на население...»[1107].

Мы же продолжали рейд и с целью дезориентации главного направления движения из с. Белоцерковки отправили отряд на с. Остапье. Сами же двигались на с. Песчаное.

В оперсводке штаба 8-й стрелковой дивизии ВНУС от 13-го января 1921 г. говорилось:

«№ 220/оп, г. Полтава.

Части 3 запасной кавбригады, с 24 часов 12 января, войдя в соприкосновение с бандой Махно, отбросили ее из района Белоцерковки на Остапье, где имели с ней бой на рассвете 13 января. Утром 13 января банда, преследуемая запасной кавбригадой, бежала на Решетиловку, где имела бой с Заволжской бригадой, и около 14 часов прорвалась через желдорогу на участке Решетиловка – Сагайдак в составе 500 сабель и двинулась на Песчаное, 13 верст севернее ст. Решетиловка. Залкавбригада преследует банду по пятам. Из района Мачехи, 10 верст юго-западнее Полтавы, срочно перебрасывается в Диканьку 3 Киевская бригада курсантов с активной задачей. Линия Сагайдак – Решетиловка усиливается высылкой бронепоездов. Гарнизоны Гадяча и Зенкова приводятся в полную готовность. Только что получены сведения о прибытии в Конград неизвестной кавдивизии...»[1108].

15-го января армия повстанцев заняла село Борки, где присоединила к себе крупный отряд Христового[1109].

За этот период в справке оперотдела штаба Фрунзе говорилось:

«...в бою у деревни Борки приведено в негодность 2 орудия противника, которые куда-то бандитами скрыты...

По пути следования бандитов уничтожены запасы продовольствия, расстреляно много политработников, представителей власти, комсостава, а в некоторых случаях и красноармейцев. По пути Махно менял у крестьян консостав...

Банда насчитывает до 1 500 сабель при пулеметах, сильно утомлена. Орудий нет. Отмечается тяготение противника к конзаводам и комхозьям с целью добычи свежего консостава и продовольствия...»[1110].

Из с. Борки один отряд с целью демонстрации был отправлен на запад на с. Савинцы в сторону г. Миргорода, а главные силы, продолжая рейд, двигались на север, на с. Лютенька – Веприк – Липовая Долина в район г. Путивля, где должен быть отряд Шубы. Дальше путь проходил через г. Недригайлов – сс. Ольшана – Терны – Виры, 20-го января достигли с. Речки (15 верст восточнее г. Белополье), но отряда Шубы не встретили.

Продолжая движение, армия повстанцев вошла в Курскую губернию. Достигнув села Курасовки, штаб получил более достоверные сведения об антоновщине. Между прочим, уместно немного вернуться назад, в село Бучки, где начдив 14-й Пархоменко, поняв, что встретился с махновцами, кроме того, что дал сведения о красных частях, просил Марченка и Махно сохранить ему жизнь. Он говорил, что имеет тесную связь с антоновщиной. Извлекая из кармана письмо, он рассказал, что его брат Пархоменко — анархист и

находится в рядах антоновщины, что он и себя считает последователем анархии. Но в сложной обстановке боя, А. Пархоменко и командиры штаба 14-й дивизии второпях, при отступлении были расстреляны. И после Махно жалел, говоря: “Пархоменку можно было бы и простить убийство дедушки Максюты”[1111].

Действительно, Пархоменко (наш командир и набатовец, дезертировавший с частью от нас в октябре 20-го года, не желая союза с Совправительством), являлся братом начдива 14-й. Он письменно упрашивал его перейти на сторону повстанцев-махновцев или антоновцев. Но начдив, будучи коммунистом, конечно, не слушал брата, да и не верится, чтобы он мог когда-либо изменить компартии. Он геройски руководил Екатеринославским участком по подавлению Григорьева и также, не будь захвачен махновцами врасплох, самоотверженно дрался бы с ними в с. Вучки.

Войдя в Курскую губернию, повстанцы легко вздохнули, так как большевистских войск здесь было несравненно меньше, чем на Украине, что давало возможность спокойно находиться на стоянках, привести себя в порядок, отдохнуть.

В это время, 23-го января 1921 г. Фрунзе писал в приказе из г. Харькова:

«Отряд Махно, преследуемый нашими войсками на протяжении свыше тысячи верст, заметно ослаб в своем качественном и количественном составе. Показания пленных и перебежчиков говорят о большом недостатке вооружения и огнеприпасов. Задача войск, преследующих Махно, остается прежняя — гнать Махно до полного его изнеможения, дабы окончательно покончить с главным повстанцем Украины...»[1112].

Тогда же, стремясь закрепить власть на селе, большевики при помощи войск, повсеместно лихорадочно работали с бедняками села, поддерживали их материально за счет отобранного у имущих. Об этом красноречиво свидетельствует протокольная запись съезда представителей от комнезаможей Криворожского уезда от 28-го января 1921 г.:

«Слушали: о расслоении села и закреплении работы комнезаможей.

Постановили: провести коренную чистку комнезаможей через политработников, исключить кулацкий элемент, примазавшийся к комнезамам, и вменить в обязанность комнезаможам искоренить лодырей и самогонщиков и привлечь таковых к общественному народному суду; комнезаможи, проявившие активность при проведении работы на селе, связанную с расслоением крестьянства, награждаются красными знаменами, согласно постановлению V-го Всероссийского съезда Советов»[1113].

Совет Революционных Повстанцев Украины (махновцев) со своей армией проходит с. Кочетовку и линию желдороги между Курском и Белгородом, в последних числах занимает г. Корочу, где было отпечатано «Положение о Вольных Советах».

В городе имелся большой запас продовольствия. Двери складов были открыты для всего населения, расхитившего содержимое. Будучи недовольно советским режимом, сельское и городское население были активны. В лесах укрывались остатки Чередняковцев, которые вливались в нашу армию. Но, как только мы оставили город, они вновь ушли в леса, не

желая выходить из района. Кроме того, командир Крымского кавполка Харлашка[1114] и Савонов ограбили церковь. Население по этому случаю начало на махновцев роптать. Об этом узнал штаб и дело передал на расследование комиссии антимахновских дел. Зная суровое наказание, они спровоцировали полк. И, когда армия выходила из города, они самовольно повернули на юг. Вскоре, пройдя Купянский район, они достигли Изюмского уезда, в котором и остались оперировать.

Здесь же, в Короче, Совет простился с Аршиновым-Мариным и Рыбкиным, выбывшими из армии по мотивам налаживания подпольной работы в Харькове и собирания материалов для истории махновского движения, решившими вступить в контакт с Антоновым[1115].

К этому времени армия истощилась. Достигнув села Веселое, что север, нее г. Валуйки, в своих рядах она насчитывала около 2 000 сабель при 2-х орудиях и 50 пулеметах, вспомогательных частей и служб. Кроме того, соединение с антоновщиной не оправдало надежды. В Воронежской губернии она была разбита. И перед штабом встает вопрос — присоединить группу Каменева. С этой целью он повернул на юг в Старобельский уезд и, пройдя с. Алексеевское, Н. Александровку, Ровеньки, Белолуцкую, достигает с. Каменки.

К этому времени приказ Фрунзе гласил:

«... г. Харьков, 4 февраля 1921 г.

В районе Ровеньки Махно, усилившись за счет банды Волаха, 1 февраля перешел в отчаянную контратаку против частей корпуса т. Нестеровича, но, несмотря на свои подкрепления, был разбит и бежал на Белолуцкую и Каменку. Упорные бои под Каменкой и Морозовкой 2–3 февраля также кончились поражением и бегством Махно. Таким образом, вся тяжесть боев легла опять исключительно на отряд т. Нестеровича. Действия 9 кавдивизии были до крайности вялы — отряд бандитов в 200 сабель безнаказанно уходит от двух кавбригад, с первых же шагов вся дивизия остается вне района боевых действий и оттягивается на Старобельск. Недопустимость подобной боевой работы ставлю на вид начдиву 9 кавалерийской.

Отряд т. Ивлева также не сделал ничего и сразу же потерял связь даже со своими частями...»[1116].

Здесь, у с. Каменки, повстанцы встретились с группой Пархоменко.

На заседании штаба Пархоменко отчитывался о своих действиях.

«После того, как я ушел от вас, — говорил он, — не желая союза с красными, я поднялся в Богучарский уезд. Ко мне притирались элементы, недовольные большевиками. К 10-му ноября 20-го года моя группа насчитывала до 8 000 штыков и сабель. С нею я продвинулся под Воронеж, объединяя недовольных в полки. Крестьяне, сами хотя не восставали, но охотно нас поддерживали. В Кирсановском уезде с августа 20-го года начали агрессивировать лево-эсеровские отряды. Особенно отличался Антонов. И я решил с ним соединиться. Оставив в районе Новохоперска отряд казаков, сам ушел в Кирсановский уезд. Числа 20-го декабря 20-го года я перешел желдорогу у ст. Иноковки. Села двух уездов Тамбовщины:

Кирсановского и Моршанского начали восставать. Моя группа насчитывала свыше 12 000 штыков и сабель. Антонов с отрядом в 3 000 штыков не замедлил ко мне явиться. Начали говорить о союзе. Но, так как он со своей партией выдвигал лозунги учредилки и союза трудового крестьянства, не желая принять наши, то мы решили остаться независимой организацией. Не договорившись по политическому вопросу, я решил заключить с ним военный союз. Распределив военную сферу, Антонов остался на Тамбовщине, а я повернул обратно, в Воронежскую губернию. Советский режим возмущал крестьян, и вся южная часть Воронежской губернии заколыхалась. Крестьяне, особенно зажиточный слой, были активны. Им понравился мой лозунг: “право на продукты своего труда”, и они нас поддерживали. К 20-му января моя группа выросла до 30 000 человек. Рост повстанческого движения достиг своего апогея и не было красной части, которая мешала бы его развитию. Но, вот начали появляться бронепоезда и красные полевые части. В результате двухнедельных боев моя группа начала таять, восстание ослабевать. Местная молодежь, как вы знаете, горячая, но и быстро остывающая, после нескольких поражений, не имея оружия, разбегалась по домам, А к этому времени я остался вот с этой кучкой самоотверженных бойцов: всех остальных растерял. Антоновщина затихает на Тамбовщине и идет на убыль: она ликвидируется усилиями красных частей...».

Пархоменко волновался. На заседании комсостава он вел себя задорно, обвиняя Совет в заключении договора с Совправительством против Врангеля. Но, узнав судьбу своего брата, расстрелянного в с. Бучки, притих. А когда понял, что Совет не собирается привлекать его к ответственности за прошлое дезертирство, махнул на все рукой и по приказанию влился во второй кавполк.

Тяжелым бременем для крестьян, где располагались красные части, было содержание этих войск. Так, например, если взять только 1-ю Конную армию, то ей на 34 385 человек и столько же лошадей требовалось для суточного довольствия минимум 17 тонн хлеба, 21 тонну овса и около 25 тонн сена[1117] да прочего. Централизованное снабжение почти прекратилось. Армия была на «подножном корму», что, как наказание за непокорность, тяжелым бременем ложилось на селения, где проходили или дислоцировались войска.

Будучи в Москве на съезде, командарм С. Буденный и комиссар К. Ворошилов имели встречу с заместителем Предреввоенсовета Республики Эфраимом Склянским, который в разговоре сказал: «...Владимир Ильич очень озабочен положением дел на Украине. Бандитизм мешает налаживать мирную жизнь, надо с ним быстрее кончать, считать теперь борьбу с бандитизмом важнейшей задачей войск Южного фронта.

Беседа наша продолжалась долго... На просьбу обеспечить Конармию достаточным количеством фуража Склянский лишь развел руками.

— Что не могу, то не могу. Плохо с продуктами и фуражем. Все запасы исчерпаны...»[1118].

В это время, 6-го февраля Ленин писал Э. Склянскому:

«Т. Склянский!

Прилагаю еще одно “предупреждение”.

Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно (несмотря на гигантский перевес сил и строгие приказы поймать), и теперь еще более позорно проваливается, не умея раздавить горстку бандитов.

Закажите мне краткий доклад главкома (с краткой схемой размещения банд и войск) о том, что делается.

Как используется вполне надежная конница?

— бронепоезда? (Рационально ли они размещены?) Не курсируют ли зря, отнимая хлеб?

— броневики?

— аэропланы?

Как и сколько их используется?

И хлеб и дрова, все гибнет из-за банд, а мы имеем миллионную армию. Надо подтянуть Главкома изо всех сил.

Ленин»[1119].

Числа 6-го февраля 1921 года армия повстанцев вышла на юго-восток, стремясь пройти в район Миллерово, чтоб присоединить отряд Фомина и Каменева. Она благополучно проходит с. Александровск, Ново-Александровку, Ровеньки, Осиповку и занимает Марковку. Здесь красные кавчасти ее атаковали и, израсходовав боеприпасы, вместо присоединения своих отрядов, повстанцы бежали через Беловодск, Шульгинку, Астрахань, ст. Кабанье, Шандриголов, южнее г. Изюма, ст. Барвенково в свой район, то есть в Гуляйпольщину. Отряд Фомина, стоящий к тому времени в районе станции Усть-Белокалитвинской и группа Каменева, рейдирующая в районе станицы Усть-Медведицкой, не могли спасти армию. Она таяла с каждым днем, таяла наглядно от распыления, усталости и саморазложения. И красная газета писала об этом:

«...Бандиты в значительном числе под предводительством батьки Махно появились у нас в губернии в начале февраля — 2 000 конных (в том числе пулеметный полк), 3-х дюймовые орудия.

Имея целью пополнения своих разбитых рядов кулацким элементом, Махно направился по излюбленным местам: появившись в северо-восточной части Старобельского уезда, прошел по восточной части, вышел на Донецк, затем, минуя Лиман, вышел на переездную, а оттуда по северной части Гришинского уезда направился в Гуляй-Поле.

Частями Красной Армии было нанесено Махно, несколько ударов в Старобельском уезде, в Лисичанском р-не и на границе с Изюмским уездом...

Среди махновцев громадное количество раненых, которых Махно таскает за собой, и это усугубляет общее состояние разложения его банд. Больные и раненные махновцы не имеют

никакого ухода. Достаточно сказать, что обязанность “старшего врача” банды исполняет санитар. Махно стремится разгрузиться от больных, так как большинство из них гуляйпольцы... Настроение главарей шайки подавленное, они отлично сознают близость своего конца и по словам жены Махно продолжают борьбу против Советской власти только потому, что выхода все равно нет.

К 10 февраля Махно был изгнан из пределов Донецкой губернии.

Оторвавшись от него, отдельные банды рассеялись и поодиночке рассеялись среди крестьянства. Меры борьбы против Махно будут успешны только тогда, когда само крестьянство сознательно пойдет на решительную борьбу с бандитами...»[1120].

В докладе Главного командования в Реввоенсовет Республики о состоянии борьбы с бандитизмом говорилось:

«№ 702/оп, г. Москва 9 февраля 1921 г.

...Банда Махно до выхода ее из района Гуляй-Поле пользовалась полным сочувствием местного населения, которое и снабжало и комплектовало ее. Будучи вытеснен в конце декабря 1920 года из указанной местности, он в течение января и начале февраля проследовал по Правобережной Украине и через Полтавскую, Харьковскую, Курскую и Воронежскую губернии перешел в район Луганска, откуда стремится к Изюму, а, может быть, и вновь к своей основной базе — Гуляй-Полю. Во время следования банда далеко не везде встречала сочувствие местного населения, и из большой организованной силы превратилась в кучку бандитов, насилувавшую попутно местное население. По последним данным, сила ее определяется в 1 500 бойцов при незначительном количестве пулеметов и четырех орудиях.

Для борьбы с Махно в период его пребывания в районе Гуляй-Поля были привлечены полевые войска крупными войсковыми соединениями, в последующий же период при непрерывной переброске Махно из одного района в другой были использованы все части, расположенные в ближайшем удалении от пути следования бандита, и созданы специальные маневренные или летучие отряды, обладающие особой подвижностью, преимущественно конные, со стрелками, посаженными на подводы для непрерывного преследования. Широко были использованы бронепоезда с целью преградить доступ Махно в тот или иной район. В настоящее время против Махно действуют 2-я и 9-я кавдивизии, две стрелковые бригады, всего около 3 000 сабель и 1 500 штыков. Кроме того, составлена группа бронепоездов, которая перебрасывается в зависимости от направления движения бандита...

По заявлению РВС Конной армии, копия коего приложена к сему докладу, борьба с бандитизмом, являясь резко отличной от борьбы на внешнем фронте, отразилась неблагоприятно на общем состоянии конницы и является главным препятствием к укреплению мощи Конной армии.

Против Махно действует, находясь на линии Белгород – Купянск – Миллерово, 6 бронепоездов. В Тамбовском районе стянуты 3 бронепоезда и 5 бронелетучек...»[1121].

В своем докладе на Харьковской губернской красноармейской партийной конференции председатель Совнаркома Украины Раковский говорил:

«...Октябрьская сводка тоже дает цифру 21 500 бандитов. Но, несомненно, состав изменяется. Многие погибают, исчезают, а потом снова пополняются. Получается своего рода бандитский упраформ по всей Украине, который мы никак не можем уничтожить. И сколько бы мы ни давали победных сводок о том, что банды разбиты, на другой день мы видим, что банды снова организуются. Мы до сих пор отняли громадное количество винтовок и пулеметов. У меня имеется сводка ВНУСа, где говорится, что у бандитов отнято 25 000 винтовок, а если взять отдельно Махно, то у него мы отняли до сих пор не меньше чем 900 пулеметов. Конечно, нужно сказать, что мы отнимаем те самые пулеметы, которые он отбирает у наших частей, и таким образом, эти пулеметы переходят от нас к нему, от него к нам и т. д. Конечно такой “оборот” пулеметов не может не отражаться самым тяжелым образом на всей нашей работе на Украине.

Если вы возьмете нашу продовольственную работу, вы увидите, на сколько она разрушается бандитами, вы увидите, какое количество продовольственных агентов убивается. Если вы возьмете количество уничтоженного угля, хлеба, сахара, придется сказать, что наш Наркомпрод и наш Главсахар является одновременно органом снабжения рабочих, Красной Армии и в то же время органом снабжения бандитов, у меня имеется здесь очень оптимистичная сводка о том, что бандитами взято восемнадцать заводов и разграблено 17 000 пудов сахара. Но эта цифра совершенно ошибочна. Я могу сказать, что на наших сахарных заводах бандиты взяли свыше миллиона пудов. Когда голодают больные кр-цы, потому что нет золотника сахара, бандиты продолжают обменивать сахар на лошадей, хлеб или отдавать крестьянам, так как одним из средств привлечения крестьян на сторону бандитов является то, что они занимаются уравнильным снабжением, что они забирают из складов 50% себе, 50% отдают крестьянам. Относительно железнодорожников в махновском районе мы имеем сведения, что у них частью имеются махновские настроения, причина которых — потребительское уравнильство махновцев, которые, грабя, раздают вокруг себя...

Реввоенсовет Республики вменил в обязанность штабу создать особую инструкцию по борьбе с бандитизмом. Борьба с бандитизмом имеет особый характер. Бандиты прибегают к невероятным хитростям. То что называется тактикой малой войны, бандитами на Украине применяется с большим искусством. Даже больше можно сказать, что здесь на Украине эта тактика малой войны обогащается новыми и новыми методами. Несомненно, что Махно ввел в эту тактику новые методы. Таковы его тачанки с пулеметами, которые сейчас же при первой опасности образуют своего рода тачаночную артиллерию и с первого же момента ошеломляют своим количеством пуль, своими выстрелами наступающие красноармейские части. Реввоенсовет республики предусмотрел, что борьба с бандитами должна вестись особыми отрядами, которые должны снабжаться особым вооружением, которые должны быть быстрее в своем передвижении. Что получалось теперь, когда мы гнались за Махно? Он всегда находился в 20 или 25 верстах впереди нас, и мы шли 2 000 верст за ним. Нам ни разу не удалось перерезать ему путь. Он шел по намеченному им пути, он имел средства передвижения гораздо более быстрые, нежели мы, в особенности зимою, когда заносы и отсутствие топлива мешали передвижению по железным дорогам...»[1122].

К борьбе с повстанчеством было привлечено, кроме регулярных войск, ВНУС, ЧК, также разные формирования и службы, получавшие инструкции и указания из центра.

Так, например, в телефонограмме управляющего делами Совнаркома УССР председателю цупчрезкома о предложениях Наркомвнудел УССР по борьбе с бандитизмом, посланной из г. Александровска, говорилось:

«Практика борьбы с Махно еще раз подтверждает мое мнение о необходимости летучим отрядам придавать не менее десяти опытных чекистских разведчиков, без них атаманы не могут быть пойманы — военные разведчики лишь распугивают атаманов. Прошу еще раз об укреплении местной губчека, о придании летучим армейским отрядам по десяти чекистов-разведчиков»[1123].

На Совете РПУ (махновцев) речь шла о перспективах армии, поговаривали о подполье, считая махновщину «затухающим вулканом». Как вдруг на западе появилась неизвестная кавалерия. Она двигалась ощупью. Совет, не приняв бой, вышел на юг и, перейдя железную дорогу у ст. Межевой, остановился в с. Новопавловске. Вскоре колонна человек в 200 подошла к селу. Лошади наши были изморены до такой степени, что выходить в степь мы не рискнули. К счастью, это оказался отряд Каленика и семерки[1124]. Мы облегченно вздохнули, но вновь тревога. С севера движется кавколонна до 700 сабель. Но и на этот раз нам повезло: подходили Брова и Маслаков.

Выяснилось, что в конце января 1921 г. в районе Новомосковска на сторону Бровы перешел комбриг 1-й бригады 4-й дивизии 2-й Конармии Маслаков. Они составили коалиционный штаб группы повстанческих войск (махновцев): Маслаков — комгруппы, Брова — начштаба. В результате боев пехота Бровы была растеряна, а конница Маслакова сохранилась. Узнав о нашем появлении, они пришли на соединение. Но, какое было разочарование Совета, когда Брова и Маслаков попросили выдать им мандат на право формирования Кавказской Повстанческой армии, предоставив Кавказ в их зону влияния. На этом особенно настаивал Маслаков, обещая собрать местные казачьи силы, надеясь перетянуть на свою сторону части 2-й и 1-й Конармий. Совет долго колебался, но все же дал на то свое согласие.

Неожиданно подошел 3-й конкорпус красных, составленный из 5-й, 7-й и 9-й кавдивизий, пополненный за наше отсутствие добровольцами из пленных махновцев. Махновцы против махновцев — великая идея!.. Махновцы, кровью искупающие в рядах 3-го корпуса свою «вину», напоминали тигров. Они бросались в атаку на село и чуть было не зажали шторм в тиски. Но Маслаков и Каленик спасают положение.

Повстанцы заняли с. Дибривки, в котором капитулировал пехотный полк 42-й дивизии с 4-мя орудиями.

Числа 13-го февраля, на рассвете, со стороны Новопавловки вновь подошел 3-й корпус. Но, будучи встречен сильным орудийным и пулеметным огнем у самого села, не приняв атаки, побежал обратно. Маслаков немного увлекся преследованием и процентов на 30 изранил своих лошадей. Корпус этим воспользовался и снова перешел в наступление. Но был отброшен от села. Так противники мерялись силами свыше 10 часов, окончив бой вничью.

Ночью разошлись: корпус отступил в Новопавловку, махновцы вышли на Новоуспеновку.

В докладной инструктора Кулакова в Александровский губ. ВРК о положении в уезде по этому поводу говорилось:

«С. Гуляй-Поле 14 февраля 1921 г.

8 февраля с. г. в Гуляй-Поле прибыл 30-й Кавалерийский полк 30-й Кавдивизий. 10 февраля получил сводку, что Махно прорывается в Гуляй-поле, за ним следует 7-я Кавдивизия и Интернациональная Кавбригада. 13 февраля послышалась орудийная стрельба. Все были готовы к бою, к вечеру того же числа прибыл 162-й пехотный полк.

Махно прорвался на Успеновку и не останавливаясь пошел на Туркеновку. В Туркеновке остановился на ночь, поймав наших агентов, из которых 8 зарубил, 2-х раздел и пустил. Отпущенные товарищи и крестьяне сообщают о его составе, что у него имеется около 3 000 кавалерии, 2 орудия, патронов нет, лошади измучены, бросили по дороге в Туркеновку пулемет.

До выезда из Туркеновки требовали зерна у крестьян, но крестьяне отвечали, что у них не имеется зерна. Они ругают крестьян, выражаясь, что вы служите коммунистам. Далее они говорили крестьянам, что немцы уже заняли город Баранович, а вы все даете хлеб и скот коммунистам. В Гуляй-Поле ему не пришлось прорваться.

14 февраля войска все выехали. После этого было сообщено, что Махно попал на ст. Федоровку и разбился на две группы. По некоторым соображениям Махно, они опять соединились и отправились на Цареконстантиновку и в 9 верстах от Цареконстантиновки он был окружен»[1125].

14-го февраля, проходя на юг через с. Туркеновку, у самой Федоровки встретили красный пехотный полк. В начале боя он решил капитулировать. Но, когда махновцы начали отбирать лошадей и оружие, полк воспротивился. Открыв огонь, он пробивался из окружения, на ходу строя каре. Потеряв до 50 человек ранеными и убитыми, махновцы оставили полк; сами вышли на юг, в Новоспасовку, надеясь встретить поддержку местного населения.

Итак, знаменитый зимний рейд расстоянием в 2 000 верст, пройденных с 20-го декабря 1920 г. по 15-е февраля 1921 г., знаменовался ослаблением махновщины, как движения. Вместо укрупнения армии и активной поддержки со стороны местных сил на Екатеринославщине, Херсонщине, Киевщине, Полтавщине, Черниговщине, Курсщине, Воронежщине, Донбассе и Харьковщине, она распылялась, дробилась на пассивные группки. В Изюмском районе комполка Сыроватский и комсотни Колесниченко, отхватив до 300 сабель, ушли в Теплинский лес, а кубанцев удалось с трудом посулами удержать в Старобельщине, затянув их в Гуляйпольщину.

Пройдя села Гайчул, Цареконстантиновку и Белоцерковку 16-го февраля, повстанцы остановились в селе Берестовое. Их силы равнялись 1 500 сабель и 50 пулеметов. Уставшие от боев и переходов, они беспечно уснули. Лишь в штабе, да на заставах чувствовалась

жизнь. Брова с Маслаковым упрашивали требовали выдать сейчас им пропуск на Кавказ. Махно долго колебался, а потом махнул рукой. Был подписан мандат на право организации Кавказской Товстанческой Армии (махновцев) и вручен Маслакову и Брове. Но не, успели они выйти из штаба, как на улицах поднялся бой: 3-й кавкорпус был здесь. Со своей сотней первый выбежал за село Махно с Куриленком. Следом вышла «Кавказская армия» Маслакова. Всю тяжесть удара вынесли раненые и обозные, не успевшие вскочить на подводы: они остались в плену. За селом к Маслакову присоединились кубанцы, отряд Пархоменка и армейская конная разведка (100 сабель) Кочубея-Лонцова, общей численностью до 1 100 человек.

Теряя бойцов, шторм убежал на Новоспасовку, чтобы заменить лошадей. Надо было думать о спасении. Неумолимый 3-й корпус продолжал насаждать, захватывая одиночек и группы. В Новоспасовку вошли до 200 повстанцев, вышли около 100: остальные расплылись. Штаб окончательно решил уйти в подполье. Раненый Вдовиченко с Матросенко и Галиной Кузьменко остались в Новоспасовке. Штаб и Совет, окруженные кучерами и писарями — элемент слабый в боевом отношении — вышли из Новоспасовки в район Заливное. Все были в отчаянии.

Поднимаясь к северу от с. Новоспасовки, штаб налетел на батарею, стоявшую в селе Стародубовке. Четыре орудия были отобраны, прислуга обезоружена. Подойдя к с. Захарьевка, где стоял пехотный полк 30-й дивизии, штаб открыл ураганный огонь. Полк бежал за село, а шторм, израсходовав снаряды, сняв замки и оставив орудия в поле, ушел на Розовку.

В немецкой колонии Фридрихсталь он обезоруживает кавдивизион 3-го корпуса, высланный преследовать Маслакова. Здесь Махно лично учинил расправу пленным: тридцать человек старых махновцев, перешедших на сторону 3-го корпуса, было изрублено. Он кричал: «Все наши предатели получают по заслугам!» Остальные пленные, видя жестокость батьки, со слезами на глазах, молили пощады, обещая верой и правдой служить махновщине. Но их оставили в колонии невредимыми, а шторм, подбодрив себя строевыми лошадьми, пулеметами и боеприпасами, вышел на Розовку.

Здесь к штабу присоединялись повстанцы, отставшие от Маслакова. Проходя селения и станции: Святотроицкое, Кременчик, Новоуспеновку и Рождественскую, к нему присоединялись новые элементы, скрывавшиеся от красных. И, когда шторм достиг района Заливное, он уже перестал мечтать о подполье, вокруг него организовалось ядро в 300 сабель, 20 пулеметов при достаточном количестве боеприпасов. С такой единицей уходить в подполье было стыдно.

К вечеру 19-го февраля 1921 г., пройдя к с. Заливное, заметили движение 124-й бригады 42-й стрелковой дивизии, только что прибывшей из г. Орехово и занимающей к ночи с. Заливное, Литовку, хут. Михайловку и несколько немецких колоний.

Решено было неожиданным налетом в колонне атаковать. 124-я бригада без боя, вместе с комсоставом, была взята в плен целиком. Комбриг 124-й Блюмберг, комиссар бригады Трифонов, комполка Михайловский, оказавшие сопротивление, были расстреляны. Часть

пленных добровольно влились в пехотный полк, формируемый Петренком, а другая часть была обезоружена и раздета по указанию лично Махно. Раздевание он объяснял тем, что красное командование, не имея обмундирования, вынуждено будет на долгое время вывести раздетую часть из строя. «Оружие они быстро находят, вооружают и снова вчерашние наши пленные, сколоченные в полки, бросают на нас. Посмотрим, как они будут воевать без одежды», — говорил Махно. И, действительно, раздетая 124-я бригада надолго была выведена из строя: без шинелей она сидела в теплых крестьянских хатах.

Захваченные трофеи: 16 орудий, пулеметы, обоз и снабжение штарм приводил в порядок. До 7 000 пленных расходились по хатам, как вдруг, из балки показался 3-й конкорпус. Он перешел в атаку, к которой штарм не был подготовлен. Да и чем было отпарировать! В его распоряжении было всего около 500 сабель, да орудия без прислуги. Удар был неожиданный. Оставив часть трофеев и пленных, потеряв убитыми десять человек, среди которых был Коляда, штарм отступил на юг. 3-й корпус остался в с. Заливном.

Достигнув 20 февраля с. Жеребец, штарм принял решение прорейдировать по северной Таврии, где должны были быть одиночки разбитой Крымской группы и отряды Павловского. Кроме того, была ставка на местные антибольшевистские силы. Куриленко командировали с отрядом в 30 человек в Мариупольский и Бердянский районы, Маскалевский (Золотой зуб) с отрядом в 20 человек — в Юзовский и Каленик с 10 человеками — в Гришинский район. На северной Таврии к штарму присоединяются одиночки бывшей Крымской группы. Кроме того, притираются и врангелевские элементы в лице казаков, вступают и пленные красноармейцы 3-й стрелковой дивизии. Пересекая с востока на запад Таврию, он движется в Большую Лепетиху, имея в виду присоединить группу Павловского. 25-го февраля он достигает р. Днепр и переходит его. Павловский с группой в 100 человек скрывался в днепровских плавнях, не проявляя себя агрессивно. Он был влит в армию.

Достигнув с. Большая и Мало-Александровки, штарм имел в своих рядах до 1 000 сабель, 8 орудий и свыше 100 пулеметов. Население Таврии и Херсонщины охотно поддерживало махновцев: организация комбедов была здесь в зачаточном состоянии. Это обуславливало рост армии: имея успех в боях, она увеличивалась.

Опасаясь, чтоб не быть отрезанным весенним половодьем на Правобережье, штарм снова тянется на Левобережье. Главным образом его привлекает щедрая Таврия, куда он повернул из Большой Михайловки. Отряд снова переходит р. Днепр южнее Нововоронцовки. Лед, под весенним солнцем, начал трещать, и много было горя на переправах. Однако повстанцы перешли реку и, достигнув с. Верхний Рогачик, в немецких колониях капитулировали отдельную 15-ю кавбригаду 6-й армии.

Заняв Верхний Рогачик, штарм командирует в район Большая Лепетиха Павловского с отрядом в 300 человек для организации Таврической группы. Продвигаясь к югу, в с. Новые Серагозы армия имела жаркий бой с частями 3-й стрелковой дивизии и, кажется, (точно не помню) с дивизией 1-й Конармии. Красные части имели перевес в боях и были вооружены двумя автомашинами и 3-мя аэропланами. В результате 5-ти часового боя штарм убегал на юг, теряя бойцов. Достигнув с. Скадовки, повернул на северо-восток.

6-го марта ночью повстанцы заняли с. Айгаман. Бойцы рады были отдохнуть и уже расходились по хатам, как на улицах затрещали пулеметы, и... махновцы снова драпали! Прикрываясь темной, весенней, таврической ночью, они вышли в поле и потянулись к Мелитополю. Южнее с. Ивановки под утро остановились на хуторах и ахнули. Над ними парил аэроплан, бросая бомбы. Со штармом осталось не более трехсот бойцов при десяти пулеметах: остальные ночью растерялись.

Фома Кожин с Тарановским и 45-ю пулеметами от с. Айгаман оторвались к Днепру. Оставаться в Таврии для поисков отставших штарм не находил возможным, ибо красными частями он был охвачен со всех сторон. С севера от Нововоронцовки и до Хортицы по Днепру были расположены буденновцы, с Крыма — 13-я армия, с запада — 6-я и с востока, кроме скученности по желдороге Александровск – Сальково бронепоездов и автомашин, стояли некоторые кавалерийские полки, батальоны ВНУС, 30-я и 42-я (успевшая оправиться после Заливного) стрелковые дивизии. Кроме того, кавалерийская и 3-я стрелковая дивизии неустанно преследовали штарм в центре. Было решено с Таврии выйти на Екатеринославщину.

Оставив в районе с. Ивановки с отрядом в 100 человек при одном пулемете Глазунова для собирания распылившихся повстанцев, штарм продвигается на восток. Ночью 7-го марта проходит желдорогу между станциями Акимовка – Рыково, делает неудачный налет на концлагерь в с. Ново-Павловке (Партизаны) и достигает с. Ефремовки (Охримовка), что на западном берегу лимана Молочный. Надежда пройти лиман по льду не оправдалась, ибо он никогда не замерзает и настолько широк и глубок, что был недоступен к форсированию.

Именно в этом уголке Украины произошел описанный красным командиром случай практической деятельности агентурной разведки повстанцев. Это не были профессионалы или штатные разведчики. Это были представители народа, которым свобода была дороже и ближе, чем даже диктатура пролетариата, которая ничего определенно хорошего для крестьян на ближайшее будущее не предусматривала.

И. Стрельбицкий описывал:

«...От осенней красоты Северной Таврии, ее необозримых широких степей не осталось и следа. Январь — сичень. Это название января полностью оправдало себя в 1921 году. То льет проливной дождь, то задует ледяной северный ветер, да такой силы, что валит человека с ног. Непогодь сечет и пронизывает людей в степи до костей. То в одном, то в другом районе появляется банда. Захватывает собранный по продразверстке хлеб, зверски расправляется с активистами и сочувствующими Советской власти. Атаман Махно рассылает директивы, в которых призывает рассчитаться с коммунистами еще до весны. Разнузданные, избалованные легкой наживой, кулацкие сынки и махновские бандиты устраивают все новые дебоши. Всю зиму не затихает их борьба с Советской властью, с Красной Армией...

Январь двадцать первого года прошел в непрерывных боях и походах...

Февраль на Украине не зря называют Лютнем. Его лютость мы почувствовали с первого дня. Еще с ночи поднялась метель, переходящая в вьюгу. Огромные массы снега под действием ураганного ветра перемещались на большие расстояния, накапливаясь в оврагах. Ветры, унося снег, оголили твердую, как камень, промерзшую черную землю. Февраль всегда труден для крестьянина Северной Таврии: на санях НС проедешь, а на повозках застрянешь.

В этот год зима не обещала людям ничего хорошего. Плодородные степи были оголены и обожжены двадцатипятиградусными морозами. Местные старожилы покачивали головами, говорили: “Быть беде! Такая же зима была двадцать лет назад, и тогда был недород и голод”. Их предсказания сбылись.

А бои продолжались. Всюду, куда мы ни приходили, можно было увидеть следы махновских зверств. Больше всего доставалось красноармейцам продотрядов. Местные кулаки, вооружаясь припрятанными обрезами, ручными гранатами, по нападали на обозы с пшеницей, зверски расправляясь с красноармейцами.

Махно стремился развернуть массовую войну против Советов. Теперь его отряд часто не превышал двух – трех тысяч бандитов, но зато был насыщен до предела пулеметами и почти всегда располагал одной-двумя батареями. В других губерниях тоже действовали такие же отряды, входившие в его подчинение. Значительно увеличались мелкие группы “ночных” бандитов. В длинные зимние ночи такой отряд из 30–50 разбойников нападал на железнодорожный полустанок. Бандиты поджигали вагоны с пшеницей и преследовали активистов Советской власти.

Наша разведка в те времена не успевала со всем справляться. Почти в каждом селе были комнезамовцы, комсомольцы в подполье. Но не всегда нам удавалось своевременно получить информацию. Многие сочувствующие нам боялись мести Махно или кулаков.

Как-то, после непрерывного преследования банды, наша бригада остановилась на отдых в одном селе...

Едва выпались и отдохнули интернационалисты, как местный учитель предложил устроить танцевальный вечер. Нам это предложение понравилось...

— И у нас есть силы! — похвастался учитель. — Одна Оксана поет так, что заслушаешься!

Задолго до начала в большой помещичий амбар, приспособленный под клуб, собралось очень много народу. Тут были и местные девчата и хлопцы. Пришли и наши бойцы.

Вначале концерт не клеился. Три керосиновые лампы дымили и плохо освещали подмостки. Трудно было далеко сидящим рассмотреть артистов. Но вот на сцену вышла местная красавица. Девушке было не больше двадцати. Украинская вышитая кофта, красная юбка, фартук, отороченный вышивкой, на голове красивый венок с множеством разноцветных лент. Оксана начала петь. Наступила тишина. Каждый боялся даже кашлянуть. У Оксаны был сильный низкий голос, хорошо поставленный. Под аккомпанемент гитары девушка спела три песни и ушла за сцену.

Поднялся страшный рев. Только изредка можно было расслышать выкрики: “Браво!”, “Оксана!” Я с удивлением смотрел на интернационалистов, которые давно не проявляли так бурно своего восторга. На “бис” Оксана исполнила несколько романсов и украинских песен.

Потом начались танцы, и, как водилось в те времена, продолжались они до утра. А за стенами клуба выла пурга, и каждый из нас понимал, что это веселье скоро кончится, и мы снова отправимся в поход.

Наш отдых продолжался три дня. За это время мы кое-что узнали об Оксане. Она была к тому же и отличной плясуньей. Лопухов успел все разузнать и рассказал нам: она дочь кулака, окончила гимназию в Александровске, а гитарист — ее родственник, прапорщик, ныне инвалид. На четвертый день концерт был сорван. В самый разгар пения раздался сигнал трубача...

Сбор затянулся. Была тихая лунная ночь. Я уже собирался сесть на коня, как вдруг примчался Крячко с разведчиками. Вместе с ними приехала охраняемая ими тачанка с закутанными в платки седоками. Крячко успел мне шепнуть:

— Шпионов захватили!..

По пути Крячко рассказывал мне.

— Еще за полчаса до сигнала “Тревога” в направлении нашего будущего движения были высланы разъезды по трем дорогам. Заметив уже после сигнала в поле скачущую пару коней с тачанкой, я выстрелил, чтобы остановить беглецов, но те еще быстрее погнали коней. На выстрел примчались разведчики другого нашего разъезда и перехватили “путников”. Да, ясно, кто-то торопился предупредить махновцев ближайшего села о выходе бригады в поход.

Войдя в освещенную комнату штаба, я был поражен. У стола сидела Оксана, а рядом — ее аккомпаниатор. На них были те же костюмы, в которых они совсем недавно выступали на сцене. На полу лежали их шубы и платки. Начальник штаба бригады Тарасов доказывал комиссару Андрееву, что это настоящие шпионы и что они торопились предупредить Махно о нашем выступлении в поход.

— Почему вы не остановились, когда вам кричали “Стой” и когда дали выстрел? — спросил комиссар.

— Потому что мы испугались, — медленно подбирая слова, отвечал гитарист.

— Я девушка, и с какой стати должна останавливаться по грубому окрику? Да еще ночью? — вызывающе вторила ему певица.

— Странно вы ведете себя! — сказал им комиссар. — Пусть это остается на вашей совести.

— Но, как говорят, не пойман — не вор...

Комнезамовцы и проводники вывели бригаду кратчайшим путем к большому селу Новопавловка (с. Партизаны Генического района Херсонской обл. — А. Б.). Махно, который расположился в этом селе, казалось, что здесь он будет в полной безопасности. Для нас же нападать на главные силы Махно было делом рискованным. Численностью махновцы намного превосходили нас, и, кроме того, у них было больше пулеметов. В артиллерии наши силы были равными...

Внезапно заговорила вражеская батарея. Ее снаряды стали разрываться среди наших интеркавбригадовцев...

Наши интернационалисты вскочили на коней и, поддержанные огнем батарей, пошли в атаку. Вдруг совершенно неожиданно на левом фланге показалось несколько махновских пулеметных тачанок. Они круто развернулись и открыли убийственный огонь по коннице. Наша атака захлебнулась. Махно опять повторил свой излюбленный прием; оставив пулеметные тачанки, вывел свои главные силы из боя. Тачанки, выполнив свою задачу, пытались уйти, но командир Кубанского резервного эскадрона ринулся на перерез и захватил их.

На одной из тачанок оказались наши знакомые девчата, их было трое. Среди них я увидел красавицу Оксану. На козлах лежал раненный гитарист.

Интернационалисты подходили поглядеть на задержанных девчат, которые так замечательно для них пели. Но еще больше мы удивились тому, с каким цинизмом, когда их судили ревтрибуналом, они, не выбирая выражений и не прося пощады, хвастали своими “победами” на “незримом фронте”. Мы, молодые, смотрели на этих девиц с изумлением, а они спокойно и хладнокровно рассказывали о зверствах, которые чинили над советскими командирами, о разбое, грабежах под руководством известной атаманши Маруси.

Приговор они встретили равнодушно, продолжая ругаться и сквернословить...»[1126].

Штарм повстанческой в это время на совершенно измотанных лошадях проходит на юг, в село Горелое (Азовское), что на берегу Азовского моря, между Лиманом Молочным и Утлюгским лиманом (см. карту). В ту же ночь он не в состоянии был выйти из мешка, который осталось только завязать. Повстанцы, трепеща, ожидали своей «судьбы», когда на рассвете 8-го марта штарм вывел их по песчаной стрелке, еле достигающей 10 саженей ширины и 22 верст длиной, между морем и лиманом Молочным. Все как-то было тихо и спокойно. Впереди виднелось село Степановка. Замирало в груди при мысли, а если оно занято красными? Вдруг над головой прожужжал аэроплан. Он сигнализировал. Но, не получив от нас ответа, начал метать бомбы, взрывающиеся то правее в море, то левее — в озере. На счастье в с. Степановке красных не было. «Армия» махновцев (200 человек на уставших лошадях при 9-ти пулеметах) спокойно подкормила лошадей, заменив совершенно негодных. Продвинувшись на Ново-Константиновку, там и заночевала.

9-го марта, на рассвете, севернее было замечено оживленное движение красных войск и автоброневиков, вязнувших в грязи. Со стороны Владимировки подходила кавбригада. Надо было прорываться. И вскоре красная кавбригада, преследуемая махновцами, по грязной

дороге, бежала на с. Владимировку, теряя пулеметы и обоз. Она была распылена. Продвигаясь к северу, ночью усталые махновцы подошли к с. Анновке, занятой бригадой 30-й дивизии. В результате боя, потеряв до 20 ранеными и убитыми, до 50 рассеявшимися, штаб вышел на Михайловку. Одновременно село занималось с запада махновцами, а с востока — красным пехполком. Была паника: махновцы ушли на Елисеевку, а пехполк — на ст. Нельговку.

Только что пройденный нами Мелитопольский уезд, как и почти все другие уезды Украины, представлял собой унылую картину. Об этом можно судить из сведений бюлетеня ЦК КП(б)У от 7 января 1921 г.:

«...Мелитопольский уезд больше других пострадал от военных действий. Так как война здесь обоими сторонами велась на тачанках, то результатом этого явилась почти полная гибель транспорта. Белыми войсками у крестьян ограблено до 60 процентов лошадей и повозок. В некоторых волостях взяты почти все имевшиеся лошади. Так, в Белозерской волости угнано около 2 000 лошадей и около 800 тачанок, в Васильевской вол. из 1 300 лошадей осталось около 50, в Графо-Кисилевской вол. — свыше 900 лошадей. Из оставшейся небольшой части перевозочных средств половину реквизируют махновцы, а остальное — красные. В некоторых волостях количество здоровых, годных лошадей исчисляется всего десятком — двумя. Кроме того, войсками, главным образом, белыми уничтожено много рогатого скота, птицы, свиней. Уничтожен не только рабочий и мясной, но и высокого качества племенной скот. Такое положение вещей ставит этот богатейший уезд в крайне печальное положение. О сельском хозяйстве, до принятия экстренных мер, не приходится говорить. Обработка земли весной почти не предполагается, подготовки к весенним работам также никакой не ведется. Поля могут остаться не засеянными. Не следует забывать, что Мелитопольский уезд — надежда обеих Советских республик, особенно в видах прокормления Донецкого бассейна.

На беспартийной рабоче-крестьянской конференции в г. Мелитополе из докладов с мест выяснилась крайне безотрадная картина состояния уезда. Конференция выяснила, что угнанные в Крым лошади от недостатка корма падают там в огромном количестве. В самом же уезде свирепствует чума, уничтожающая остатки скота. Конференция выделила особую многочисленную делегацию для возбуждения перед Южфронтом ходатайства о возвращении всех угнанных лошадей и присылке ветеринарной помощи. Делегация до настоящего времени путешествует по всем инстанциям...

В целом ряде волостей посевная площадь сократилась до 30 процентов, в других — урожай оказался слабым, до 20 пудов с десятины. Весь уезд в течение значительного времени кормил войска белых, махновские и красные. Белые, кроме того, вывозили много хлеба в Крым. Красноармейские части кормятся местными запасами и по настоящее время. В счет разверстки они берут местами по 2 пуда с десятины...»[1127].

На X-ом съезде РКП(б) (8–16 марта 1921 г.) в Отчете о политической деятельности ЦК РКП (б) Ленин говорил:

«...Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая, с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата. И это настроение сказалось на пролетариате очень широко. Оно сказалось на предприятиях Москвы, оно сказалось на предприятиях в целом ряде пунктов провинции. Эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые потому, что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а, кроме того, мы имеем еще такую вещь, как демобилизация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве...»[1128].

Как же так, что бойцы революционной Красной Армии дисциплинированные «высокой сознательностью», рубившие вчера направо и налево бандитов всех мастей, получившие за это благодарности, повышение в чинах, горы наград и прочее, демобилизовавшись и придя домой, «дали повстанческий элемент в невероятном количестве». Очевидно, принятие присяги, этого торжественного обещания хором, обязывало бойца к слепому подчинению, так как, во-первых, «неисполнение приказа является воинским преступлением, влекущим за собой уголовную санкцию, и, во-вторых, исполнение приказа является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, при наступлении преступного результата...»[1129].

Не отсюда ли высокая сознательность в авторитарном понятии. Тем не менее, сойдя с боевого коня и выйдя из подчинения начальника, демобилизованный встречался с теми обстоятельствами, которые добровольно приводили его к повстанцам, в банды.

Высшие партийные организации большевиков, реагируя на рост сопротивления, писали циркуляры по борьбе, обязывая подчиненные звенья ужесточить борьбу с повстанцами. Так, еще 24-го января 1921 г. для координирования мероприятиями по борьбе с бандитизмом на Украине при командующем всеми вооруженными силами Украины и Крыма М. Фрунзе было образовано постоянное совещание по борьбе с бандитизмом. Кроме разделения Украины на участки с закреплением за ними определенных воинских соединений, в постановлении СНК УССР и командующего всеми вооруженными силами Украины от 28 декабря 1920 г. говорилось:

«...3. Для достижения полной согласованности всех военных органов и гражданской власти при начальниках губернских участков создаются постоянные совещания, в состав коих помимо начальника участка входят: предгубисполкома, предгубчека, предпродкомгуб и губвоенком... Аналогичные совещания создаются и при начальниках уездных участков тыла.

4. Постановления, выработанные губернским совещанием, обязательны для всех органов власти в губернии.

5. Постоянные совещания обязаны собираться не реже одного раза в неделю, имея целью: а) взаимное осведомление по делам внутреннего фронта; б) оказание полного содействия по борьбе с бандитизмом и контрреволюционными выступлениями, с отдачей в этом направлении распоряжений подчиненным им ведомствам; в) представление за истекший период исчерпывающих докладов по вопросу о бандитских выступлениях, мероприятиях,

принимаемых соответствующими учреждениями по борьбе с последними, о политической советской работе, развиваемой как советскими, так и партийными организациями, о ходе продовольственных работ в связи с развитием бандитизма и контрреволюционных выступлений и об исполнении соответствующими органами заданий, поставленных на предыдущих совещаниях.

6. Губернские совещания несут полную ответственность за согласованность организационно-политической работы с проводимыми военными операциями; следят за тем, чтобы при всех выделяемых отрядах находились соответствующие уполномоченные партийных организаций и власти, дабы одновременно с уничтожением живой силы бандитизма устанавливался твердый революционный порядок».

Руководство постоянными совещаниями по борьбе с бандитизмом осуществляли ЦК КП(б)У, СНК УССР и Вуцик по указаниям из Москвы. По докладу помощника командующего вооруженными силами Украины Р. Эйдемана СНК УССР 3 января 1921 г. принял следующее постановление:

«Отмечая факт ослабления бандитизма в настоящее время, но не усматривая в этом близкой ликвидации бандитизма вообще, считаю основной задачей государственной Советской власти и политических организаций активную всестороннюю борьбу с бандитизмом УССР и привлечь к этой работе все советские и политические органы на местах. Поручить политсовещанию при командующем вооруженными силами УССР разработать план конкретных мероприятий по борьбе с бандитизмом во всеукраинском масштабе, принимая во внимание внесенные предложения народных комиссаров и уже разработанный в совещании проект циркуляра всем наркомам и предгубисполкомам. К участию в разработке вопроса привлечь представителей комнезаможей при ЦИК»[1130].

Величайшее заблуждение большевиков состояло в уверенности, что коммунизм можно строить только путем жестокостей, принуждением и истреблением политических противников. И еще большее заблуждение — попытка насилием создать жесткие идеологические конструкции и догмы, подчинив им жизнь людей.

Еще К. Маркс говорил: «Идея» всегда посрамляла себя, как только она отделялась от «Интереса».

А какой был интерес?

В это время большевиками проводилась политика разрушения общественного уклада жизни. Разрушения не только экономического, политического, но морального. Втапывалась в грязь нравственность, насилывалась биологическая природа человека.

Все это исходило из абсолютно неверной предпосылки, что идеологические пожелания должны обеспечиваться силой. Но ведь право силы отрицает правовое общество, и для сравнения можно подчеркнуть разницу полномочий чрезвычайных и жандармских управлений. Последние не имели права расстреливать без суда — ЧК же имели это право и пользовались им с ужасающей простотой и легкостью.

Вот один из примеров.

Красные войска заняли с. Новоспасовку (18 верст севернее г. Бердянска). Взяли заложников, в основном, несовершеннолетних подростков. Потребовали сдачу оружия и выдачи махновцев. В итоге всех заложников расстреляли. Там же была и семья Мартына Фоменко.

Ставшая впоследствии баптисткой, жена повстанца Фоменко так рассказала эту историю:

«Зимой под Рождество Христово Новоспасовку заняли красные, которые стали ходить по хатам в поисках оружия и повстанцев. Зайдя в хату к нам, они потребовали указать место, где скрывается Мартын. Отец объяснил им, что о Мартыне они уже давно ничего не слышали и не знают, жив ли он. Отца и мать стали избивать, требуя признания. Но они ничего сказать не могли, так как, действительно, ничего не знали. Тогда старший приказал: “Расстрелять обоих!” Их вытолкали из хаты и у порога убили. Вернувшись в хату, они стали требовать признаний и от меня. Но я ничего сказать не могла, да и оцепенела от ужаса. На меня кричали, угрожали. В конце концов командир закричал: “Расстрелять и этих, никого даже на семена не оставим!!”

Все это время я была полураздетая и держала на руках грудную дочь. Ко мне подошел какой-то невзрачный командир с монголоидным лицом, вынул наган, наставил на меня и проговорил: “На них еще два патрона тратить?” И выстрелил...

Очнувшись я от холода, в луже застывшей крови. Дверь во двор была открыта. Окоченевшая дочка лежала рядом. Ночь эта была морозная и лунная, тишина звенящая, только изредка слышался лай собак.

Встать на ноги я не смогла, поползла к соседям, которые в конце концов пустили в теплую хату, обмыли, обогрели.

Моя девочка была убита. Пуля прошла ее насквозь и остановилась у меня под сердцем. Так вот и живу с пулей в груди, одна, сиротой.

Когда меня уже бог заберет к ним?!»[1131].

Дорого стоила повстанцам борьба за лозунги, провозглашенные Октябрем, много жертв требовала беспощадность «военного коммунизма».

А вот, для сравнения, как вел себя ненавистный народу царский режим.

13-го июля 1877 г. по приказу петербургского градоначальника Трепова был наказан розгами политический заключенный Боголюбов. Через полгода, 24 января 1878 г. Вера Засулич выстрелом из револьвера тяжело ранила Трепова, объяснив следствию, что мстила за поругание человеческого достоинства. 31 марта 1878 г. суд оправдал Веру Засулич, публика в зале суда стоя аплодировала этому решению[1132].

Очевидно тысячу раз права народная мудрость, которая гласит: «Какие средства достижения цели — такова и цель». И как бы там не называлась диктатура, по сути своей

диктаторский способ управления есть способ наибольшего подавления личности, есть шаг назад в развитии гражданского самосознания. Да и в самом деле, как жить свободным в жестких рамках предписанной «инициативы трудящихся».

Семь лет страна вела войну. В результате резко упало промышленное производство, особой силы достигла разруха на транспорте, миллионы погибли в боях, только сыпной тиф 1919–1920 г. унес свыше 600 тысяч жизней. Жесткий кризис испытывало сельское хозяйство. Если до войны собирали около 4 млрд. пудов главных зерновых культур, то в 1920 г. было собрано немногим более 2 млрд. пудов. Общая продукция сельского хозяйства упала до половины довоенного уровня царской России. Экономические трудности лежали в основе трудностей политических. Налицо был серьезный политический кризис.

Катастрофическое положение народного хозяйства, недовольство крестьянства продразверсткой и вообще всей системой политики военного коммунизма требовали принятия экстренных и кардинальных мер.

Вся страна покрылась отрядами протестующих. Довольно серьезным из них был так называемый «кронштадтский мятеж», начавшийся 28 февраля в Петрограде забастовкой рабочих на некоторых предприятиях и закончившийся переворотом на флоте и в городе-крепости Кронштадт.

В это время радиостанция махновцев передала поздравления и приветствия революционному Кронштадту, где говорилось: «Приближается час соединения свободных казаков с кронштадтскими героями в борьбе против ненавистного правительства тиранов». Примерно такой же текст послания в адрес махновцев передала в эфир радиостанция Кронштадта.

В условиях политического и хозяйственного кризиса в стране обострилась и внутривластная борьба в РКП(б). Создавалась вероятность раскола партии.

«Осенью 1920 года и весной 1921 года бандитизм и крестьянские восстания возникают, развиваются и принимают угрожающие размеры на территории РСФСР, на Украине (возникшие еще ранее), в Тамбовской губ., в Белоруссии, Сибири, Туркестане, Заволжье и Северном Кавказе. Весной же этого года мы переживаем “Кронштадт”...

Надо признать, что все повинности, налагаемые государством на крестьянство, были действительно тяжелыми. В особенности тяжелой явилась продразверстка в 1920 г., в связи с недородом для подорванного крестьянского хозяйства.

Основные тенденции развития аграрных отношений привели к прекращению классовых антагонизмов в деревне, к формированию по существу класса мелкой буржуазии, роль и значение которого в производстве усиливалось по мере освобождения сельского хозяйства от зависимости промышленности.

Нарастание мелкобуржуазных тенденций крестьянства шло параллельно или, вернее, обслуживалось процессом социальной и экономической нивелировки и натурализации сельского хозяйства.

Диктатура пролетариата прежде всего выражалась в своей собственной “самоорганизации и организации” крестьянства.

Пролетариат не мог не применять насилия по отношению к крестьянству и его анархическому, индивидуалистическому, мелкобуржуазному хозяйству.

Крестьянство мирится с этой диктатурой пролетариата не во имя грядущего коммунизма, в это оно не верило, а во имя борьбы за землю.

Военный союз пролетариата и крестьянства вышел победителем в борьбе с помещиками и капиталистами к концу 1920 г. Затем крестьянство почувствовало себя в безопасности, успокоилось за свою землю, и союз рабочих и крестьян затрещал по всем швам. Для крестьянства чужды были идеалы коммунизма, для него еще созрели предпосылки экономические, чтобы пойти по дальнейшему пути с рабочим классом...

Равновесие между классами, установленное войной, нарушалось, экономические противоречия периода “военного коммунизма” должны были сказаться и сказались с неотразимой силой. Союз не только дал трещину, но и распадался.

Распад происходил болезненно, с социальными потрясениями, в виде ряда крестьянских восстаний и бандитизма, прокатившихся волною осенью 1920 г. и весной 1921 г...

Этот напор мелкобуржуазной стихии грозил порвать железное кольцо пролетарской диктатуры, грозил неисчислимыми опасностями всем завоеваниям Октябрьской революции. Под ногами пролетариата чувствовалось колебание почвы от сотрясения враждебных сил.

Вырастал призрак новой гражданской войны, войны двух бывших союзников — пролетариата и крестьянства.

Бандитизм, крестьянские восстания и борьба с ними есть ни что иное, как новая форма выражения борьбы классов, новая форма гражданской войны между бывшими союзниками»[1133].

Все эти обстоятельства вместе взятые принуждали руководящие органы партии и правительства к отступлению от политики военного коммунизма.

В. И. Ленин заявлял: «...крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно... оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет»[1134].

Не удовлетворив экономические и политические потребности среднего крестьянства, нельзя было сохранить диктатуру компартии.

Выход был найден в том, что вскоре вышел закон о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике (нэп), продразверстка была заменена продналогом, который в 1921 г. составлял 339% довоенного налога[1135], отменен также декрет о поголовной национализации мелкой и кустарной промышленности.

Но вернемся к повстанцам.

В Бердянском районе крестьяне открыто выражали недовольство Советским режимом. Особые нарекания были на продразверстку и постой красноармейцев, которые и лишали махновщину резервной и продовольственной базы. Такие села как: Софиевка, Новоспасовка, Николаевка, Андреевка, Белоцерковка, Гайчул и Федоровка пополнили ряды армии повстанцев, доходившей к тому времени до 600 бойцов при 20 пулеметах.

В с. Федоровке был захвачен эскадрон 9-й дивизии. Пленные передали, что Гуляйполе охраняется одним кавполком, в котором сильно недовольство красноармейцев на своих командиров. Штаб решил занять «Махноград» — Гуляйполе. 13-го марта махновцы ворвались в село, сняв заставы. Но, будучи охвачены 3-м корпусом, стоящим в полной боевой готовности тут же в селе, побежали на восток, теряя бойцов и пулеметы. На протяжении 75 верст 3-й корпус шел по пятам, охватывая обоз, пулеметы, раненых. Только вечером, пройдя Туркеновку, в с. Большой Михайловке штаб укрылся за рекой Волчьей, закрыв проход пулеметами через единственный мост.

14-го, на рассвете, оставив Большую Михайловку, повстанцы заняли с. Комарь. Сюда не замедлил подойти и 3-й корпус. Махновцы вступили в бой, но в результате бежали на Константинополь и Максимильяновку. Будучи тяжело ранен в ногу 28-го августа 1920 г., Махно только сейчас кое-как оправился. Во время боя он сел в седло и выехал на позицию. Его вновь ранили. Подхваченный охраной на тачанку, он ушел с передовой, бой был проигран. Этим закончился второй Таврической рейд в 950 верст.

Зная хорошо тактику красного командования по отношению махновского руководства — заморить преследованием, штаб делит армию на три группы и один отряд, чтобы распылиться и замаскировать присутствие штаба и раненого Махно.

На основании выше изложенного штаб Повстанческой издает следующий приказ:

«В данное время при известных боевых операциях Красной Армии наша Революционная Повстанческая Армия Украины (Махновцев) для сохранения живой силы, кроме отдельных самостоятельных командиров тт. Кожина, Лысенко и Забудько, не считая групп, которые находились в Революционной Повстанческой Армии Махно при штабе армии, распускается. Общая задача боевых групп: 1) разрушать тыл Красной Армии и ее институты насилия и произвола; 2) разрушать линии же л. дор. во время летнего сезона; 3) разоружать красные части, причем хорошее оружие в удобных местах должно быть сохранено; 4) стараться увеличить число бойцов в группах и их боеспособность; 5) ни в коем случае не допускать в отряды лиц, способствующих бандитизму, которые подрывают авторитет махновцев; 6) стараться сохранить сильные группы до известного времени; 7) каждый командир ответственен за вверенную ему группу.

Командир — батя Махно. Начальник штаба Белаш»[1136].

Отношение повстанцев к штабу и командирам особенно резко выявилось сейчас. Им дано было на выбор переходить в любую группу. При группе Петренка должен был оставаться штаб и Совет. Остальные, как-то: группа Забудьки с начштабгруппы Щусем идет в

Дибривский район; группа Гонжи, пройдя в Юзовский район и соединившись с отрядом Маскалевского, выходят в распоряжение конгруппы Ф. Кожина и Тарановского, отбившихся в последних боях на Таврии и обязанных прибыть в этот район; отряд В. Лысенко[1137] движется к Гуляйполю. После раздела оказалось, что к Забудько пошло 200 человек, к Гонже — 300, к Лысенко — 50 и к Петренко — 100 человек. Таким образом, оставаясь при группе Петренка, шторм был окружен снова кучерами и писарями; самоотверженных бойцов было мало.

15-го марта группы разошлись. 16-го, находясь при группе Петренка, Совет и шторм остановились в с. Павловском. Чувствовалась невероятная усталость. Вдруг, на рассвете, налетела 9-я кавдивизия... И мы убегали, да так, как никогда. Не задерживаясь в селениях: через Каракубу, Святотроицкое, Богатовку, Белоцерковку пробежали 120 верст, к вечеру достигнув с. Стародубовки. Но, так как и здесь была кавалерия красных, то она отбросила группу к Мангушу. Лошади изменяли своим седокам, которые спасались, как умели. С трудом одолели в этот день еще 50 верст, и в 10 часов ночи заняли Деревецкие хутора, что в 7 верстах северо-восточнее Урзуфа, в надежде заменить лошадей. Но тщетно, их не было!

И шторм решил проникнуть в Новоспасовку с той же целью. К 10 часам 17-го марта он подходил уже к селу, как вдруг, навстречу вылетает конница. В рядах пронеслось: «Это свои... группа Куриленко!» Но какое было разочарование, когда по нам открыли огонь. На измороженных лошадях мы бежали на Стародубовку. Но против села Николаевки красные настигли: их было до 700 сабель, а нас до 70 человек. В пулеметных тачанках лошади совершенно пали. Пять люйсистов[1138], под командой Михаила из с. Черниговки, выпуская последние патроны, умирают под сабельными ударами, несколько задержав преследование. Наше положение было безнадежно. Махно сел на поданную лошадь и скакал впереди. Оставаясь на бидарке — рессорная телега на двух высоких колесах — я был уже первым с конца. В пяти саженях от меня шла рубка. На счастье, в ногах лежала армейская касса. Захватывая кипы денег (бумажки, золото, серебро), я бросал в кавалеристов. Это их соблазнило. Один за другим они стали отставать, слезая с коней, собирать монету. Пользуясь этим, мы уходили дальше.

Так мы откупились и, понутив головы, шли напрямик полем. А под вечер, заменив лошадей в селе Темрюке и обезоружив роту красноармейцев, двигались в укромное место, то есть в подполье. Избегая крупных селений и останавливаясь на отдых в укромных хуторах, вскоре мы замели след и остановились в немецкой колонии № 2, что неподалеку от села Заливное Александровского уезда.

С 20-го марта по 25-е апреля 1921 г. Махно с членами штаба и Совета общим количеством до 30 человек при 4-х пулеметах пребывали в подполье, не проявляя живого признака. Красное командование потеряло их след, что дало возможность подлечиться, оправиться, проанализировать себя и ту идею, за которую так самоотверженно вели борьбу. Это привело к созданию новой «декларации махновцев», написанной лично Махно. В ней говорилось о «революционном Украинском комитете», с присвоением ему правительственных функций. В развитии идеи Советского строя вырастала новая идея — «Советы под руководством инициативных анархических групп и диктатуры труда». Автор не уяснял несовместимости участия анархистов в политических организациях. Противоречия идей безвластия и свободы

личности он прочно связывал с диктатурой труда в форме Советской власти, но под руководством анархистов. Докатываясь к государственности и сохраняя в руках анархических организаций руководство над массой через профсоюзы, он оправдывал это как переходный к социализму этап. На месте частной собственности ярко вырасталась групповая и общинная с федеративным уклоном. В общем, Махно окончательно кастрировал содержание первой декларации, выпущенной в период «Вольных Городов», то есть второго-полугодия 1919 г. «Новая» декларация утверждала переходный период к социализму посредством диктатуры труда и Вольных Советов, родственных с Советской властью, как политической организацией.

Он самодовольно читал свой проект. И каково же было разочарование, когда Совет и штаб набросились на него, обзывая «бонапартом», банкротом и капитулянтом. Проект декларации целиком был отвергнут. Махно после этого уединился, сочиняя частушки и стихотворения. В забаву мы называли его Пушкиным. Так проходило наше спокойное подполье. Обыкновенно, немцы-колонисты, ранее бывшие непримиримые наши враги, ныне смирились. Во всех колониях, в которых мы останавливались, они сами делали разведку, стояли в заставах, предупреждая нас о всяком движении красных войск. Они тщательно, видимо, из симпатии, а может быть, из-за боязни, скрывали место нашего пребывания от красных: мы были вне опасности.

27-го марта 1921 г. сессия ВУЦИК приняла постановление о замене продразверстки продналогом и опубликовала его в печати. Крестьяне к этому отнеслись с недоверием, а повстанцы прямо заявили, что данный курс Советской власти — «очередное закабаление» крестьян, а НЭП есть уловка коммунистов, имеющая целью обмануть селянство, что величина продналога будет не меньше продразверстки, что «коммунисты хотят лишь выиграть момент и погасить возмущение, обобранных ими с ног до головы, селян»[1139].

Для недоверия к закону о нэпе крестьяне имели основание, так как продразверстка была официально отменена еще в 1918 г. и В. И. Ленин говорил об этом на X съезде РКП(б): «Вопрос о налоге и разверстке в законодательстве у нас поставлен давно, еще с конца 1918 года. Закон о налоге датирован 30 октября 1918 года. Он был принят — этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, — но в жизнь он не вошел. За его объявлением последовало в течение нескольких месяцев несколько инструкций, и он остался у нас неприменимым...»[1140].

В докладе начштаба РККА от 29-го марта 1921 г. отмечались огромные трудности борьбы с бандами в условиях, когда «приходится действовать среди самой толщи врагов, рискуя каждый день и час получить удар не только с фланга, но и с тыла. Многочисленные сторонники повстанцев-бандитов проникают незаметно во все поры военного организма, разведывая, ведя незаметную агитацию и нанося вред совершенно неожиданно там, где меньше всего было бы ожидать»[1141].

В сводке Донецкой губчека и милиции за апрель 1921 г. о Гришинском уезде сообщалось:

«Бандитизм в уезде вдохновляется Махно, отряды которого пополняются не только из крестьян, но и рабочими»[1142].

Да ведь у рабочего тоже не было повода для восторгов, так как в 1920 г. денежное содержание в зарплате рабочего составляло всего 7% от уровня 1917 г., а сама зарплата даже в 1922 г. достигала лишь 30% средней зарплаты рабочего в 1913 году»[1143].

Тем временем, красное командование, потеряв наш след, набросилось в Бердянском и Мариупольском уездах на Куриленко, а в Юзовском — на Москалевского и Кожина, прибывшего из Таврии. В результате боев эти группы объединились между собой и, образовав ядро из 600 сабель при 100 тачанках[1144], при пулеметах, под командованием Ф. Щуся, Ф. Кожина и В. Куриленко по указанию штарма РПУ (махновцев) вышли в рейд на Черниговщину. 18-го апреля группа заняла г. Константиноград и через Полтавщину достигла пределов Черниговщины. 28-го апреля, разгромив Нежинский отряд красных, повстанцы заняли с. Дорогинку (22 верст, юго-восточней г. Нежина). 30 апреля у ст. Заворичи повстанцы капитулировали поезд с русско-украинско-польской комиссией, проводившей демаркацию советско-польской границы. В нее входили видные советские и партийные работники, а польскую делегацию возглавлял, якобы, князь Львов. Комиссия была наполовину расстреляна, а имущество обращено в собственность группы. 1-го мая щусевцы атаковали местечко Носовку (22 версты юго-западнее г. Нежин).

В Таврической губернии действовал Глазунов, собравший вокруг себя местные повстанческие силы. К концу апреля он насчитывал в отряде до 1 000 штыков и сабель. Но, имея перед собой сильные части Красной Армии, вскоре его отряд растаял, а часть спешила к нам в подполье.

Примерно, к этому времени в Изюмском уезде действовал Общий со своим Крымским кавполком, оторвавшимся от армии в с. Корочи и пехотный отряд Савонова. Возле Славянска оперировали отряды: Сыроватского (Серобабы) и Колесниченка. К 20-у апреля все эти отряды и полки в своих рядах имели до 2 000 штыков и сабель при соответствующем количестве пулеметов. В Старобельском уезде действовала группа (до 1 000 сабель и штыков) Каменева, в Миллеровском районе казачий отряд (до 500 сабель) Фомина, в Богучарском уезде отряд (300 сабель) Пархоменко. На Ставропольщине действовала «Кавказская повстанческая армия (махновцев)» Маслакова, достигшая к концу апреля до 5 000 сабель и штыков. На Херсонщине действовал отряд (до 200 штыков) Павловского, который безвести пропал, а его место заняли помощники Свищ[1145] и Черный Ворон[1146]. На Полтавщине оперировал отряд Иванюка, общей численностью до 500 штыков и сабель. В Гришинском районе формировался Забудько и Каленик, а в Павлоградском уезде «семерка» — общей численностью до 700 штыков и сабель. Значительными силами располагали распыленные по Украине, Дону и Северному Кавказу такие отряды махновцев, как Каменюка, Матвиенко, Терехова, Иванова, Саенка, Бровы, Маруси Петраша, Блохи, Зайцева, Буданова, Пархоменка, Маскалевского, Колисниченка, Павловского, Громова, Милющенка, Жигуна. Данченка, Бабицкого, Лонцова-Кочубея и другие, а также множество мелких отрядов. Эти рассеянные отряды (полки, батальоны, роты и т. д.), не рейдировавшие с основным ядром армии, а находившиеся в базовых районах, являлись для нас базами пополнения и идеологической борьбы.

Таким образом, к концу апреля махновское движение представляло военную силу, примерно в 15 000 штыков и сабель. Пользуясь, до некоторой степени, сохранившимся аппаратом контрразведки Оперативного Отдела, Совет задавал тон распыленным единицам: он из подполья руководил операциями. Военные действия не прекращались ни на один день. Отлично зная, что весна приносит расцвет повстанческих сил, Совет отсиживался, выжидал момент. И он настал. Одухотворенный весной, Кронштадтским мятежом, антоновщиной, активным действием петлюровских формирований, всеобщим недовольством и брожением, а отчасти ростом своих сил, Совет (махновцев) решил объединить некоторые части. С этой целью он дает распоряжение, заключавшееся, примерно, в следующем: группы Щуся, Куриленко и Кожина к 25-му мая с Черниговщины должны прибыть в Кобеляцкий уезд для соединения со штармом. Кавполк Общего, группа Забудько и отряд Глазунова к 10-му мая прибывают в район с. Заливное, где также поступают в непосредственное подчинение штарма. Колеснику было предписано сдать свой отряд Сыроватскому и отправиться на Кавказ в распоряжение штарма «Кавказской» — Маслакова, что и было немедленно исполнено. Пархоменку было дано задание — войти в военный союз с Антоновым, развивая операции в Воронежской губернии. Итак, Совет (махновцев) собирает военный кулак для последних боев во имя анархии.

Но не дремало и красное командование. Утерев след Совета (махновцев), оно принялось за отряды и имело в этом успех. Так, Общий по дороге с Изюмщины, в районе Барвенково, сложил свою голову в атаке, а полк чуть ни целиком был уничтожен. Его помощник Иван Херсонский[1147] 13-го мая привел к штарму в деревню Кригеровку всего лишь 50 сабель и 10 пулеметов. Савонов также был разбит и с незначительным отрядом скрылся в Теплинский лес. Глазунов, проходя с. Тимашовку (Мелитопольского уезд.), был окружен и еле вырвался с 30-ю конными и 5-ю пулеметами. Он соединился со штармом числа 10-го мая в с. Заливное.

Невзирая на неудачу отрядов, штаर्म не падал духом. Он был уверен, что лето принесет ему новые повстанческие силы. Объединив отряды Херсонского и Глазунова в одну группу (150 чел., 20 пулеметов), открыл действия. Но вскоре он был обнаружен красным командованием, которое не замедлило бросить полк красных гусар. В районе с. Заливное был первый бой, в результате которого две сотни гусар на белых лошадях были капитулированы, а остальные бежали на Александровск. Чтобы пополниться новыми бойцами, штаर्म решил прорейдировать в Бердянский, Мелитопольский и Мариупольский уезды. Он спускается через Орехово, Вербовую и Черниговку в Новоспасовку, где подбирает одиночек.

Вдовиченко, будучи ранен, скрывался на хуторах с А. Матросенком, здесь был застигнут красным карательным отрядом Зверева. В результате чего Матросенко застрелился, а Вдовиченко, тяжело раненый в голову, был взят в Александровскую Чека. Галина с Феней также скрывались вблизи Новоспасовки. Нашему появлению они были рады и не согласились больше оставаться в подполье.

Штаर्म обрастал новыми силами и вскоре имел до 600 сабель и 50 пулеметов, разгромив кавбригаду в немецких колониях вблизи ст. Попово. Все его старания вырвать из тюрьмы Вдовиченка ни к чему не приводили: Александровск был не доступен. И штаर्म повернул на

север. Встречая значительное сопротивление красных частей, он продвигается через Камышевку и Варваровку под г. Екатеринослав. В селе Петровском обезоруживает дивизион 1-й Конармии, а в с. Елизаветовке — батарею. Достигнув с. Александровки, он присоединяет группу Забудьки, имея в своих рядах до 700 сабель, 65 пулеметов и 4-ре орудия.

В ночь на 18-е мая он проходит желдорогу у ст. Письменная и останавливается на дневку в 7-ми верстах южнее, в с. Григорьевке (Стременое). В это время штаб 1-й Конармии, во главе с Буденным, из г. Екатеринослава поездами двигались на Кавказ. Выгрузившись с эшелонов на ст. Ульяновке, т. Буденный к 12 часам дня подошел к месту расположения махновцев, пустив впереди трех полков (до 1 200 сабель), авточасть № 21 — свыше 12-ти автоброневиков. Произошел жаркий бой, в результате которого кавполки т. Буденного были окончательно разбиты. Два броневика и одна легковая машина, на которой ехал командарм, успевший выскочить из нее, махновцами были капитулированы. Легковая машина была сожжена, а автоброневики испорчены. Все же огнем автоброневиков и метанием с аэроплана бомб махновцы были принуждены оставить село и отступить на Новониколаевку, где был капитулирован пехполк и автоброневик. Но подоспевшие кавчасти 1-й Конармии принудили махновцев оставить трофеи и уйти в восточном направлении.

Объявленная 5-м Всеукраинским съездом Советов и продленная до 15-го мая амнистия исчерпала сроки и как и повсеместно, губчека Запорожья и Особый отдел 3-го Конкорпуса писали в воззвании к запорожцам: «Настало 15 мая. Пробил тот грозный час, когда возмущенный пролетариат решил поднять свою карающую руку над теми, кто, несмотря ни на что, продолжает пить кровь рабочих и крестьян. Милость и терпение рабочего класса не знали пределов... горе и гибель тем отбросам человечества, тем насильникам бандитам, которые надсмелялись над призывным кличем рабоче-крестьянской власти — час их пробил. Беспощадное уничтожение будет их уделом... Советская власть обращается к Вам, своим сынам, своей опоре и поддержке к пролетариям и комнезаможникам... Напрягите все ваши силы, сплотитесь вокруг красного знамени, мощным соединенным усилием сбросьте оплот белогвардейщины, последнюю надежду кулаков, помещиков и генералов. Помогите раздавить бандитизм...

Смерть и уничтожение бандитам!...»[1148].

А на следующий день — 16 мая 1921г. Председатель ВУЦИК Петровский и Председатель СНК Раковский обратились к запорожцам с не менее примечательным воззванием, как бы проверяя амнистию на прочность:

«Товарищи селяне. Еще 3 месяца отделяют нас от нового урожая, когда хлебная разверстка будет заменена продовольственным налогом. Но эти три месяца являются самыми тяжелыми для рабочих и для Красной Армии... Ц.И.К. и С.Н.К. Украины обращается ко всем губерниям, не выполнившим разверстку и в частности к Запорожской — бывшей Александровской, чтобы они исполнили свой долг. По разверстке Ваша губерния должна была дать 30 000 000 пуд. хлеба. Она дала 4 000 000 пуд. В свое время разверстка была уменьшена на 11 000 000 пуд. Не считая того, что выполнено, остается собрать еще 15 000 000 пуд. Всем производственным органам, профессиональным и партийным организациям предлагается напрячь все силы. Волисполкомам и комнезамам надлежит объяснить всем

крестьянам необходимость выполнения уменьшенной разверстки. Волисполкомы и комнезаможи должны следить за тем также, чтобы зерно было немедленно повезено к ссыпным пунктам. Все на работу.

Все на выполнение продовольственной разверстки.

Да здравствует селянство Запорожской губернии. Да здравствует Рабоче-Крестьянская власть»[1149].

В Москве тоже не дремали, В. И. Ленин 18-го мая 1921 г. писал:

«Тов. Фрунзе. Копии тт. Петровскому и Раковскому и ЦК КПУ 18/V-1921 г.

Тов. Бухарин говорит, что урожай на юге превосходный.

Теперь главный вопрос всей Советской власти, вопрос жизни и смерти для нас, — собрать с Украины 200–300 миллионов пудов.

Для этого главное — соль. Все забрать, обставить тройным кордоном войск все места добычи, ни фунта не пропускать, не давать раскрасть.

Это вопрос жизни и смерти...»[1150].

О «добровольной» сдаче «излишков» в разрушенной и ограбленной Украине в 1921 г. можно сделать вывод из сказанного на 9-ом съезде Советов.

«Еще в начале 1921 года вся Украина была покрыта целыми сотнями различных мелких и крупных банд, из которых некоторые, как, например, банда Махно, достигали многих тысяч человек. То же было и в Тамбовской губернии, и в Заволжском округе, и в Сибири...

Когда подошла продовольственная компания, Красная Армия приняла в ней самое деятельное участие. Она выделила специальные продовольственные отряды, продмилицию; она провела широкую агитационную работу среди крестьян, охраняла ссыпные пункты, уничтожала последние остатки бандитских шаек и оказывала всякое содействие проведению продовольственной компании. Многие Губкомы удостоверяют, что только при помощи Красной Армии удалось вообще приступить к сбору продналога...»[1151].

А 19-го мая 1921 г. в телеграмме, адресованной всем Губчека и особотделам ВУЧКа об усилении работы по ликвидации бандитизма, требовалось:

«Ввиду истечения срока амнистии 15 мая, приказываю напярчь все силы для истребления бандитов, не желающих считаться с волей Советской власти. К добровольно сдавшимся после 15 мая бандитам губсовещанию предоставляется право принять меры, какие диктуются местными условиями. Председатель ВУЧК Манцев...»[1152].

К этому времени 21-го мая Фрунзе приказывал из Харькова:

«Несмотря на благоприятную для нас обстановку, при которой банда Махно попала в район сосредоточения 3-го Конкорпуса, а банда Щуся — в район частей Заволжской бригады и 1 истотряда т. Жугина — такова обстановка командованием ХВО не была своевременно использована, и бандитам удалось почти безнаказанно уйти из-под удара наших частей, причем бандой Махно на станции Стульнево сожжен эшелон с аэропланами и другим грузом, который несмотря на ряд указаний об охране маршрутов был направлен без таковой.

Отмечая концентрацию частей 3-го Конкорпуса, приходится удивляться, коим образом командование ХВО допустило вторжение банды Махно в пределы Запорожской губернии, чем была нарушена продработка, безусловно, зная о важности значения продработки в этой губернии.

Неиспользование 1 истотряда т. Жугина, простаивавшего без всякой задачи в районе Петропавловска, в то время, когда героическая часть 3-го Заволжского стрелкового полка ведет упорный бой с превосходящими силами противника, является для меня непонятным.

Все вышеизложенное указывает на отсутствие должного руководства и упорной настойчивости ведения операций против двух крупных банд, оперирующих в районах округа.

Обращая на это внимание командования ХВО приказываю: 1. Точно установить, где находится банда Щуся. 2. Немедленно направить отряд т. Жугина для восстановления соприкосновения бандой Щуся. 3. Поставить задачей № 1 истотряду тов. Жугина, не останавливаясь ни перед какими мерами и не считаться ни с какими препятствиями, уничтожить банду Щуся. 4. В целях скорейшего достижения соприкосновения № 1 истотряда т. Жугина с бандой Щуся, переброску отряда разрешаю произвести по жел. дороге донеся мне немедленно для отдачи соответствующих распоряжений. 5. Принять все меры недопущению банды Щуся в пределы Полтавской губернии, являющейся наиболее важной вследствие производящейся в таковой губернии продработки. 6. Реввоенсовету ХВО лично проследить за расследованием, производившимся по поводу гибели аэропланов на станции Стульнево...»[1153].

И так красное командование снова бросило в район, где находился шторм махновцев, крупные силы.

29-го мая был реорганизован штаб Революционной Повстанческой Армии (махновцев) и принято решение о рейде на Полтавщину.

Через Б. Михайловку, ст. Демурино, с. Николаевку, где был присоединен отряд Каменюка (200 человек), Павлоградский и Новомосковский уезды, шторм скакал на Полтавщину, опрокидывая со своего пути незначительные красные военные заслоны. В селе Перещепино (Конградского уезда) произошло слияние с Куриленком и Кожиным.

Общее количество бойцов, управляемых штормом, не превышало 2 000 сабель и 3 000 штыков, около 300-от пулеметов и 12-ти орудий.

Пройдя Сахновщину, повстанцы 31-го мая заняли местечко Мачехи (8 верст юго-западнее г. Полтавы) и с. Решетиловку.

Появление такого военного соединения в районе Полтавских сахарных заводов, среди населения недовольного политикой, проводимой Советской властью, ставило коммунистов в затруднительное положение.

В это же время СНК УССР выделил 25 млн. рублей на содержание отрядов, ведущих борьбу с повстанчеством[1154]. И на махновцев были брошены крупные полевые части, в том числе 8-я дивизия червонных казаков с группировкой бронепоездов на желдорогах.

2-го июня группа повстанцев совершила налет на г. Зеньков, а главные силы заняли г. Тишаки (30 вер. восточнее г. Миргорода). В информационной сводке Полтавского губисполкома от 7-го июля 1921 г. говорилось по этому поводу:

«В Кобелякском уезде политсостояние после рейда банд Махно, Щуся, Маруси крайне тяжелое, настроение селян подавленное, власти на селе почти нет. На местах разрушена вся советская и продовольственная работа. Нет связи с четырьмя волостями, разрушенной ночными мелкими налетами кулацких банд. Банды оперировали в ЦаричанСкой, Кустапавловской, Велико-Кобелякской волостях. Прийдя в Новые Санжары, ушли в Полтавский уезд. Всего бандами оставлено жертв около 22 чел. Отмечается у банд недостаток патронов при хорошем вооружении.

Миргородский уезд. Связь со всеми волостями, исключая 3. Через Решетиловку прошла банда Махно во главе пятерки из Щуся, Махно, Тарановского, Кусенко и Фомы. По сведениям военной разведки в бандах ощущается большой недостаток патронов. В Уставицкой волости бандой захвачено 15 лошадей: прочим волостям нанесены большие убытки, пока не подсчитанные...»[1155].

7-го повстанцы провели бой у с. Карпиловка (15 в. юго-восточнее г. Пирятина).

Вскоре Полтавщина походила на военный плацдарм. Некоторые из военных операций на Полтавщине описаны самими красными командирами.

«...Операция велась под непосредственным наблюдением Командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма тов. Фрунзе, выехавшего в район борьбы совместно со своим помощником тов. Эйдемано. В силу этого принятый план операции был проведен в строгой последовательности, управление отмечалось большой связностью и единством, были использованы все методы борьбы и, таким образом, созданы в высшей степени благоприятные условия для ликвидации банды.

Несмотря на все эти благоприятные данные, банда Махно, однако, не была окончательно ликвидирована, вследствие целого ряда тактических промахов и ошибок в исполнении...

Маршруты повстанцев довольно постоянны, так как Махно базировался на определенные пункты, где у него были скрытые запасы оружия и огнеприпасов: некоторые из этих сел пополняли банду людским и конским составом, и, наконец, для снабжения банды

продовольствием, Махно имел достаточный запас какого-либо ходкого продукта, как, например, сахара, который добывался бандой путем ограбления сахарных заводов и обменивался на пищевые припасы у населения...

С рассветом 9-го июня Махно из Куриловки выступил в направлении Чернечьа и в районе последней был настигнут отрядом тов. Зоммера, заставивший банду спешно двигаться дальше на восток. В районе м. Неплюева отряд тов. Зоммера опять нагнал на хвост банды вместе с подоспевшим сюда отрядом тов. Бубенца, выступившим из Пикари с рассветом 8-го июля. Оба отряда преследовали банду в ее движении на юго-восток, но уже в районе с. Терны, занятого бандой около 13 часов, утратили с ней соприкосновение...

Кавалерийская группа тов. Ульянова и отряд 60-го полка к 23 часам сосредоточился в Недригайлове, не успев до наступления темноты войти в соприкосновение с бандой, были двинуты на Красную, с задачей перерезать дорогу банде в южном направлении.

Утром 10-го июня, около 7 часов, банда при выходе из Красной была обстреляна названными отрядами и отступила в направлении на Васильевку. Прибывший к концу перестрелки тов. Эйдеман застал, по его собственному выражению, "безотрадную картину": Махно отступил верст на 6 по дороге в Васильевку, наша же цепь находилась посреди села Красная, имея резерв в полуверсте от северо-западной окраины. Высланный вперед разъезд, человек 6-7, в версте от Красной стоял в поле и ждал, пока подтянется пехота. В 11 часов 10-го июля из Недригайлова через Красную на Борки были брошены отряды тов. Зоммера и тов. Бубенца, с целью прикрыть западное направление, и в это же время на Васильевку из Михайловки выступил сосредоточившийся там образцовый батальон Харьковского военного округа численностью 270 штыков при 3 пулеметах.

Около 12 часов Махно прошел Васильевку и двинулся по дороге на Михайловку, но при выходе из деревни был встречен образцовым батальоном ХВО и вступил с ним в бой, стараясь прорваться на восток. Махновцы неоднократно пытались атаковать нашу пехоту, но она каждый раз отбивалась огнем батальона. В результате двухчасового боя, понеся потери, банда отступила и, круто изменив направление, спешно двинулась на Подолки...

Отряд т. Бубенца в районе Соколова балка действительно обнаружил банду, двигавшуюся по дороге на Нехвороща и некоторое время шел параллельным движением. Не доходя 2-х верст до Нехворощи, отряд сблизился с бандой, на дистанцию, позволяющую перейти в атаку, и начальник отряда т. Бубенец, подав команду, с незначительной группой, состоявшей преимущественно из командного состава, бросился вперед, но отряд за ним не последовал, и многие из красноармейцев даже стали поворачивать обратно своих лошадей. Заметив колебание и нерешительность отряда, Махно быстрым движением повернул банду и стремительно атаковал отряд, обратившийся в бегство. В результате атаки отряд потерял несколько человек убитыми и ранеными и 2 пулемета. За этот позорный случай весь личный состав отряда был передан суду Военно-Революционного Трибунала и виновные в трусости были расстреляны...»[1156].

Проходя Новые Санжары, повстанцы 16-го июня чуть было не взяли в плен поезд с членами Коминтерна, во главе с Л. Троцким.

В местечке Нехвороща было совещание повстанцев, которое отметило в протоколе:

«Общее заседание комсостава и штабов двух Кавгрупп, штаба армии и ответственных повстанцев, бывших командиров, ныне рядовых бойцов от 16/6–21 г. под председательством командарма и секретаря штаба.

Первым вопросом является доклад Начштаба тов. Тарановского на тему: «Так дальше не должно быть».

После всестороннего обсуждения последнего некоторые товарищи из членов заседания нашли доклад не полным, после чего командарм пополнил и потом после длительных споров и обсуждений постановили: приложить все усилия, чтобы поставить честно и на должную высоту борьбу как в боевом, так и в организационном отношении...

3. Прекратить всякую менку лошадей в селе или поле, когда возле лошадей нет их хозяев, так как это вызывает много возмущения среди крестьянства, которые не присутствуют возле лошадей, когда их повстанцы забирают, и не знают, дана им лошадь взамен или нет.
4. Разделить кавгруппу на две, то есть, на Кавгруппу Куриленко и Кавгруппу Кожина, которую временно (до выздоровления Кожина) должен принять самостоятельный штаб Москаленко.
5. Выделить лазарет в самостоятельную единицу.

Наше подчинение каждого командира штаба и комсостава или другого штаба группы штабу необходимо во всех отношениях: как в оперативном, организационном, так и в политическом.

6. Вывести всякие драки и ругание среди повстанцев, а равно преступно ругание повстанца с крестьянином.
7. Устранить лишние обозы, последний допускается лишь там, где имеется фураж.
8. Ни одного раздевания и расстрела, ни одного арестованного без разбора комиссии, кроме покушающегося к побегу. Комиссия должна быть только при штабе, и своим действием по отношению к арестованным комиссия должна отражать физиономию организованности и революционности в истинном смысле махновщины как движения.
9. Не должно быть заводных лошадей у бойцов, на руках каждой сотни можно иметь не более 15 заводных лошадей.
10. Это постановление комсостав постановляет провести в жизнь через издание приказа по армии, при нормальном состоянии движения группы в трехдневный срок, а при ненормальном — в недельный срок.
11. Преступно даже мыслить, что при бое какая-либо одна группа, захватывая трофеи, может считать их собственной добычей. Всякие трофеи распределяются на всю армию.

Собрание считает главным своим условием борьбы в данный период нашего существования, как армии разрушения насильственного большевистского государства, в замен которого

предлагает трудящимся организацию вольных советов, органов самоуправления у себя на местах, в своей среде»[1157].

У Нехворощи повстанцы переправились через р. Орель и разобрав за собой переправы, проследовали ее. Чернетчина, Котовка, Бузовка, вновь вышли к р. Орель, переправились на правый берег и к вечеру 17-го июня заняли с. Малый Орчик, где остановились на ночлег. В походном лазарете в обозе в это время находилось около 150-ти раненых повстанцев.

Очевидно здесь будет уместным более подробно привести эпизод, происшедший 15 июня в с. Решетиловка, описанный красным командиром, участником происшедшего:

«...Наш бронепоезд, мерно постукивая колесами, идет на юг по направлению Синельниково без всяких задержек, как курьерский. На больших станциях останавливаемся на несколько минут. Михаил Васильевич говорит по прямому проводу то с командирами дивизий, то с разными уездными председателями ГПУ. Весь разговор сводится к налетам Махно.

Из Синельниково поезд пошел на Кременчуг, затем на Лубны и далее на Ромны. Деятельность подвижного штаба на протяжении этой дороги была однообразной: оперсводки, или, как их тогда называли, “бандсводки”, доклады, приказания...

Наше путешествие на бронепоезде и автомобиле в этом ромбе — Харьков, Синельниково, Кременчуг, Конотоп — продолжалось около месяца. Фрунзе был очень недоволен, что ликвидация банды затягивалась.

Однажды часов в шесть утра на станцию Решетиловка прибыл на автомобиле Эйдеман, весьма возбужденный, с печальной вестью, что банда опять вырвалась из района станции Ромны. Разбудили Михаила Васильевича (он всю ночь не спал, ждал результатов этого окружения и только на рассвете заснул). Доклад и совещание длились не более двадцати минут. Решили, что Махно находится где-то вблизи. Эйдеман поехал по большаку в местечко Решетиловка.

В восемь часов Михаил Васильевич приказал, чтобы четыре верховые лошади были готовы. Через десять минут Фрунзе вышел с маузером через плечо. Я спросил: “Куда едем?”

— Поедем просто на местечко Решетиловку.

Я выразил опасение, как бы не нарваться на банду.

Фрунзе молча на меня посмотрел и сказал, чтоб ординарец и адъютант взяли карабины.

Было тихое, ясное украинское утро. Кругом радостно зеленели засеянные поля. Ночная роса и небольшой дождик прибили дорожную пыль. Около пятнадцати минут мы молча шли галопом, потом перевели коней в шаг. У Михаила Васильевича настроение улучшилось, вероятно, под влиянием свежего утра и верховой езды.

Незаметно выехали на бугор, с которого хорошо было видно Решетиловку. В это время из-за местечка послышалась беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба, а через несколько

минут все стихло. Это, как впоследствии выяснилось, банда Махно окружила в одном дворе автомобиль Эйдемана. Ему удалось благополучно, хотя и на пробитой машине, отбиться и присоединиться к истребительному отряду.

Когда услышали стрельбу, Фрунзе сказал: “Нужно поторопиться”, и мы подняли лошадей в рысь.

Через несколько минут мы были на окраине местечка, у кузницы. Я остановил лошадь и спросил кузнеца, что это была за стрельба. Он ответил, что стреляли с машины, а кто — он не знает. Фрунзе наш разговор слышал.

Когда мы тронулись, из-за домов, саженях в семидесяти перед нами, вырос разъезд в составе трех всадников. Михаил Васильевич дал коню шпоры, лошадь сразу взяла в карьер. Разъезд, повернув, полным ходом начал удаляться в местечко.

Когда мы подскакали к церковной площади (на то место, откуда два большака идут: один — на Полтаву, а другой — на станцию Решетиловка), из-за поворота улицы вышла колонна в строю повзводно. Впереди ехали трое — один в черной бурке, без шапки, длинные черные волосы зачесаны на лоб, а остальные двое тоже в бурках, но в кубанках. В первом ряду развевалось красное знамя, в центре колонны — свернутое знамя черного цвета. Всего всадников насчитали не более двухсот человек. Сзади было несколько тачанок с пулеметами и каким-то имуществом. Разъезд, за которым мы гнались, проскакал мимо колонны и в хвосте остановился у тачанок. Но они успели что-то крикнуть-разобрать было невозможно.

При виде этой колонны мы все четверо осадили коней и оказались от них на расстоянии тридцати метров. Колонна, вероятно, от неожиданности остановилась. С минуту мы молча смотрели друг на друга. Я успел разглядеть лица бойцов. Загорелые, они выглядели старше тридцати лет. У меня сразу блеснула мысль, что в нашей армии осталась двадцатитрехлетняя молодежь. Значит — это махновцы, и мы влопались. Перевожу взгляд на плотного всадника с длинными черными волосами, без фуражки. По фотокарточке, которую я видел в вагоне Фрунзе, можно безошибочно сказать, что этот самый и есть батько Махно.

В это время задние взводы поднажали на передних и, таким образом, наметилось хотя медленное, но верное движение флангов вперед, а первые ряды всадников начали спокойно снимать карабины.

Нас почти отрезали от дороги и прижали к какому-то огороду, обнесенному разными плетнями и изгородью.

Фрунзе спросил, какая часть. Главарь ему ответил: “Эскадрон 138-й бригады.”

Я одновременно с вопросом Фрунзе наставляю с невероятной быстротой наган и кричу:

— Стреляю я на пять, осадите фланги! Они молча, но медленно пятят лошадей.

Тогда Махно сам спросил, кто мы, и в то же время ловко взбросил карабин наизготовку. Я в ужасе крикнул:

— Не стреляй, это комвойск Фрунзе!

В это время раздался залп. Сквозь дым и свист я видел, что Фрунзе удержался на коне и бросился через изгородь на дорогу, что ведет на Полтаву.

Тогда я дал коню шпоры и помчался на Решетилловскую дорогу, так как мне отрезали путь махновцы. Около пятидесяти человек устремились за мной с криком, выстрелами и шашками наголо.

Это происходило с головокружительной быстротой и продолжалось не более двух минут.

Мой адъютант, вероятно, заслушался и не держал коня в сборе. Его сразу же окружили и зарубили. Фрунзе и я обязаны ему жизнью, ибо первым бойцам Махно он преградил своим телом дорогу. Это позволило нам оторваться метров на двадцать...

Пришпорив коня, я за несколько минут оторвался от погони километра на полтора. Ординарец на своей маленькой киргизской лошадке остался далеко позади...

Через несколько минут мы соединились. Когда я подъехал, Фрунзе был возбужден и бледен...

Нас еще махновцы преследовали более полутора километров. Потом большинство их остановились, преследование продолжали не более пяти человек. Мы въехали в какой-то сосновый лес. Прошли на рысях с километр. Дорогу пересекла небольшая, с болотистыми берегами река. Фрунзе решительно заявил, что дальше ехать не может, хочет пить и у него жжет бок...»[1158].

Судя по описанию, отряды махновцев трудно было визуально отличить от красных войск. Но такая собранность и отвага, моральная стойкость и способность переносить бесконечно тяжкие лишения боевой жизни могли быть только у людей, которые отстаивают свою свободу.

Повстанцы, ожесточившись методам борьбы красных, калейдоскопически метались по Украине, свирепствуя атаками, разрушая аппарат насилия. Утомленные боями, они переходят на северную Полтавщину, в районе Сахновщины к ним присоединяется отряд Иванюка.

Временные успехи омрачаются дальнейшим разложением повстанчества. Большое значение в этом сыграл уже с весны начинающийся голод. Природа словно ополчилась на человека. В прошлом, 1920 г. была засуха, неурожай, затронувший и Украину. Это еще более усилило крестьянскую нужду и разорение. У крестьян уже почти не было фуража для скота и продуктов питания для людей, что наводило на мрачные мысли перед надвинувшейся засухой и предполагающимся голодом.

Стимулом к разложению был также и объявленный переход от военного коммунизма к нэпу, от продразверстки к продналогу. То есть элементы требований, за которые сражались повстанцы. Село начало прислушиваться к предложениям коммунистов. На устах середняка появились слова: «узаконенный хозяйственный расчет, свободная торговля, продналог.»

Оперируя в районах сахарной промышленности, махновцы встречались с местными отрядами комнезамов, с мая вступивших на поле военного сопротивления. Объединившись с рабочими отрядами сахарной промышленности, они составили настоящие войсковые соединения, их было много. Но, будучи лишены единого командования, недостаточно себя проявляли и с незначительным сопротивлением, всегда махновцам уступали селения и сахарные заводы. Середняк, начавший отход от махновщины, в достаточной степени не успел упрочить союза с комнезамовником: он был пассивным. Отказывая в активной поддержке махновцам, он продолжал стремиться в обоз. При занятии сахарного завода, нагрузив подводу сахаром, он возвращался домой, надеясь поправить свое автономное хозяйство. Таким образом, уклоняясь от активного участия в махновщине, он все же продолжал оставаться пассивным ее элементом, помогая разрушать государственное хозяйство, разменивая его на свое личное, автономное.

Вслед за махновцами на северную Полтавщину были брошены красные полевые части. Начались невероятные трюки и боп[1159]. Повстанцы не выдержали натиска и вышли на Черниговщину, переправившись через р. Ворсклу в 5-ти верстах от г. Ахтырки.

Этот период, с 26-го июня по 6-е июля 1921 г. описан непосредственным участником событий, красным командиром.

«...Махно в полдень 26-го июня, предварительно оторвавшись на несколько переходов от преследовавшего его отряда пехоты на подводах под командой Ершова (последний отстал вследствие систематического изъятия бандой конского состава и подвод во всех проходимых ею пунктах), спокойно подошел к р. Ворскла и, форсировав ее на участке Пилевка – Лучище, вступил в пределы Полтавской губ. Необходимо отметить, что в северо-восточной части Полтавщины, куда, по всей видимости, нацеливался бандитский рейд, не было способных к активным действиям красных частей. Расположенные здесь части, еще не пополненные и не успевшие приобрести должного навыка в партизанско-бандитской войне, были расположены примерно по одному стрелковому полку на уезд и буквально раздерганы по отдельным селам и местечкам на выполнение заданий внутренней службы. Лишь перед угрозой непосредственно приближающегося противника части эти спешно стягивались и концентрировались в уездных городах...

Младшие военные начальники, руководившие ранее операциями против Махно, несмотря на наличие при них постоянных совещаний, не сумели взять в руки богатейшие для успеха партизанской борьбы ресурсы, помощь советского села и, таким образом, уступали Махно, явно поддерживаемому кулацким элементом населения. Оставленные без определенных указаний, горсточка соработников (члены исполкомов, милиция, незаможные) чувствовали себя забитыми и обреченными на съедение зверски беспощадному врагу, а потом нервничали, принимали наши части за противника, питались слухами и при первом появлении Махно в отдаленнейших пределах уезда стихийно бежали, срывая телефоны...

В 23 часа 26 июня 487 стр. полк занял указанные ему переправы на р. Псел, а банда расположилась на ночлег в с. Влезки, тем самым явно нацелившись на охраняемый 487-м полком участок реки. Не суждено, однако, было ни 487-му полку справиться со своей задачей, ни району Гадяча послужить первым боевым плацдармом данной операции.

Чрезвычайно скверное качество угля на желдороге послужило причиной колоссального замедления переброски Истреботряда КВО и самого полештаба, также выехавшего в Гадяч по желдороге после полуночи с 20-го на 27-е июня.

Лишь к 14 1/2 часам 27-го июня поезд тов. Эйдемана подошел к ст. Гадяч и был встречен донесением начуездучастка, что банда Махно только что переправилась на западный берег р. Псел у села Каменное на участке 3-го батальона 487 полка...

К 11 часам 27 июня т. Эйдеман с полештабом был в штабе Роменского начуездучастка, причем перекрестным опросом сел по телефону и из доклада начучастка выяснилась следующая ситуация: река Сула прикрыта, как и требовалось, первым батальоном 58-го полка, 60-й полк уже сидит на подводах в Коровенцы. Истреботряд КВО с 8 часов утра двинулся из Ромны туда же. Махно ночевал в с. Чернышовка и 487-й полк его преследует с юга. По телефону дано задание 60-му полку передвинуться в Кустарник, что 2 версты западнее Недригайлова, стать там в засаду и на случай подхода банды бить ее, предварительно впустив в село. Одновременно с этим распоряжением два легковых автомобиля полештаба выехали с частями в Коровенцы.

Истреботряд был встречен у западной окраины села Коровенцы: «лихие червонцы» двигались в стройном порядке, с хором трубачей, первые шеренги при пиках, настроение бодрое, веселое. Начотряда т. Григорьев тут же получил приказание двинуться после короткого отдыха на присоединение к 60-му стрелковому полку и усилился привезенной полештабом 1 легкой бронемашинной 45 АБО — типа «Фиат».

Полештаб остался в Коровенцах, как центральном пункте связи и, прикрыв подступ к селу изъятый у истреботряда ротой стрелков, занялся выяснением обстановки...

Около 15 1/2 часов вернулся наш разведывательный автомобиль и донес, что в селе Камлычка он в упор наткнулся на банду и ушел под огнем ее. Несколько минут спустя милиционеры с мельничной крыши в Сакуново сообщили: «у сел Камлычки и Перетечки, в поле и по балкам строится много кавалерии». Вскоре до слуха полештаба долетели звуки долгожданного боя...

В этом бою мы взяли в плен три пулемета и часть махновского обоза, убито 56 бандитов. Наши потери оказались невелики количеством, но погиб почти исключительно командный состав: были убиты начштаба отряда т. Бучков и адъютант — родной брат начотряда т. Григорьев...

До полудня 29 июня Махно петлял в восточной части Роменского уезда и западной полосе Харьковской губернии, удерживаемый от прорыва на запад выдвинутыми заслонами Харьковского губучастка и преследуемый группой т. Григорьева.

Наконец, в ночь на 30 июня банда повернула вновь на запад и остановилась на ночлег в селе Толстое... С рассветом 30 июня Махно двинулся из Толстого на запад к Дергачевке, преследуемый по пятам 60-м полком...

В то время, как в районе Хоружевка банда была атакована с двух сторон 488-м и 60-м полками и, разрезанная на две части, меньшей своей группой бросилась на Юг в с. Бутки, где ожидал ее отряд на грузовиках, большей же частью с самим Махно во главе, устремилась к северу. Т. Эйдеман со всей конницей Григорьева быстрым маневром настиг противника в районе Костевича – Луценков. Атакованная червоными казаками банда подвергалась беспощадной рубке. По всему полю рассеялись махновцы, ища спасения в бегстве, и лишь часть наиболее стойких бойцов под личной командой какого-то атамана сгруппировалась под черным своим знаменем, отстреливаясь из пулеметов...

Другая группа махновцев, отступив на м. Бутки, подвергалась иной участи: первый батальон 58-го полка не успел вовремя подойти, отряд же на грузовиках, в силу трусости комсостава (вскоре расстрелянного по приговору полтавского дивревтрибунала), разбежался, не оказав сопротивления. В этом же пункте банда захватила и сожгла посланный для связи с частями автомобиль полештаба. Подошедшие части нашей пехоты не дали банде завладеть брошенным отрядом имуществом, но удержать ее от последовавшего прорыва на южный берег реки Сула через Коровенцы, естественно, уже не могли.

В течение более чем 2-х суток, вплоть до рассвета 2-го июля махновцы двигались разрозненными группами, по всей ширине (с западной до восточной границы) Роменского и Гадячского уездов, заметно скатываясь на юг...

Банда Махно, пройдя ночью с 1-го на 2-е июля через с. Влезки, видимо установила связь между отдельными своими группами (скорее всего через местные махновские ячейки) и двигалась на юг, хотя и с большой растяжкой отдельных эшелонов всего верст на 10 глубиной, но уже по одной дороге. В 12 часов обнаружилось, что арьергард банды благополучно миновал Камыши, не встретив там заслона из частей Зеньковского уезда, а вскоре после этого головная часть нашего истреботряда вошла в соприкосновение с тыловыми разведками махновцев у хутора Шебалдаев... Перехваченные на переправах через реку Ворскла, махновцы потеряли несколько человек зарубленными (в числе последних попал крестный отец Махно) и два пулемета. Все же, распылившись на мельчайшие группы, бандиты вышли из боя и переправились на восточный берег реки севернее и южнее Куземина...

С утра 3-го июля истреботряд выступил с Куземино на Котельву, где ночевал противник, а руководитель операции, опередив отряд, выехал на автомобиле в Пархомовку, где и была обнаружена проходящая через село колонна махновцев и в хвосте у нее, бесцельно обстреливающий село, ахтырский отряд в 300 штыков при 4 орудиях. Заслон в Пархомовке провалился точно так же, как и намеченные ранее в Куземине и Камышах...

Между 13-14 часами 3-го июля, достигнув Колонтаева, истреботряд натолкнулся на четвертый по счету случай неточного исполнения приказа. Оказалось, что Махно прошел в этот пункт безнаказанно, так как в селе было лишь два взвода кавполка, люди их, не неся

сторожевого охранения, бродили по базару и при первых выстрелах ускакали...

После перестрелки с истребительным отрядом у Константиновки Махно как раз оступил под удар т. Мятяжа, но слабый качеством, хотя численностью во много раз больше нежели банда, отряд этот вместо активной роли, сам оказался атакованным, потерял несколько человек пленными и отступил, как после выяснилось, прямо в Опашню.

У хутора Филенков наша конница, усилив энергию преследования, вошла с бандой в зрительную связь, причем последняя, рассыпавшись лавой, неслась прямо к железной дороге навстречу двум ожидавшим ее бронепоездам. Казалось, настал чуть ли не первый в истории борьбы с Махно момент, когда конная атака будет скомбинирована с заградительным огнем бронепоездов в самой полосе желдорлинии, однако, бронепоезд № 114 испортил все дело. Преждевременно и на сверх предельную дистанцию он открыл огонь по передовым разъездам банды: недолеты снарядов за 2–3 версты предупредили Махно о грозящей ему гибели, воспользовавшись пересеченной балками местностью, вся лава круто свернула на северо-запад, бросив нашей коннице, в виде ложного маневра, обывательский обоз с несколькими конными бандитами, из коих 12 зарублено. Соприкосновение с бандой после описанного маневра было утеряно...

Перейдя желдорогу, к вечеру, 4-го июля, Махно стремительно уходил на юго-восток и 6 июля подошел к линии Лозовая – Харьков, покрыв, таким образом, более 100 верст...»[1160].

Перейдя 4-го июля желдорогу Полтава – Харьков (30 верст северо-восточнее г. Полтавы), охраняемую бронепоездами красных, повстанцы двигались на юго-восток, и в ночь на 7-е июля штаб РПА (махновцев), кавалерийская группа при нем, численностью около 300 сабель, при 9 пулеметах и 40 тачанках переходят железную дорогу Лозовая – Константиноград в районе ст. Сахновщина. Этот переход был спокойный, хотя данный участок дороги (около 80 верст) проходил по открытой местности и активно охранялся пятью бронепоездами[1161].

В этот же день повстанцы достигли с. Константиновки, где был бой. Форсировав р. Орель у с. Перещепино и Сомовка, левая колонна повстанцев под командованием Куриленко 8-го июля имела бой в районе с. Марьевка (30 в. северней г. Новомосковска), где была разбита и из отряда уцелело лишь около 30 человек, остальные погибли или рассеялись. В этом бою погиб и Куриленко. Правая колонна Кожина, имевшая задачу взять со склада Ивангока боеприпасы, также потеряла до 70% своего состава у сел Чернолозки (12 в. северо-западнее ст. Сахновщина) и Баляснówki. Уцелела одна лишь центральная колонна в составе 1 500 сабель со штабом РПА (махновцев) во главе.

В это время армия вместе с отдельными отрядами насчитывала в своих рядах до 3 000 сабель и около 150 пулеметов.

Проходя Роменский, Гадячский, Зеньковский, Ахтырский и Харьковский уезды на юго-восток, армия преследовалась красными войсками. Аэропланы сбрасывали на повстанцев массу всевозможных воззваний. От имени правительства махновцам объявлялась амнистия, и армия основательно таяла. Дезертирство усиливалось, хотя в амнистию никто не верил. И

тому были основания. Возмущение по этому поводу описал в своем письме к Луначарскому писатель и гуманист В. Г. Короленко, проживавший в г. Полтаве. Он писал:

«...Пользуюсь случаем, чтобы сообщить еще следующее: теперь решается судьба людей, привлеченных к делу о прошлогоднем миргородском восстании, по которому уже была объявлена амнистия. Говорят, это ошибка Миргородской Чрезвычайной комиссии, которая не имела права объявлять амнистии. Как бы то ни было, она была объявлена, и о ней были расклеены официальные объявления на улицах Миргорода после того, как карательный отряд расстрелял 14 человек. Это было сделано официально, от имени Советской власти. Может ли быть, чтобы люди, доверившиеся слову Советской власти, были расстреляны в прямое нарушение обещания?..»[1162]

5-го июля в районе с. Варваровки (45 верст восточнее г. Полтавы) дезертировала сотня бойцов из отряда Куриленко. На его рапорт Махно ответил:

«Командиру группы тов. Куриленко.

Ответ на рапорт № 2.

Об уходе Кубанца Шевченко сотней я узнал при входе в село Варваровку, не хотел тебя будить и ошарашивать (зачеркнуто) позорным сведением. Я понадеялся, что ты скоро сам узнаешь и расследуешь в точности. Я и мысли не мог допустить, чтобы уход Шевченко не был связан заранее обдуманным заговором. Заговор был, и я больше чем уверен был неизвестным для многих повстанцев и командиров ушедшей сотни. Это нужно расследовать и быть может окажется еще Шевченку подобный. Уход Шевченко меня мало удивляет. Я, если помните, неоднократно раз повторял: меньше доверия случайным элементам. На это командиры-руководители мало обращали внимания, и вот плоды халатности (не разборчиво) и связи дежурных по полкам и всех, всех. Нужно поставить случайных командиров и повстанцев в нашем движении под зоркий надзор опытного повстанческого ока, чтобы от него не ушли, сразу почувствовав над собой этот надзор, или, если остались, то чтобы были действительно спаяны. А главное — меньше доверия ренегатам.

Ком... Махно»[1163].

Объединив сибиряков (до 400 человек), заявил о намерении идти в Сибирь Глазунов. Совет должен был его отпустить, ибо, не делай этого, он ушел бы сам. Числа 6-го июля он ушел на Волгу, а штаб спустился в район Сахновщины, где Иванкж, в свою очередь, объявил, что из своего района не уйдет.

Амнистия, нэп, усталость, начинающийся голод — усиливали тягу повстанцев домой, и они уходили группами, отрядами, уходили по одиночке.

— Мало у нас активных союзников среди крестьян, — говорил Махно, когда прибывшая разведка сообщила о гибели группы Кожина и Куриленко.

— Надо поворачивать на запад. И не страшно, что большевики ловчат и лгут, страшно, что им хотят верить. Устали сопротивляться люди, а этот голод закрепит безраздельную власть

большевиков. И будет такой разгул насилия, какого свет не видел. Опомнится народ, но будет поздно.

Махно думал найти передышку за границей. Этот вопрос он поднимал в Совете еще в зимний период, на другой день боя в с. Вузовке. Но Совет тому противился, надеясь, что весна принесет новый союз с Совправительством или свежее пополнение. Кроме того, Махно, изменив свои политические взгляды, написал новую декларацию независимости Украины, поставив своей задачей объединение в вольное соглашение с правыми партиями за границей (Петлюрой, эсерами и меньшевиками), и использование низов этих партий для своей новой политики. Он планировал издать новую декларацию, а также написать за границей историю повстанческого движения (махновщины). Свое желание Махно держал в строжайшем секрете, сказав об этом не более 4–5-ти лицам.

В начале июля 1921 г. в районе Конрадского уезда Полтавской губернии Махно на одном из собраний комсостава выступил с речью, уговаривая командиров уйти за границу, доказывая им сложность ситуации в связи с засухой, красным террором и сложностью борьбы с многочисленной большевистской армией и ее политически безграмотными бойцами. Таким образом, Махно заявил о своем плане, дал время командирам обдумать и принять решение.

Внутри Совета все время шли оживленные споры, захватывая и комсостав. Одна часть Совета, во главе со мной, держала ориентацию на новый союз с Соввластью и, на определенных условиях, выступление в Турцию на подмогу Кремлю, другая, во главе с Махно, ориентировалась на Галицию. Заключи Совправительство союз, махновщина бы вышла в Турцию или Галицию, как союзница пролетариата. Но Совправительство не откликалось на многочисленные телеграфные вызовы. Наоборот, к повстанцам и заподозренным в сочувствии и симпатии к ним крестьянам применялись бессмысленные жестокости, предписанные властью требования войсками и службами выполнялись неукоснительно. Ставка на за границу особенно процветала с того момента, когда Совету стал очевиден отход от махновщины середняка. С этого времени взаимная жестокость и военные трюки были вынуждены обстоятельствами: махновщина самозащищалась и, собирая силы, отправляла своих агентов, вручая им мандаты с полномочиями, типа такого:

«Штаб Революционно Повстанческой Армии Украины (махновцев) № ... МАНДАТ

Предъявитель сего тов. Савченко действительно уполномочен штабом РПА Украины (махновцев) организовывать и формировать отряды Махно в районе Гришине, Чаплине, Святодуховка. На обязанности тов. Савченко лежит: 1) Ускорить формирование отрядов. 2) Разрушать линию жел. дороги, телефоны, телеграфы и сети. 3) Уничтожать все советские письменные документы в учреждениях, способствующих закреплению Советской власти. 4) Разгонять и в корне уничтожать милицию, ЧК, продотряды и другие властнические и насильствующие советские организации. 5) Разгонять и в корне пресекать дела и всячески мешать организовывать комнезаможей и комсомолов. 6) Расстреливать всех сознательных и ответственных сов. работников, стоящих и действующих на вооруженной борьбе с революционной махновщиной...»[1164]

«Я прав, — говорил Махно. — Если бы весной армию вывели из Украины в Галицию, мы бы имели успех. Галиция бунтует за свою независимость, а большевики бессильны ей помочь из боязни интервенции. Нам надо идти туда. На Украине мы теряем почву; наши союзники — селяне перестали нас поддерживать. И вот результат: они покидают армию и являются с повинной или, стремясь уйти от преследования, разъезжаются по всему свету. Мы должны во что бы то ни стало сохранить армию, объединить наши силы и прорваться за границу, где успех за нами очевиден»[1165].

Но Махно недооценивал действия амнистии, нэпа, голода. Господствующая идея — уход за границу на помощь Кемалю или галицийскому национальному движению — уступала свое место новой идее. Оставшиеся в армии кадровые командиры (до 1 200 человек) мечтали о другом, более близком. Видя, с одной стороны, неминуемую гибель махновщины, как цельного политического организма, а с другой, надежду на амнистию, они говорили, что надо навсегда сложить оружие. Эта идея становилась господствующей.

Между тем, красные войска отовсюду подходили, и штарм оставил Полтавщину и район с. Знаменовки, что восточнее Новомосковска. Он решил идти в Бердянский район, надеясь как-нибудь связаться с Совправительством на предмет выхода за границу.

Продвигаясь Павлоградским уездом, штарм встречает местные отряды комнезаможных, в состав которых входили бывшие махновцы, явившиеся по амнистии. Они были «помилованы» Соввластью и теперь, организованные в маневрирующие единицы, искупали свои «грехи кровью». Они стремились нагонять повстанцев на красные полевые части. Однако решающего значения не имели. Страх перед смертью (махновцы с ними расправлялись как с предателями) заставлял их останавливаться и принимать тактику обороняющегося.

9-го июля повстанцы у ст. Зайцево, разбив роту 262-го полка, перешли желдорогу Синельниково – Павлоград и через Раздоры – Просяную 10 июля достигли Большой Михайловки, где расположились на отдых.

Утром Штарм повстанческой вышел на юг в направлении Цареконстантиновки и, не доходя до нее верст 20, остановился на ночевку. Утром 11 разведка донесла, что на ст. Цареконстантиновке (Куйбышево) находятся 15-й и 45-й автобронеполки в составе 8-ми бронемашин, 2-х грузовиков прикрытия, 2-х мотоциклов. Здесь же в преследование подключилась бригада кавалерии Донецкой дивизии войск ВЧК из г. Юзово (Донецк).

На рассвете 12-го повстанцы прошли с. Н. Каракуба, направляясь на с. Егоровское, где разобрали мост и захватили бронемашину, на которой Махно доехал до с. Павловское, но здесь из-за отсутствия горючего машина была сожжена[1166]. Здесь от крестьян узнали, что накануне группа Каменева, преследуемая броневиками и кавалерией, прошла в Таганрогский округ. Численность ее не превышала 1 500 сабель и до 1 000 штыков. Необходимо было соединиться с этим отрядом. И мы поспешили, преследуемые красными войсками, на восток, следом за Каменевым.

13-го июля перешли железную дорогу у ст. В. Анадоля (Ольгинское) и под утро остановились на отдых в с. Новотроицкое. Далее маршрут проходил через сс. Васильевку, Бешево (Старобешево), Николаевку, Голодаевку, которую заняли 15-го июля, но соединиться с Каменевым так и не удалось. На переправах Донца в районе станицы Каменской отряд Каменева был сильно потрепан, бойцы рассеялись, а он сам с небольшим отрядом перебрался на средний Дон, в районе станиц Вешенской, Мигулинской.

В с. Исаевка Таганрогского округа было заседание штаба и Совета. Мною был поставлен на обсуждение вопрос о Турции. Махно выдвигал вопрос о Галиции. В результате мы разошлись, не приняв единого решения. На моей стороне было большинство отряда. Идею Махно поддержало до четырехсот сабель, вокруг меня — свыше семисот, в том числе свыше 50-ти человек раненых.

Провели митинг, где Махно отмечал правое дело многолетней революционной борьбы повстанцев с угнетателями всех мастей, преданность повстанцев трудящимся и защиту их от посягательств авантюристов и лжецов, призывал к продолжению развития 3-й социальной революции. Выразил сожаление непонимание исторического момента крестьянами и усталостью народа от жертв, лишений, разрухи, голода, красного террора.

— Трудящиеся сделали свой выбор, — говорил Махно, — в надежде на совесть победителя, под его честное обещание, под нэп — этот временный всплеск барской ласки. Но это слова и дурман, которым они временно одурачивают граждан.

Коммунизм, к которому мы стремились, предполагает: свободу личности, равенство, самоуправление, инициативу, творчество, изобилие... Мы свои идеалы выразили в декларациях. Мы имели возможность и пытались строить общество на ненасильственных анархических принципах, но большевики не дали нам это сделать. Они борьбу идей превратили в борьбу людей. Ненавистный народу государственный аппарат с его представителями, тюрьмами и т. д. не ликвидирован, а лишь реорганизован. Большевики провозгласили насилие своим правом.

Фундамент обществу, который заложили коммунисты-большевики, уничтожив все партии, всех своих конкурентов — ничего общего с коммунизмом не имеет. Это замкнутая полувоенная секта «солдат Маркса» с слепой дисциплиной и притязаниями на безошибочность и безапелляционность, поставившая перед собой цель создания тоталитарного государства без свобод и прав граждан, которая проповедует своеобразный идеологический расизм. Делит людей на своих и не своих. Много и вовсе носит характер абсурда. Они лишают труженика всех иллюзий о лучшей жизни, они создают полицейское общество, самое нищее, самое несправедливое, где будут исключены радость труда, творчества, самодеятельности.

Их эксперименты не будут иметь конца, они будут кооптировать свои ряды из таких насильников, как и сами, власть выплеснет безответственное поколение демагогов и диктаторов. Сами будут властвовать, но тюрьмами и издевательствами заставят трудящихся работать за кружку кислого молока...

Они уничтожат всех и все, что не может быть названо партийным или идеологически актуальным... Они разовьют астрономическую систему наказаний...

Люди будут думать только о том, как выжить в этих ужасных условиях истребления. .

Но долго так продолжаться не будет. Усиление власти приведет к полному идейному и нравственному разрыву между трудящимися и командным составом власти...

Товарищи! Будьте бдительны, не бросайте оружия, оно вам вскоре пригодится!

Не верьте большевикам!

Мы расстаемся с чувством выполненного революционного долга.

Да здравствует солидарность и сплоченность трудящихся!

Да здравствует третья социальная революция!

Спасибо Вам за все!!!

Трубачи заиграли построение.

Расставание и прощание были весьма драматичны. Были и мужские слезы.

Как-то оно будет, встретимся ли?

17-го июля 1921 г. мы расстались навсегда.

Махно особенно хотел привлечь в Галицию Каменева, Пархоменко и Фомина. Из Исаевки он продвинулся северо-восточнее и через станицы Миллерово – Нагольная – Должанская – Суходол в районе станицы Гундоровской перешел р. Донец.

К этому времени Каменев и Пархоменко с небольшими отрядами находились в районе станиц Вешенской и Урюпинской. Махно шел туда. Пройдя желдорогу Миллерово – Чертково в районе хутора Мешков, он вплавь переходит р. Дон, продвигается к р. Хопер в надежде встретить Пархоменко. Но, тщетно. Пархоменко, как и Антонов, находились где-то в Тамбовщине, не проявляя агрессивности. Фомин свой отряд распустил по амнистии и также ушел в подполье. Таким образом, не встретив своих, Махно очутился в Донской области между бунтарскими станицами Казанской и Вешенской. Казачки ему сочувствовали и помогали чем могли, но казаков, способных его поддержать, там уже не было, они сложили головы раньше. Здесь же Махно получил сведения, что по Волге, севернее Камышина, оперирует некто Пятаков, под Саратовом — Серафимович, Самарой — Попов. Он решил было идти туда, за Волгу. Но неурожай, так наглядно ощущавшийся уже тогда (казачки питались макухой, травой и отрубями) и отсутствие лошадей, заставили повернуть обратно.

В это время Махно издает приказ:

Всем командирам частей при Штарме Р.П.А. (махновцев).

Копию Ком. Кав. группы первой, Ком. Кон. разведки и Ком. Особой сотни.

Для непосредственного разъяснения бойцам вверенных Вам частей временно оперировавших в нашем движении рейсов по Донщине и Южной части России входит задача: (зачеркнуто).

Вследствие неурожая в юго-западной, южной и юго-восточной части Украины мы вынуждены были переброситься на Донщину и южную часть России, где к величайшему сожалению также неурожай и местами чуть не худший, откуда мы также должны переброситься в другие более урожайные районы или области.

Пройдя на Донщине, при наших передвижениях, в указанных областях мы напали там на след наших отрядов под командой Каменева – Терезова и Колесника и третьего дня натолкнулись на след отряда Маслакова, Бровы, и мы по нему идем. В задачу нашу входит во что бы то ни стало связаться с ними со всеми...

Но учитывая голод в районах, голод в хлебе и фураже, а к этому еще и в лошадях, без которых в наших передвижениях очень трудно, в особенности, если тов. повстанцы не обратят на это серьезного внимания и не перестанут надеяться на менку, зачастую даже подлую, ибо многими последняя совершается насильственно и там, где имеется одна-единственная лошадка, без которой, если глядеть свою как полагается, можно обойтись, мы, повторяю, в этих районах задерживаться то время, за которое можно будет связаться (с указанными выше отрядами — А. Б.), не можем. Мы принуждены будем покинуть Россию, не связавшись с отрядами, ибо многие не чтят наших повстанческих отрядов и своими действиями в области насильственной менки лошадей, когда без этого можно частенько обходиться, убиения кур, ругань в квартирах с хозяйками и т. д., и т. п. заставят против нас восстать крестьян и казаков даже тех, которые готовы в любую минуту восстать с нами против наших врагов, это недопустимо. Р.П.А. Укр. (махновцев) допускать этого не может, ибо она по своему существу детище, светильник трудового народа (зачеркнуто), должны это все учесть как командиры, так и повстанцы, соответственно, должны это понять.

Каждый должен почувствовать момент положения армии — нашей армии (зачеркнуто) во всех отношениях как жителей (зачеркнуто) упомянутых районов, так и нашей армии. И, учитывая их общую нужду, и тех и других потребности, брать то, что крайне необходимо. Должен ко всему подходить с осторожностью и лишь тогда, когда... (далее разорвано 5 строк)»[1167].

Проходя от р. Хопер к р. Дон, Махно стремился захватить Вешенскую переправу. Но, будучи встречен красными частями, повернул в сторону и в 15-ти верстах южнее станицы Вешенской вплавь перешел р. Дон.

Стремясь посетить базовые отряды Иванюка на Полтавщине, Свища, Черного Ворона и Иванова — на Херсонщине, он с быстротой ястреба летит через Старобельщину, Изюмщину

и Конградщину на запад, разрушая на своем пути институты власти. В районе Сахновщины, присоединив отряд Иванюка в сто бойцов и пройдя Кобелякский уезд, он 16-го августа 1921 г. достигает р. Днепра, где лодками переправляется из с. Переволочное (Светлогорское) в с. Мишурин Рог. Лошади были утомлены, тачанки, будучи не смазанные, скрипели. Махно распорядился менять уставших лошадей и из кооператива взять колесную мазь, подковы и все, что нужно было для успеха рейда. Его отряд (300 чел., 4 пулемета), будучи уставшим, вскоре уснул крепким сном.

Но комнезамы не дремали. Используя факт экспроприации материалов кооператива и замены лошадей, они спровоцировали крестьян против Махно. Вооруженные вилами и ружьями, они набросились на спящих махновцев. Вот они уже подошли к Махно, у квартиры которого стоял часовой. Раздался выстрел, и махновцы вскочили с уютных постелей. Открылась стрельба, в результате которой Махно, тяжело раненный в ноги, дал команду отходить в степь. Отряд потерял свыше 30 пленными и человек 20 ранеными. Сам Махно получил одиннадцатое тяжелое ранение.

Продолжая рейд, махновцы прошли с. Лиховка, Попельнастое, достигнув 17 августа 1921 г. с. Зеленое. Через с. Петрово, где была перестрелка, махновцы ушли на с. Верблюжки, где Махно разделил отряд на две части. Одну он направил через с. Куцовку, которую отряд достиг 18-го августа и далее через с. Ингуло-Каменку в район Нового Буга. Сам же с другим отрядом из с. Верблюжки движется на юго-восток через с. Петрово в Никопольский район, чтобы взять с собой отряд Ф. Иванова и Маруси.

Пройдя сс. Софиевку, Гуляйполе, что в 15 вер. восточнее станции Потоцкой, с. Варваровку, он останавливается на р. Грузской в богатых хуторах: Екатериновке, Терноватом и Федосьевском. Хуторяне были недовольны махновцами за замену лошадей. Вдруг подошла 7-я кавдивизия, переброшенная из Новоспасовки. Махно еле успевал поворачиваться от ударов. Хуторяне воспользовались моментом и набросились на Тарановского. Он защищался до последнего патрона, а после стал жертвой толпы: его сожгли на костре. В руки 7-й кавдивизии достался обуглившийся труп, который был предан земле.

Преследуемый 7-й кавдивизией (3-го кавкорпуса), Махно двигался на юго-запад, намереваясь встретить отряды Свища и Черного Ворона (осколки корпуса Павловского). К югу от станции Апостолово он теряет убитыми Дерменжи, Клейна, гуляйпольцев братьев Коростылевых и Феню, а немного позже — Петренко-Платонова и Иванюка. Не обнаружив свои крупные отряды, но все же присоединив отряд Маруси и часть отряда Иванова, теряя повстанцев, из с. Снегиревки, что северо-восточнее г. Николаева, Махно продвигается на северо-запад, где в районе Нового Буга 20-го августа соединяется со своими отрядами. Все уже заранее были предупреждены о возможности движения Махно через Днепр и затем систематически информировались о местонахождении отряда.

«После переправы Махно, начдиву 25 было приказано срочно формировать вооруженный пулеметами грузоотряд с десантом с задачей отбросить банду на находящиеся в Елисаветградском уезде части 3-го конного корпуса, чтобы ее окончательно захватить и уничтожить. Гонимая автогрузоотрядами банда Махно, в числе около 50 чел. при одном ручном пулемете, утром 20 августа 1921 г. насккивает на первую бригаду 7-й кавдивизии

(около 600 сабель), беспечно располагавшуюся без всякого охранения в хуторах Приют Надежда – Горделевка.

Воспользовавшись поднявшейся паникой, Махно захватывает 25 тачанок с пулеметами и уходит в направлении на Новый Буг...»[1168].

Продвигаясь далее через сс. Полтавку, Балацкое, Рошковатое, Щербаны, повстанцы 22-го числа достигли с. Еланец. Пройдя с. Константиновку 23 августа, ночевали в с. Лысая Гора. 24-го отдыхали в сс. Терновке и Покотилово. Здесь, на собрании, окончательно было решено отказаться от Галиции и, сохранив силы, уйти в Румынию. По селам было разослано много агентов для агитации и вербовки добровольцев[1169].

25-го августа повстанцы отдыхали в с. Великая Мечетня и далее, потихоньку продвигаясь на Демковку, Кодыму и Каменку, собирали повстанцев и окончательно обсуждали, как быть. 27-го августа к вечеру достигли р. Днестр.

Здесь Махно выступил с речью, в которой подвел итог и осветил дальнейшую перспективу повстанческого движения.

Повстанцев, которые не пожелали сложить оружие и уйти за границу, организовали в отряд и поручили (с целью отвлечь от переправы силы красных) завязать бой северней г. Каменки. Лева Задову поручалось изучить и организовать переправу.

Задов с отрядом человек в 20 выехал к реке. Вскоре они под видом красного карательного отряда, преследующего махновцев, сблизилась с отрядом пограничников. Дабы усыпить бдительность пограничников, Задов кричал им: «Это вы вызывали нас на помощь? Где махновцы? Пора кончать!» Отряды сблизилась и махновцы без выстрела обезоружили пограничников.

Через границу была переправлена первая пробная группа, которая была нормально принята румынами и после переговоров с ними был дан сигнал к переходу Днестра остальными повстанцами.

Уже у самой воды Задов снял с пальца золотое кольцо с камнем и отдал его беременной Галине Андреевне (жене Махно) объяснив, что это единственная ценность на весь отряд, и возможно румыны не посмеют ее обыскивать, и это хоть как-то, на первых порах, сгладит нужду, которая их ждет на том берегу.

А на том берегу повстанцы были обезоружены и интернированы.

В разведсводке Штаба войск Украины от 9-го сентября 1921 г. говорилось:

«КВО. Ольгопольский р-н. По войсковым сведениям бандой предпочтительно Салтыса в составе 60 штыков 6/9 произведен налет на Волочок (7 вер. сев.-восточ. Ольгополь). Захватив продразверстку, банда скрылась невыясненном направлении. По тем же данным и из опроса местных жителей подтверждается маршрут банды Махно, указанный в разведсводке Штабвойскукркыма от 31/8. Банда, минуя населенные пункты, лесными

дорогами 28/8 подошла к Днестру и переправилась на Румтерриторию против д. Бурсук (8 вер. юга Каменка). Численность банды составляла 125 сабель при 2 пулеметах. При банде находился сам Махно...»[1170]

Но повстанческое движение на Украине продолжалось, и в приказе войскам 30-й Иркутской дивизии говорилось:

«г. Запорожье 31 августа 1921 г.

Несмотря на ряд предупредительных мер, северо-восточная часть Гуляйпольского уезда продолжает оставаться очагом бандитизма с активно действующими и терроризирующими всякую работу отрядами.

В целях окончательного уничтожения действующих там банд и полной очистки района Губсовещанием решено объявить указанный район ударным, сконцентрировать в нем достаточные силы и образовать для руководства операции правочную тройку в составе войскового начальника, представителя Гуляйпольского Укома и ответственного представителя Губ. ЧК и, учтя до максимума агентурную работу, в кратчайший срок очистить северную часть Гуляйпольского района от всех видов бандитизма и сочувствующих ему элементов...»[1171].

Но вернемся назад. Распростившись 17-го июля 1921 г. в Таганрогском округе с Махно, я был обременен группой тяжелораненых. Лечение своих больных в советских лазаретах нами практиковалось и раньше. Пользуясь армейскими бланками и печатями, повстанцы от штарма получали красноармейские документы, препроводиловки в совбольницы и военные лазареты, где они, под видом красноармейцев, раненных в бою с махновцами, проходили определенный курс лечения, а, по выздоровлению, снова возвращались в армию. Так было и теперь. Совершенно безнадежных, а их было около 30 человек, во главе с Ф. Кожиним, я отправил в Таганрогскую больницу. Медициной они были спасены. Кожина, накануне раненного в мочевого пузырь, постигло худшее: на операционном столе он умер.

Избегая боев, мы подходили к р. Дон, чтоб пройти на Кавказ. Но, будучи встречены красными частями Северо-Кавказского округа и Ново-Черкасского гарнизона и потеряв надежду на переправы, мы повернули назад.

Идея союза с Совправительством и уход в Турцию утрачивала свое прежнее значение. Командиры и бойцы увлеклись идеей амнистии. Вернувшись в Мариупольский уезд, я созвал собрание, на котором поставил на выбор — идти в Турцию или к Соввласти с повинной.

Отряд в нерешительности колебался, укрываясь от налетов красных частей. Весь август, будучи на распутьи, он бродил по Мариупольскому уезду и Таганрогскому округу. И только 13-го сентября 1921 г., будучи измороен преследованиями и боями, он распылился, а человек 20 сторонников вывести «Кавказскую армию» Маслакова в Турцию, во главе со мной, ушли в подполье.

Но повстанческое движение на Украине так и не прекращалось и вр. и. о. Председателя Постоянного Совещания при Совнарком УССР Р. Эйдеман в своем обращении от 21-го

сентября 1921 г. к Главкому С. Каменеву просил принять меры к разгрому повстанцев:

«Борьба с бандитизмом в северной части Донецкой губернии, несмотря на все принятые меры Постоянным совещанием и командованием Украины, принимает затяжной характер. Банды, разбиваемые на территории Донецкой губернии, находят пристанище в Воронежской губернии, Донской области, где спокойно вновь сформировываются, пополняются и оттуда же делают систематические небег на Донбасс...»[1172].

Но вернемся к «Кавказской армии». Окруженный старыми кадровыми махновцами-анархистами, Брова умел влиять на Маслакова. Оторвавшись от нас 19 февраля 1921 г., они прошли р. Дон, где оставили отряд Пархоменко. Вскоре были в Ставропольщине. На борьбу с ними был брошен 2-й Конкорпус (бывшая 2-я Конармия). Вслед за тем была брошена и 1-я Конармия. Но «Кавказская армия»развивала наступательные действия и к июлю насчитывала до 10 000 сабель и штыков. Части бывшей 2-й Конармии без боя переходили на сторону махновцев, и в этом была заслуга их бывшего командарма Миронова, к этому времени замученного в Бутырской тюрьме большевиками. Кавказская же армия после многочисленных боев с 1-й Конармией и другими частями к сентябрю выдохлась. Она насчитывала в своих рядах до 5 000 человек, разбросанных в 10-ти местах, укрывалась в горах. Амнистия была объявлена и там. Повстанцы начали самотеком бежать из армии, готовые искупить свою вину перед Соввластью. В конце сентября или начале октября амнистированные повстанцы, вернувшись в армию, убили Маслакова, а чуть позже убили и Брову.

Но Колесниченко, Лонцов-Кочубей, Гоцинский и другие командиры продолжали партизанить. И только в конце февраля 1922 г. с отрядом в 200 человек Кочубей вернулся на Украину и на Полтавщине сдался Соввласти. Остальные партизанили в горах, укрываясь от преследования, вплоть до 1923 г.

Не предполагая своего будущего, 15-го сентября я с Долженком покинул Украину. Житель с. Ново-Петровки Сосновский на парусной лодке перевез нас через Азовское море на Кубань. Оставшиеся товарищи в Новоспасовском районе должны были группами и одиночками следовать за нами или явиться по амнистии. Вскоре мы были в г. Ейске, нащупывая «Кавказскую армию», к тому времени распыленную на мелкие отряды.

Долженко меня отговаривал бросить мысль о союзе с Совправительством и ориентацией на Турцию.

«Из этого ничего не выйдет, — говорил он. — Лучше остаться в подполье, присмотреться к большевикам.»В настоящее время он был на распутье. В анархию он перестал верить и ругал махновщину. Да, он имел основание, имел право! Однако не отказался поехать в разведку на ст. Тихорецкую, откуда больше не возвратился.

Будучи в последних боях тяжело раненным, я не мог исполнить давно желанную мысль о союзе с Совправительством, не в силах был вывести «Кавказскую армию»(махновцев) в Турцию на помощь Кемалю, чем обезопасить оставшихся бойцов от гонений Совправительства.

23 сентября 1921 г. я был арестован на Кубани в станице Должанской, на конспиративной квартире, по доносу своего же кучера.

Так кончилось анархо-махновское движение, начатое горстью анархистов-активистов и усиливавшееся в силу террора экономического, политического, социального, национального и религиозного, применяемого властями к населению Украины. Спокойная жизнь на селе еще долго не водворялась. Органы ЧК, армия, милиция и комнезамы долго еще оставались в селах, утверждая пролетарское классовое правление, искореняя остатки побежденной махновщины.

Большевики не могли успокоиться, не увидев труп Махно.

В ноте правительств РСФСР и УССР правительству Румынии от 20-го сентября 1921 г. писалось:

«Известный бандит Махно перешел 28 августа бессарабскую границу у Монастыржевки с шайкой приверженцев, ища убежища на территории, которая фактически находится под властью Румынии. Этот разбойник в качестве главаря преступных банд совершил на территории России и Украины бесчисленные преступления, сжигая и разграбляя деревни, избивая мирное население и пытками вымогая у него имущество.

Ввиду этого Российское и Украинское правительство обращаются к Румынскому правительству с формальной просьбой выдать им, как обыкновенных уголовных преступников, упомянутого главаря шаек вместе с его соучастниками.

Народный Комиссар по иностранным делам РСФСР Чичерин.

Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный Комиссар по иностранным делам УССР Раковский»[1173].

В ответной ноте Президента Румынского Совета Министров от 27 сентября 1921 г. говорилось:

«...для этого необходимо действовать в согласии с нормами международного права, то есть послать приказ об аресте, исходящий от надлежащего судебного учреждения, со ссылкой на статьи уголовного кодекса, применяемые к преступникам. Необходимо, кроме того, указание на приметы преступников. Так как в Румынии смертной казни не существует, то вместе с тем необходимо, чтобы вы приняли на себя формальное обязательство не применять смертной казни к выданным. Когда эти условия будут выполнены, Румынское правительство рассмотрит дело о бандите Махно и его сообщниках и решит, надлежит ли дать ход требованию о выдаче»[1174].

На этот ответ Советское правительство усилило натиск и предложило Румынскому правительству «...выдать уголовного преступника Махно в качестве предварительного условия переговоров о нормализации отношений. Румыния, указывалось в ноте от 3 октября 1921 года, должна дать реальные доказательства, что ее территории перестанут служить базой для организации враждебных действий против советских республик»[1175].

Правительства России и Украины вели специальную переписку с Румынским правительством по поводу выдачи Махно и его сообщников[1176]. Тем более, что количество сообщников росло.

Так, только в районе городов Бельцы, Теленики, Овсяны находились три отряда махновцев общей численностью до 700 человек[1177].

Большевики нервничали и послали разведчика, будущего героя Отечественной войны, Д. Н. Медведева на румынскую территорию с целью убийства Махно.

Вот как это описано:

«Дмитрий Николаевич в мундире румынского офицера был переброшен через границу на румынскую сторону возле села Маринешты. Он знал точно, где, на какой час в городе Бендеры назначена встреча руководителей румынской сигуранцы с Махно. С помощью верных друзей Медведев приехал на автомобиле в Бендеры и, имея заранее заготовленный пропуск, прошел в назначенный час на совещание. Самого Махно среди собравшихся не было. Батяко опаздывал. Пришлось разрядить “маузер” в крупных деятелей румынского шпионажа, а затем с большим трудом переправляться на советскую сторону...»[1178].

Победа над повстанчеством развязала руки большевикам и их органам в наведении политической стерильности и «порядка» на Украине. Так органами ЧК только в г. Запорожье (Александровск) было по приблизительному подсчету выкачано: 20 пулеметов, 2 833 винтовки, 335 револьверов, 405 шашек, 86 798 патронов и масса другого военного снаряжения...[1179].

Газета «Вести» писала весной 1922 г.:

На Екатеринославщине.

...Засеяно было 60 процентов площади 1921 года. Опасаться за урожай пока нет причин. Для составления и проверок налоговых списков мобилизовано[1180] необходимых работников. Положение с сельскохозяйственным инвентарем катастрофическое, так как голодные крестьяне обменивали весь инвентарь на хлеб на Волыни и Подоле.

Отсутствие рабочего скота большое и достигает 70–80 процентов необходимого...

Голодает в губернии больше 1 100 000 душ. Помощь имеют 12 процентов. Помощь получают из разных источников, в чрезвычайно малых размерах.

Весной, хотя состояние голодных значительно лучше, однако многие эпидемии дополняют страшное горе царя-голода, население питается суррогатами, нередко также бывают случаи людоедства...

В результате голода распространяется уголовный бандитизм, с которым проводится соответствующая борьба.

Политического бандитизма — нет»[1181].

Наконец утихомирили.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 5 апреля 2025 23:33:16

██████████ ██████████ обновил 5 апреля 2025 23:47:23